

ЯАН
РАННАП

ПОСЛЕДНИЙ
ОРЛАН-
БЕЛОЕ ПЕРО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Цена 38 коп.

Я А Н Р А Н Н А П

ПОСЛЕДНИЙ
ОРЛАН-
БЕЛОЕ ПЕРО

П О В Е С Т Ь

С ЭСТОНСКОГО ПЕРЕВЕЛА
М. КОХ

Рисунки
Э. ВАЛЬТЕРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА» • МОСКВА 1971

Эстонский писатель Яан Раннап — автор многих книг для детей. Писателя интересует жизнь современных школьников — их увлечения, пионерские дела, дружба. Вот уже много лет он работает в эстонском журнале «Пионер». В 1965 году впервые на русском языке была издана книга рассказов Я. Раннапа «Юхан Салу и его друзья».

Повесть «Последний орлан — Белое перо» удостоена первой премии на республиканском конкурсе на лучшую детскую книгу 1966 года.

По лесной тропе двигалось двое ребят. Первый то помчится вприпрыжку, то побредет, нагнувшись и внимательно разглядывая кочки под ногами. Ни один инструктор по туризму не одобрил бы такой способ передвижения. Так вприпрыжку бегают только малыши, а тринадцатилетний мальчик может позволить себе это лишь в случае, если никого поблизости нет.

Круглое лицо с двойным подбородком и чуть вздернутым носом придавало мальчику добродушный вид. Хотя мальчик был толстым, он шел легко. Приоткрытый пухлый рот, согнутые в локтях руки и напряженно вытянутая шея делали его похожим на борца, вышедшего на ковер. Это сходство усиливали выгоревшие волосы, подстриженные под бобрик. Увидев осину с темными ложбинками на месте бывших веток, он осторожно подошел к дереву и, всматриваясь вверх, забарабанил по стволу. Подождал немного и снова вернулся на тропу.

Второй мальчик держался позади метрах в ста. Он вел себя еще более странно: то кидался на живот, то полз на четвереньках, то по-лягушечьи прыгал от дерева к дереву, от куста к кусту. Но тропу не упускал из виду.

Тропа начиналась в поселке Ляпукюла. Правда, тут в лесу она принадлежала лесным зверям. Косули ходили по ней пить морскую воду. Человек редко попадал в эти рощевые леса, разрезанные немногочисленными покосами. Раз или два в месяц здесь бывал Вазвереский лесник с ружьишком за плечом. За нимковыляла старая гончая Диана. В разгаре лета сюда приходили косари, а осенью — одинокие грибники. Зато косулю или серомордого лося можно было бы увидеть каждый день.

Лето только занималось. Отцвели весенние цветы. В воздухе повис густой цветочный аромат. Порывы ветра донесли запах цветов туда, где меж кустов и деревьев пробирались двое ребят. Первый из них не обратил на аромат никакого внимания, а второй — тем более.

Есть увлекательные книги, в которых говорится о том, что много веков тому назад у нас и за морями-океанами люди умели подкрасться к лани на расстояние удара копьем, могли поймать зайца в его гнезде и даже быть тенью другого человека. В потоке бурного развития человечество утратило эту способность, но кое-что сохранилось и до наших дней. Во всяком случае на полке, висевшей над кроватью десятилетнего Энна Сийтама, была книжка с картинками о тонкой и сложной работе следопыта. Энн Сийтам прятался за гнилым пнем именно в такой позе, которая была нарисована в этом справочнике. Энн пристально следил за мальчиком, который барабанил по стволу корявой ивы, что росла на берегу заболоченной канавы. Он не понимал, зачем это делается, но и против ничего не имел. За то время, пока Энн преследовал толстого мальчика, он понял, что надо ловить удобный момент, иначе не перемахнешь незамеченным из одного укрытия в другое. Удобным был момент, когда толстяк стучал по стволу.

Энн выскочил из-за пня и перебежал в орешник.

Десятилетний мальчуган лопался от гордости, чувствуя себя победителем. Он — кошка, а тот, впереди, — мышка. Смех разбирал его. Мог ли Энн думать, что его уже разоблачили?

Первый предупредительный сигнал Мårdус Мåавере — его считали мышкой — принял чуть повыше ручья Кóссуоя, когда над кустарником отчаянно затрещали и закружили две сороки.

А теперь об опасности телеграфировала сероватая птичка с длинным клювом.

Мårdус Маавере знал точно, как ведет себя черныш, когда вокруг все спокойно. Он поднимается в воздух, чтобы потом с песней планировать на землю.

Теперь же этот маленький любопытный паникер тревожно перелетал с ветки на ветку, покачивался, подпрыгивал и по-смастривал вниз.

Хотя Мårdус и не имел книжки про сложное искусство следопыта, кое-что он тоже читал. Беспokoйство черныша почему-то напомнило ему рассказ про уссурийского тигра. Охотник преследовал тигра, а тигр, поняв, что его преследуют, сделал крюк и пошел по следам охотника.

Мårdус Маавере, конечно, не тигр, и вряд ли того, кто за ним крался, можно было назвать охотником, но рассказ о тигре был поучителен. И вот что получилось. Когда десятилетний следопыт, стоя на четвереньках, из-за кустика таволги снова глянул на тропу, там было пусто.

В той умной книжке давались советы, как укрываться за

ниями. Там было нарисовано, как прятаться в камнях. А что делать, если преследуемый вдруг как сквозь землю провалится, об этом не было ни слова. Энн испуганно вскочил на ноги. Налево за деревьями поблескивало море. Направо чернел Тáпинэземский бор. Все правильно. Но не совсем. Исчез шедший впереди мальчик.

Вдруг за спиной Энн услышался страшный рев. Так рычат сказочные чудовища в детском спектакле. Как они сюда попали?

Кто-то запыхтел, затем услышался треск — так ломается сухая ветка.

«Это не зверь,— решил Энн.— Звери так не рычат».

И все же ноги сами привели его к ближней березе, а руки сами ухватились за нижний сук.

Вдруг он увидел Мардуса. Исчезнувший было мальчик поднялся из-за той самой поломанной ели, за которой только что прятался Энн.

— Что, мишку испугался?

Сочувственные нотки в его голосе могли обмануть хоть кого, только не Энна. В словесных битвах он имел большой опыт и теперь заносчиво выпалил:

— Где он, твой мишка? Подай-ка его сюда!

Один малый да удалый, второй постарше, но почему-то неуверенный, стояли они друг против друга. Тот, который постарше, не знал, что делать. Мардус никогда не искал ссоры. Может, сейчас он и придрался бы к меньшему, но вдруг услышался какой-то шум. Высоко в небе, куда не достанет и охотничья дробь, пролетело что-то темное, окруженное встревоженной птичьей стаей.

Взъерошенный как петух, Энн удивленно смотрел, как Мардус подбежал к березе. Чего он вздумал лезть на дерево? Но нет, Мардус повернулся и помчался к черной ольхе неподалеку от березы.

Это могучее дерево выросло над всеми остальными в негустой роще. Кто заберется на ее вершину, увидит всю округу. Но Мардус не смог дотянуться до нижней ветки. Подпрыгнув раза два, он обернулся и крикнул Энну:

— Иди сюда! Скорей! Я тебя подсажу. Посмотри, куда он летит!

Хорошо иметь глаза, о которых школьный врач пишет в карточке — 1,0! Сидя верхом на суку раздвоенной верхушки, Энн ясно видел, как шумливая стая вокруг птицы поредела и потом рассеялась.

— Большая сосна на пригорке! — давал он сведения о по-

лете огромной птицы.— Старый сарай! Стог с шестом посередине!

Наконец птица исчезла в голубой дали на одинаковом расстоянии от петуха на башне лапукюлаской церкви и Рэбаземясской межевой башни. Так он и доложил Мардусу.

— А что этим воронам до сокола? — спросил Энн, спустившись на землю.— Зачем тебе знать, куда он полетел?

Мардус сунул записную книжку и карандаш в задний карман штанов. Вид у него сделался строгий и даже торжественный.

— Это вовсе не сокол, а самая большая птица в Северной Европе, если хочешь знать. В Литве нет больше ни одной такой, в Латвии, может быть, только две. То, что ты сейчас видел, большинство людей не увидит никогда.

Непонятно, почему преподаватель физкультуры говорит, что Маавере никогда не отвыкнет сутулиться. Мардус встал прямо, как свечка, перед Энном, который был на голову ниже. Сверкая глазами, Мардус произнес:

— Запомни этот день, малыш!

В другой раз Энн рассмеялся бы. Но сейчас он и не пикнул.

СТАРЫЙ ОРЛАН БЕЛОЕ ПЕРО

Старый орлан Белое перо продолжал свой путь, мерно взмахивая могучими крыльями. Недалеко от поселка Лапукюла он нашел восходящий поток воздуха, расправил крылья, и его подняло еще выше. Вовсе не вороны, что гнездятся на деревьях церковного сада, заставили его уйти так высоко. Это воронье ничуть не покладистее своих сородичей из Тапинэзмеского леса. Белое перо был совершенно равнодушен к необъяснимой страсти этих сварливых птиц затевать ссору с орланом. Даже молодому морскому орлану в первом полете нет в воздухе противника, с которым стоит считаться, так что говорить о старом Белом пере. Несмотря на поседевший затылок, старый орлан Белое перо в свои тридцать лет был еще полон сил. Он прекрасно знал, как отпугнуть эту крикливую стаю. Когда вороны становились настолько нахальными, что даже осмеливались бить его клювом, орлан переворачивался в воздухе на спину. Несколько ударов крылом — и стая разогнана. Орлан мог оглушить любую птицу поменьше себя.

Да, ворон он не боялся, а вот перед человеческими жилищами орлан испытывал страх. Белое перо взмывал все выше и вы-

ше. Наконец двухэтажное здание лапукюлаской школы показалось ему совсем крошечным.

Орлан держал в когтях большую щуку. Из рта рыбы торчал кусочек прозрачной лески. Белое перо мог бы увидеть там, кроме лески, еще и желтую металлическую рыбку, и большой крючок-тройник. Но ведь зрение у Белого пера как у всех орланов. С километровой высоты он различал каждое перышко в голубином крыле, а вот что во рту у щуки — не видел.

Лапукюлаский маслодел ходил на рыбалку на Кййратсиские рифы. Вернулся с пустыми руками и поломанным спиннингом. Такое дело, естественно, требует пояснения. Краснолицый маслодел рассказывал, как огромная щука — килограммов семь, не меньше — клюнула за бортом лодки. Заканчивал он свой рассказ всегда одними и теми же словами:

— Как дернет, удочка и треснула. Надо же, блесны как не бывало.

На самом же деле маслодел сам спяну ступил на спиннинг. А про щуку орлан мог сказать свое слово: весит она два кило двести, и ни грамма больше.

Белое перо заметил щуку со своего сторожевого поста на большом камне в заливишке Тапинэме. Тройное острие крючка разорвало щуке жаберные дуги. Ей недоставало кислорода, и щука часто поднималась на поверхность воды. Тут орлан ее и выхватил.

Маленьких рыбешек, которых море иногда выбрасывает на берег, Белое перо съедал на месте. Но с большими — иное дело. Больших рыб предки орлана таскали в гнездо своим птенцам, и Белое перо делал точно так же. Редкие могучие взмахи крыльев уносили его через Лапукюлаские колхозные поля, через питомник лесничества, через озеро Сйндлиярв с илистым дном. Вот внизу Выйсикаареские делянки, потом гарь Пёдазе с тысячью обугленных болотных сосенок, топь Нээрусоо и крупнейшее болото Вейсраба.

Там, где гиблое Нээрусоо треугольным клином врезалось в гряду на западном побережье Вейсраба, Белое перо сложил крылья. Воздух засвистел в его взъерошенных перышках на затылке, когда он камнем упал вниз. Сердце орлана ликовало. Белое перо очень любил такой стремительный спуск. Он чувствовал себя молодым и сильным. Еще не нашлось ему соперника в воздушном пространстве.

Каждый морской орлан имеет несколько гнезд. У Белого пера их было три. Гнездо, на которое он сейчас пикировал, долгое время служило ему запасным домом. В юности Белое перо обыч-

но ночевал на восточной стороне болота Вейсраба, в Палутагузеском бору. Там росла никому не доступная царица сосен. Сиди на краю гнезда, Белое перо мог свободно обозревать окрестность.

Но прошлым летом на восточную сторону болота Вейсраба пришли люди. Шумели, разбрасывали белые щепки. Хотя к самому гнезду они не подошли, осторожному орлану было достаточно и этого, чтобы на некоторое время переселиться на западное побережье Вейсраба.

Он боялся не столько за себя, сколько за свою подругу.

В бору Палутагузе находились владения предков Белого пера. Восемьдесят лет назад они переселились сюда из Финляндии и стали такими неизменными властителями палутагузеского воздушного пространства, какими могут быть только орланы. Они построили гнездо на двухсотлетней сосне, что росла на краю Палутагузеского бора. Нашли про запас еще два дерева. Невидимые границы владений пары орланов простирались от болота Вейсраба до поселка Вийдуна, от болота Сбырисоо до Тапинэзмеских рифов. Когда в небо поднимались орланы, в болоте и перелесках вымирала жизнь. Зайцы прижимались к земле между кочками, белые куропатки боялись шелохнуться, осторожные косули убегали в самую чащу.

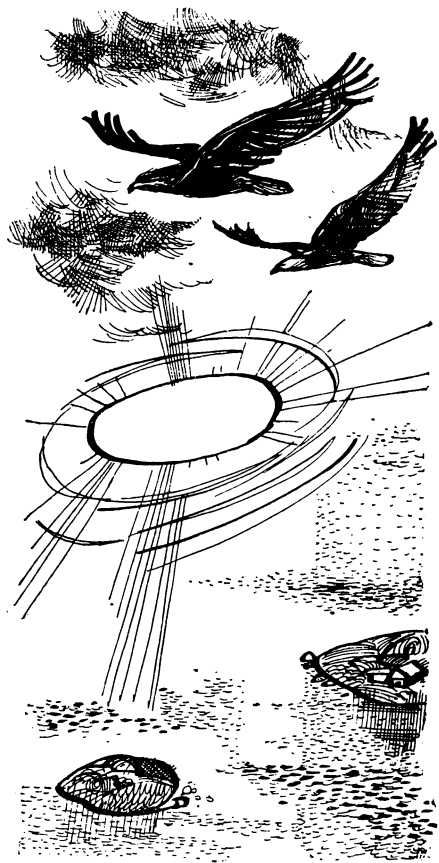
Каждой весной самка клала по два яйца, редко три. Яйца были совсем не такие большие, как можно было бы подумать. Не всегда из яиц вылуплялись смешные длинношеие птенцы, чем-то похожие на щетки-ершики для мытья бутылок. Случалось, вихрь опрокинет на гнездо тяжелую ветку, случилось, протухнет яйцо. Но все же бывали годы, когда весной с вершины старой сосны раздавались веселые голоса и орлану приходилось много трудиться, чтобы утолить голод быстро растущих птенцов.

Когда же детский пушок у орлят сменялся красивым темно-бурым оперением, на спинах молодых орланов можно было заметить светлую полосу.

Тут уж недалеко был день, когда птенцы поднимались в первый неуверенный полет.

Всегда это происходило в отсутствие родителей. Орлята будто бы стыдились критикующих взглядов. Первый очень короткий полет они совершали ранним утром, когда родители отправлялись на поиски добычи. Птенцы перелетали с дерева на дерево, с ветки на ветку и возвращались в родное гнездо.

После этого птенцы ночевали в гнезде одну или две ночи. День или два криком возвещали о голоде. И вот детству приходил конец. Гордо взмахивая крыльями, молодые орланы поднимались над высокой древней сосной и улетали к морю.

Родители провожали их зорким эскортом. В этих проводах была и радость, и гордость, а самое главное — прощание с родительскими обязанностями.

Молодые орланы начинали теперь самостоятельную жизнь. Сидя на краю гнезда, птенцы видели не раз, как мать пикировала на белку или отец преследовал зайца. Остальные знания таились где-то в глубине и ожидали возможности проявиться. Если подростки орлята и могли иногда рассчитывать на добавочную порцию из добычи, это составляло незначительную долю того, что им требовалось. Большую часть пищи приходилось добывать самим, и, будто осозная это, улетающие орлята все чаще взмахивали крыльями. Они не грустили нисколько. Их ожидал большой мир, они начинали бродяжническую жизнь. Что может быть лучше?

Пара орланов-переселенцев умерла естественной смертью. Их крылья подломила старость.

Почти до следующей осени над болотом Вейсраба не видели орланов. Ягнята косуль безбоязненно выскакивали на болото, белки беззастенчиво залезали в орланье гнездо. Казалось, так будет всегда. Но в один прекрасный день прибыли новые власти — палатугазуского воздушного пространства. Кто сообщил им о смерти старых орланов, знали только они. Но вот орланы прилетели и устроились на том же большом дереве, где жили их предшественники. Зоркий глаз заметил бы на спине одной птицы уже знакомую нам светлую полосу.

С тех пор гнездо никогда долго не пустовало. Сыновей и дочерей первой пары орланов было не так уж мало. Казалось, будто они время от времени возвращаются в места своего детства. И опустевшее гнездо вскоре заселяли новые жильцы.

Орлан, камнем падающий вниз, был по счету шестым обитателем здешних гнезд.

Когда до вершин деревьев оставалось совсем немного, старый орлан Белое перо распростер крылья. Он мог бы выпустить рыбу из когтей, и она упала бы именно туда, куда надо. Но его зоркий глаз уже приметил аккуратно ошипанного рябчика, которого в гнезде разрывали на куски. Его верная супруга делила свою добычу, и Белое перо тотчас же передумал.

С рыбой в когтях он опустился на сторожевое дерево. Здесь была ветка, на которой Белое перо любил вздремнуть. Была ветка, с которой он наблюдал за всей окрестностью. И та, на которой он съедал свою добычу.

Белое перо собрался вонзить клюв в спину щуки, как над ним повисло что-то темное.

Самка была намного больше орлана, моложе его, яростнее и, что самое главное, очень хорошо сознавала, кому, по обычаю орланов, должна принадлежать эта прекрасная рыба.

Миг спустя щука в новых когтях полетела в гнездо. Птенцы, похожие на мохнатых щенков, подняли головы и закричали от восторга.

Старый орлан неподвижно, как философ, сидел на своей ветке. В сторону гнезда он старался не смотреть.

В ЛЕСНИЧЕСТВЕ

Там, где узкая южная полоса палутагузских лесных массивов врзается в морской берег, стоит небольшой поселок. Если выйдешь из леса и перейдешь через мост над речкой, вскоре увидишь двухэтажное здание красного цвета. Это восьмилетняя школа. Рядом спортплощадка и сад, разделенный на опытные участки, а перед школой площадка с флагштоком. Напротив школы дымится труба длинного кирпичного здания. Здесь маслобойня. В стороне от шоссе высится серая каменная церковь. По обе стороны дороги стоят старые деревянные дома. А все вместе это называется поселком Лапукюла.

Лапукюла не назовешь совсем незначительным поселком. В Лапукюла есть магазин, единственный в округе на десять километров. В Лапукюла есть почтовое отделение. Здесь можно послать телеграмму и подписаться на газету. В Лапукюла живет Лийзу Тидрик, одна из немногих знахарок. Наконец, в Лапукюла живет человек, который умеет смастерить и кухонную полку, и деревянный крест на могилу. Только не надо задавать вопрос: «Здесь ли столярка Кибритса?» Если вы так спросите, то хозяйка Анн обидится, и хозяин Яак тоже. Они оба считают, что заказы надо принимать тайно.

А чтобы перечень был полным, надо добавить, что в Лапукюла живет еще часовщик и у него есть жена Элиза, которая стояла в воротах школы в тот момент, с которого мы продолжим свой рассказ.

Жена часовщика Элиза стояла в воротах школы и молола, как скоростная мельница:

— И не бойтесь-то вы скуки деревенской, вижу, не бойтесь. Намедни я сказала своему старику: «Наверно, городские в школе поселились, труба дымит». Соседский пес лаял всю ночь как ошалелый, небось не дал спать? Мальчик-то малый у вас какой

бледный. Вы его парным молоком не поите? И яичными желтками не кормите?

Разговор мадам Элизы в основном состоял из вопросов. За одну минуту прекрасная половина часовщика могла выпалить не меньше двадцати вопросов, на которые не получала ответа, потому что ей просто не успевали отвечать. Да ее и не интересовали ответы. Она довольствовалась вопросами. А несчастный собеседник или кивал, или качал головой, или просто разводил руками.

Все это исправно проделывала сейчас и концертмейстер Мэргит Сийтам. Наконец она с тайной надеждой на спасение стала поглядывать по сторонам. Она была благовоспитанным человеком, а благовоспитанные люди без причины не бросают своего собеседника. Следовательно, нужно было найти причину.

Взгляд концертмейстера остановился на младшем сыне, четырехлетнем Андрусе.

Андрус был беспокойным ребенком, любил убежать из дому и тайком забираться на чердак. Но сейчас он как пайныка сидел на дорожке и выковыривал из земли половину кирпича.

Концертмейстер кивнула еще раз, еще раз покачала головой и развела руками. Больше она не вытерпела. К счастью, старшего сына нигде не было видно.

— Э-э-нн! — крикнула Мэргит Сийтам жалобно. — Энн! Где ты? — И, задавши риторический вопрос: — Куда же он девался? — скрылась за углом школы.

У Мэргит Сийтам не было примечательных актерских способностей, и поэтому ее бегство получилось нарочитым. Но мадам Элиза уже привыкла, что от нее все сбегают. Даже собственный муж при первой возможности уходил из дому. Брал удочки и, бросив на пороге: «Ну, я пошел!», исчезал прежде, чем его любезная супруга успевала спросить, куда он отправляется, принесет ли он рыбы и вообще, что толку от мужа, который возвращается только поздно вечером.

Теперь мадам Элиза спросила Андруса, хочет ли он стать инженером-строителем, умеет ли он читать, летал ли он на самолете и хочет ли...

Семья Сийтамов уже второе лето проводила в Лапукюла. Бывшая одноклассница Мэргит Сийтам, с которой они когда-то сидели за одной партой, работала директором местной школы. Конечно, это не главная причина, почему Сийтамы приехали снова сюда. Знакомые были, естественно, и в других местах. Но там не было этого изумительного ягодного леса. Там не протекала прямо за домом хорошенькая речушка, где приятно выкупаться. А что самое главное, в других местах не было пианино.

Этот музыкальный инструмент был нужен для Энна. Мать Энна — концертмейстер — сидит за роялем почти семь часов ежедневно. Ее нисколько не тянет к фортепьяно во время отпусков. Отец Энна — дирижер. Ему не требовалась техника пианиста-виртуоза, поэтому он тоже вполне мог месяц или два обойтись без фортепьяно. Но их десятилетний сын, в ком кроется будущий музыкант, не мог. Родители были в этом уверены. По случаю летних каникул Энну сделали лишь незначительную поблажку. Вместо обычных трех часов он должен был в Лапукюла играть по два часа в день.

Энн сидел за пианино. Через открытое окно он слышал все, что говорили у ворот. С малолетства он был любопытным, как воробей. Когда у папы с мамой бывали гости, он не засыпал до полуночи в своей комнате и внимательно прислушивался к разговору взрослых. У него была необыкновенная память, он все запоминал. Он мог бы беседовать с кем угодно и о чем угодно. Его можно было бы послать даже в кафе, где собираются люди искусства. Краснеть из-за него родителям не пришлось бы. Но, к сожалению, его никогда не брали с собой в кафе с винтовой лестницей.

Кроме фортепьяно и занятий в школе, у Энна была только одна серьезная обязанность — присматривать за младшим братом.

Как хорошо иметь старшего брата! Он возьмет тебя рано утром с собой на рыбалку, научит закидывать спиннинг и стрелять из пневматического ружья. С ним отпустят и в многодневный поход — в общем, куда угодно.

Неплохо, если вы с братом близнецы или он, скажем, моложе на год. Двое — все-таки двое. Двоих побоятся даже лохматый соседский пес. Двоих побоятся и сердитая корова школьной столовой.

Ну да всем известно и то, что если двое шагают по деревенской улице, то не каждый встречный сверстник осмелится спросить, отлупить тебя или нет.

А вот если брат еще совсем дитя, это сущее наказание. Он хвостом волочится за тобой и все спрашивает: «Что мы теперь будем делать?» Будто с четырехлетним можно затеять что-нибудь дельное! Разве что в прятки поиграть, да и то хорониться надо только за бочкой с дождевой водой, иначе он не найдет.

Такие мысли вертелись в голове Энна Сийтама, когда он ерзал на скрипучей вращающейся табуретке у пианино. Энн Сийтам был великим психологом. Он понимал, что после полугодовой, насыщенной вопросами беседы у ворот мамыны нервы

требуют покоя. Между тем Андрус уже выковырял кирпич и ходил по двору с видом: «Что же теперь делать?» Опасность оказаться в положении няньки стала угрожающей. Энн понял это сразу.

Энн был не только великим психологом, но и великим страгетом. Ему давно уже был известен некто, который выручал его в критический момент. Хотя этот человек и умер более ста лет назад, труд его не умер. И Энн раскрыл грязно-зеленый альбом. «Карл Черни. Школа беглости» было означено на обложке.

Энна отзывали от пианино пасти ребенка, когда он наигрывал школьным сторожикам новые песенки Артура Ринне. Просили выйти во двор, даже когда он импровизировал. Но еще ни разу не давали ему никаких поручений, когда стекла в классе дребезжали от акробатики для пальцев, которую написал Черни. Каждый преподаватель музыки прекрасно знает, как трудно заставить современных детей играть необходимые юному виртуозу упражнения для развития пальцев. А если дети играют их самостоятельно, то это чудо. И тогда им не мешают.

Лет тридцать назад лапукюлаские учителя организовали вечер с выставкой-продажей, доход от которого пошел на покупку школе пианино. Те учителя сменились новыми, но старое «Астрон» по-прежнему стояло на возвышении в углу класса. По-прежнему его отделяла легкая загородка из точеных палочек, на которой с удовольствием качались младшие школьники. И по-прежнему нужно было из учительской приносить крошечный ключик, чтобы отпереть крышку.

Сидя у пианино, Энн видел школьный двор и газон у дороги. Заметив, что мать и Андрус направились к ручью, он вылез в окно.

В окно вылез он и вчера, когда увидел на тропинке, ведущей в лес, толстого мальчика.

Мысль тайком преследовать Мардуса Маавере пришла неожиданно. Захотелось узнать, можно ли ходить следом за человеком и оставаться незамеченным, а заодно проверить на практике то, о чем говорилось в книжках про разведчиков. Его совершенно не интересовало, куда идет Мардус. Ребята, любившие гулять в одиночку, неподвижно сидеть на берегу канавы или бродить по лесу, казались Энну странными. Странными и скучными. Обычно он сторонился их.

Что ж, люди нередко ошибаются, ошибся и Энн.

Вчерашний следопыт бежал к желтому домику на краю поселка, будто на пожар. Отворив калитку, крикнул:

— Идем, Мардус! Я удрал!

Через четверть часа перед старинным домом остановился старый велосипед. С него спрыгнул толстый вспотевший мальчик. Он придерживал велосипед, пока другой мальчик слезал с багажника.

Ребята находились в большом и могучем парке. Перед крыльцом росли стройные как свечи туи. Немного поодаль шелестели листвою липы, а про бледно-зеленую лиственницу говорили, что нет ей равной ни далеко, ни близко.

Двое прибывших и не посмотрели на величественные деревья. Они поднялись по каменной лестнице, отворили скрипучую, застекленную разноцветными квадратиками дверь и вошли в просторную комнату. Там стояли три грубых письменных стола, два ободранных шкафа.

В лапукюласком лесничестве привыкли к посетителям. Летом приезжали и уезжали ревизоры, практиковались студенты. Но ребята из поселка в бывшую помещичью усадьбу наведывались редко. Пятеро человек вопросительно посмотрели на Энна и Мардуса: «Ну, мальчики, а вам что?»

Ребята переступали с ноги на ногу. Если дело, по которому пришли, немного секретное, то не хочется начинать прямо с него. Секретные дела ведутся спокойно, рассудительно и по возможности через «своих» людей.

Кто из них «свой»? Это надо выяснить первым делом. Где помощник лесничего Ляанесте, под руководством которого лапукюлаские ребята каждой весной устанавливали скворечни?

Помлесничий Ляанесте уехал в столицу, сообщили ребятам. В столицу и в Главное управление.

А где таксатор Кярмас, который тоже не раз заходил в школу? Можно его позвать?

Но и таксатора Кярмаса нельзя было позвать. Он там, где все таксаторы в летнюю рабочую пору: шагает по лесу с меркой в руках и полевой сумкой на боку. Осматривает каждое дерево, ведь лесничество должно иметь представление о том, где растут будущие телефонные столбы и куда послать лесорубов снимать деревья для спичечной фабрики.

— Что же вам, ребята, надо? — подошел высокий краснолицый человек. — Может быть, и мы дадим вам совет... Нас тут много...

Энн Сийтам выступил вперед. Его характер не позволял стоять в стороне. Это он ответил:

— Ничего особенного... Мы только хотим узнать, что, если пересечь озеро Синдлярв... и лес за озером... и еще дальше пойти, что там будет?

Такого вопроса не ожидал никто. Все насторожились.

— Что будет за Синдлиярвским лесом? — удивленно приподнял брови краснолицый. — Яагуп, ты хозяин того участка, объясни ребятам.

Лысый человек средних лет что-то буркнул себе под нос. Бухгалтер напомнил ему об отчете за прошедший квартал. Человек, считающий самым неприятным делом на свете что-нибудь писать, естественно, не обрадовался этому. Обычно весьма разговорчивый Яагуп молчал, будто воды в рот набрал. Потом буркнул еще раз:

— За лесом будет лес. Вырубки Выйсикааре.

— А за рубками?

— Гарь Педазе, ясное дело.

— А дальше?

— Что там может быть? Одни болота, ясное дело.

После этого категорического заявления синдлиярвский лесник взял в зубы кончик карандаша и принялся его грызть. Каждый мог понять, что больше он не вымолвит ни слова.

Зато краснолицый был в хорошем настроении.

— А зачем вам это знать? Хотите пойти за морошкой? Или просто в поход? Если в поход, то в такие большие леса не стоит идти. Заблудитесь.

Меньший мальчик скривился.

— Да мы по другому делу. Вчера орлан в ту сторону полетел. Мы хотим узнать, где находится его гнездо. Это очень важно, с точки зрения охраны природы.

Еще раз нашла подтверждение старая проверенная истина, что взрослые ничему не верят. Энн Сийтам ожидал удивления, но не такой бурной реакции. Синдлиярвский лесник вскочил, будто его оса укусила.

— Гнездо орлана! В своем ли вы уме? Один раз увидели орлана — и сразу гнездо искать. Вокруг тридцать километров болот и лесов. До смерти будете искать, ясное дело!

Лесник Яагуп стал яростно набивать трубку.

— Так и есть... не найти иглу в стоге сена... — сказал краснолицый. — Яагуп у нас большой специалист по орланам. Раз он так сказал, сомнений быть не может.

Краснолицый ухмыльнулся. Ухмылялись все, кроме самого Яагуа. Редко удавалось посмеяться над синдлиярвским лесником, а вот теперь появилась такая возможность. Ведь в прошлом году Яагуп отвез в Управление лесного хозяйства брезентовый сверток и сказал:

— Смотрите, вредного ястреба застрелил.

Охотничий инспектор повертел птицу, спросил, где подстрелена, при каких условиях. Только потом сказал, что это вовсе не ястреб, а молодой морской орлан. Ему, Яагупу, придется платить штраф и распрощаться с двухмесячной заработной платой.

— Так вот, ребята,— повторил краснолицый.— Не найдете вы гнезда в один прием. Ясное дело, как говорит Яагуп. Эту затею лучше бросьте.

Откуда мог он знать, что Мардус, отошедший к стене, уже нашел место, где находится гнездо.

Возле дверей висела карта лесничества. Мардус мысленно приложил к ней линейку так, чтобы она пролегла через старый сарай в Тапинэме, через озеро Синдлярв, за Выйсикаареские вырубки. Получилась прямая линия. Затем, соединив при помощи этой самой мысленной линейки рыбачий поселок Вийдуна с Кюлгаской смотровой башней, получил вторую прямую. Теперь Мардус уже знал, где они скрещиваются.

— Да, ребята,— сказал краснолицый как бы на прощание.— Вряд ли стоит вам искать это гнездо. А если захотите поговорить об орланах, заходите. Яагуп будет очень рад.

Комната грохнула от смеха.

Когда ребята выехали из парка, Мардус затормозил. Эни слез с багажника. Нужно было подытожить результаты разведки, но на велосипеде ведь не поговоришь.

— Ты уверен, что с моря он летит напрямик к гнезду?

Мардус был уверен, потому что об этом говорил его старший брат Вальтер. Орлан летит к гнезду напрямик, будто у него компас в клюве.

— А вторая прямая... из Вийдуна? Ты уверен, что она верна?

И в этом Мардус не сомневался. Так записано в тетради старшего брата.

— А где эти прямые скрещиваются?

Загорелая рука, вся в царапинах, заживших и свежих, нацерила на листке блокнота нечто похожее на рожок.

— Здесь. На острове Сирбисаар.

ТЕТРАДЬ В ГОЛУБОЙ ОБЛОЖКЕ

Возле школы Мардус остановил велосипед и подождал, пока его спутник слез с багажника. Все основное было уже сказано.

— Я точно пойду завтра.

— Я тоже. Только... — И Энн сделал гримасу, значение которой было ясно.

Нелегко планировать дела на завтра, когда тебе всего десять лет. Одно родительское «Категорически запрещаю!» может испортить все планы. Но зачем ожидать самого худшего?

— Значит, завтра, — сказал Энн и протянул руку на прощание.

Он направился к старому пианино, скрипучей табуретке и королю упражнений для пальцев Черни. Естественно, через окно. А его новый друг нажал на педали велосипеда и поехал дальше.

Ключ от входной двери желтого домика лежал в сарае, в соломорезке. Мардус положил его туда перед уходом. Мама была еще на работе в колхозе. Мардус отпер дверь. Старинные ходики с гириями пробили пять. Для Мардуса это означало нечто большее, чем послеобеденный час. Надо поросенку снести поесть, корову, которая пасется на привязи, отвести на новое место, натаскать дров для плиты.

Об этом напоминали удары часов, но Мардус и не глянул на часы. Он пошел в заднюю маленькую комнатку, сунул руку за книги, стоявшие на полке, и вытащил общую тетрадь в поблекшей голубой обложке.

Наверное, мало на свете тетрадей, которые вместе со своим хозяином прошли столько болот. Она побывала в дремучих лесах Причудья, в пустошах за Вяндря. Лежала на обеденном столе сотен хуторов, упрятанных в лесной чаще. Записи делались у костров и при свете керосиновой лампы. Тетрадь хранила сведения о жизни и судьбе десятка знаменитых поколений орлов.

Пять лет тому назад брат Мардуса, тогда еще студент третьего курса Тартуского университета, впервые увидел орлиное гнездо. Это было в лесах около реки Эмайыги. Седой преподаватель с легкой юношеской походкой повел двух студентов к сосне с поломанной верхушкой. Там высилась огромная, сложенная из сучьев платформа. Она напоминала основание стога на болотном сенокосе.

Потом они увидели саму птицу.

— Прячьтесь, ребята, прячьтесь, — торопил профессор.

Но они опоздали. Темно-бурая птица не спустилась на гнездо, хотя птенец, сидевший среди этого нагромождения веток, подал голос. Орел расправил крылья, сделал круг над высокой сосной, спикировал и выпустил из когтей маленький комочек. Через миг в гнездо упал аккуратно ошипанный рябчик.

Глаза профессора сияли. В них был океан восторга.

— Видели, какая точность! Какой расчет! Это снайпер! Прямо к ногам птенцу. Царь небес, иначе не назовешь, вот именно! Нет в природе зорче глаза, нет могущественнее крыльев. И тем не менее они идут навстречу неизбежной гибели.

Возвращались по берегу болотной канавы. Обычно немногословный профессор говорил всю дорогу. Казалось, он обращался к невидимой аудитории:

— Великая природа... непревзойденный мастер. Да, да. В процессе эволюции, которая длится миллионы лет, она снабжает каждое живое существо именно тем, что ему требуется. Скажем, лосось приплывает нереститься. Почему у этой рыбы не одна, не две, а десять тысяч икринок? Потому что ее преследуют прибрежные рыбы, они пожирают эту еще не вылупившуюся лососиную породу. Большая часть мальков погибает и от других хищников. Для продолжения рода у этой пятнистой красавицы должно быть многочисленное потомство. А вот насчет орла великий творец просчитался. В гнезде один птенец, редко два. Ясно, это необходимость... Орел не чайка, не будет жить стаей. Ему подавай десятки квадратных километров, на меньшее он не согласен. Итак, в гнезде один птенец, редко два. Ведь врагов у этой птицы не было... Кто мог предвидеть, что в один прекрасный день в лес придет человек с ружьем, человек с топором. Это случилось так неожиданно. Что значит сотня лет в длиннейшем эволюционном процессе? Двести лет, тысяча лет? Миг... мгновение. За это время орлы не могли привыкнуть к новым условиям. Единственное, чему они научились, это строить запасные гнезда. Потрясает его в одном месте, он перелетит в другое. Но надолго ли? Разве это их спасет?

Сотни воспитанников отправил в жизнь седовласый ученый. Никого из них он не призывал охранять природу. Профессор, шестую часть своей жизни проведший с биноклем, в резиновых сапогах, в блузе защитного цвета, нагрудные карманы которой всегда были набиты блокнотами, не любил давать наставления. Он просто брал своих студентов с собой в исследовательский поход. Давал им возможность все видеть своими глазами. И может быть, именно поэтому многие студенты впоследствии продолжали начатую им работу.

Через три дня после похода к реке Эмайгги будущий орнитолог Вальтер Маавере снова собирал рюкзак. Нужен был материал для курсовой работы «Гости среди птиц Эстонии». Он поехал автобусом на юг Пярнуского района, в сырые леса Лёнксааре. В саду тамошнего лесничества видели горихвостку-чернушку, но не только это послужило целью поездки. Однажды

вечером в студенческом городе Тарту Вальтер Маавере случайно встретил бывшего одноклассника, теперь ленксаарского лесничего. Тот обмолвился между прочим об Орлиной горке. Люди дали ей это название из-за поселившихся там огромных птиц.

Появились первые записи в голубой тетради. Вальтера Маавере не интересовали всем известные заповедные места. Гнездо морского орлана, которое располагалось на опытном лесничестве университета, он и смотреть не пошел. Ему не давал покоя вопрос, на который тогда еще никто не мог ответить: сколько пар орланов и беркутов живет в Эстонии? Что можно предпринять, чтобы их не тревожили?

Есть люди, которые каждую свободную минуту проводят за марками. Есть коллекционеры спичечных коробок и любители почных бабочек. Всего, чем интересуются люди, не перечислишь.

Вальтер Маавере в одиночку бродил по дремучим лесам, по болотам. Нередко делал за день пятьдесят километров. Попадал в места, где не встречал ни одного человеческого следа, где бурей поваленные ели лежали в обнимку с осинами, где частенько приходилось снимать сапоги и выливать из них ржавую воду. Тогда он вытаскивал из внутреннего кармана великолепное орлиное перо, которым писал в исключительных случаях, улыбался, словно ребенок, и выводил в тетради:

«Местность — прелесть».

Сам же думал: «Тут наверняка что-то найдется».

А когда он видел гнездо на вершине сосны, растущей в еловой чаще, или устроенное на ветвях древней осины, он был счастлив. Если под гнездом валялись свежие кости, он радовался еще больше, потому что это свидетельствовало о населенности гнезда. Если же на его глазах могучие крылья тормозили скорый спуск, он возвращался домой с необыкновенным чувством радости и удовлетворения.

В таких случаях он делил восторг со своим молчаливым другом. В дневнике встречались страницы, где лаконичный язык конспекта вдруг сменялся высокопарным.

«Гип-гип-ура!» — было иногда написано большими печатными буквами через всю страницу. Это означало, что путешественник нашел в какой-нибудь лесной чаще до сих пор неизвестное орлиное гнездо, или, спрячась за дюной, подкрался к могучему орлану, сидевшему на камне у воды, или просто видел из своего тайника, как могучие крылья разрезают воздух.

Но такие страницы встречались очень редко. В целом голубая тетрадь содержала печальную хронику: перечисление халатных поступков, фактов бессмысленного истребления.

«Я шел по поляне и вдруг слышу какой-то свист над головой,— так начиналась запись рассказа лесника из Павлопера.— Недалеко от меня шумно опустился тетерев, а за ним огромная птица. Не разобрал, какая. А я ведь охотник, ну и выстрелил, конечно. Потом смотрю — беркут. Предлагал друзьям, чтобы они чучело из него сделали,— не захотел никто. Теперь можно об этом говорить. Лет десять прошло».

Застрелен в гнезде...

Убит на берегу моря...

А сколько говорилось в голубой тетради о спиленных и порубленных деревьях с орлиными гнездами, о собирателях птичьих яиц...

Никто не знает, куда переселялись бездомные птицы. Уже давно был издан закон о неприкосновенности гнезд последних орлов. Но в лесах все еще появлялись люди, для которых то, что растет в лесу, означает кубометры, а что бежит или летает — мишень.

В голубой тетради были собраны материалы о борьбе с такими людьми. Там были две заметки, вырезанные из газеты, и письма, вернее, рапорты Управлению по охране природы. Не один человек проклинал из-за них Вальтера Маавере. Не один платил штраф.

Многие сделали соответствующие выводы.

Послунявив палец, Мардус листал страницы потрепанной тетради. Последнюю запись он сделал сам.

20 июня.

Второе прибрежное место охоты нашего морского орлана в заливе Тапинэме. Установил вторую линию полета к гнезду. От мыса Тапинэме прямо через озеро Синдлиярв.

А теперь он записал следующее:

Установил место, где должно находиться гнездо. Линии полета скрещиваются в районе возвышенности между болотом Вейсраба и топью Нээрсоов.

Пришурившись, Мардус подождал, пока высохнут чернила. Немного подумав, он написал еще одно слово — «Ура».

Высоко в голубом небе повисла маленькая темная черточка.

Невооруженным глазом ее трудно заметить. В бинокль можно увидеть чуть больше. Тогда покажется, что черточка совсем и не черная, а скорее серая. Можно рассмотреть, что там даже не одна черточка: есть и вторая, перпендикулярная первой. Широкий конец второй черточки — белый и резко выделяется на голубом фоне неба.

Это старый орлан Белое перо осматривает свои владения. Он на охоте. Ему бинокль не нужен. Он и так видит. Вот из ручья вылезает кутора и, виляя, исчезает в высокой прибрежной траве. Он видит землеройку, прыгающую возле гнилого пня. Видит водяную крысу, которая строит себе гнездо и тащит какой-то стебелек по краю торфяной ямы. В трудные времена Белое перо питался и такими зверьками, но сейчас смотрит на них равнодушно. В линии его крепко сжатого, загнутого крючком клюва заметно презрение.

Далеко внизу шуршит крыльями одинокая кряква. Конечно, селезень, потому что утка сидит в это время в гнезде. Это было бы настоящее лакомство, но чуткий великан спокойно упускает крякву. Он знает по опыту, что здесь не место для пикирования. Кряква слишком близко к зарослям прошлогоднего тростника и успеет скрыться. Орлан не любит нападать на летающих птиц. Он знает, что охота удачнее, если жертва находится на земле. Орлан свалится на нее, как камень с неба, и, кроме сильных когтей и стального клюва, у него появится еще один помощник — страх. Неожиданное появление большой птицы ошеломяет несчастную жертву. Если она и попытается скрыться, то редко в ту сторону, где ее ожидало бы спасение. Обычно обезумевшие от страха зверьки сами бросаются орлану в когти.

Высоко в голубом небе повисла маленькая темная черточка. Тысячи раз старый орлан парил над своими владениями. Он не растрчивает силы, как это делают маленькие птички. Белое перо не упустит ни малейшего восходящего потока. Расправив крылья, он реет, как планер. Он может продержаться в воздухе весь день с утра до вечера.

Белое перо не алчный правитель, как думают о нем на краю болота и морском побережье. За раз он может съесть очень много, но зато может и поститься несколько дней подряд. Ради удовольствия Белое перо не охотится никогда. Сейчас он должен кормить свою семью.

На болотной кочке извивается жирная самодовольная гадю-

ка с черным зигзагом на спине. Она сгodiлась бы на воскресный обед змеяду, но этому орлу нет места во владениях Белого пера. Гадюка могла бы спокойно ползти дальше, не привлекая внимания орлана. Но нет: гадюка подняла голову. Зашипев, она стала гипнотизировать маленький серый комочек. Это зайчонок, значит, близости должна быть и зайчиха. Так подсказывает орлану жизненный опыт. Белое перо прижимает крылья и падает вниз.

Головокружительный спуск строго рассчитан. Задолго до того, как Ньютону упало на голову яблоко, предки Белого пера использовали закон свободного падения.

Законы-инстинкты, передаваемые от поколения к поколению, применял и Белое перо. Вдобавок еще и собственное мастерство. Разве могла зайчиха соревноваться с врагом, который предугадывал каждое ее движение? Она сделала последний прыжок, издала последний писк, и, когда восемь до смерти перепуганных зайчат осмелились вылезти из-под кочек, их мать была уже высоко над болотом. У Белого пера хватило бы сил унести и полугодовалого ягненка; лететь с зайчихой в когтях ему ничего не стоило.

Набрав высоту, удачливый охотник взял курс на островок в болоте. Он отлучился надолго и теперь торопился домой узнать, все ли в порядке: сидят ли птенцы в гнезде, встретят ли они его знакомым криком. Сварливая супруга встретит его в воздухе, отнесет добычу в гнездо и своим сильным клювом разорвет ее на куски.

Такие мысли всякий раз подгоняли старого орлана. И когда он убеждался, что все в порядке, взъерошенные перышки на его затылке опускались. Он открывал клюв и произносил странный клекот, обозначающий удовлетворение. И тем не менее его не покидало опасение за свою семью. С любимой ветки на сторожевом дереве Белое перо внимательно следил за супругой.

Было в старом морском орлане что-то от человека: он никогда не забывал пережитые минуты ужаса. Двенадцать лет прошло с того дня, когда вернувшийся с охоты Белое перо нашел под деревом самку с простреленной головой. Крылья распластаны, ноги с крючковатыми когтями вытянуты. По окровавленной шее уже ползали муравьи.

Среди людей распространено мнение, что птицы, прожившие парой многие годы, не могут смириться с гибелью друга или подруги жизни. Говорят, что лебедь, оставшийся один, долго жалобится в небе, а потом складывает крылья и разбивается насмерть.

Это лишь красивая легенда. Природа не допускает бессмысленной гибели. Одинокий лебедь не покончит с жизнью добровольно; не сделал этого и Белое перо.

Тем летом, принесшим столько горя, у орланов в гнезде было двое птенцов. Белое перо хлопотал о них. Он совершенно не думал об опасности, которая могла постичь его.

Голодные птенцы изнемогали в крике. Положив перед ними белку, орлан снова полетел на охоту.

Вернулся через час-полтора с большой рыбой в когтях. Птенцы кричали еще жалобнее. Удивленный орлан нашел белку нетронутой. Он не мог понять, что это значит. Птенцов всегда кормила самка. Обычно она встречала орлана в воздухе или принимала добычу на сторожевом дереве. Крик голодных птенцов для Белого пера служил сигналом отправления на охоту.

До позднего вечера и весь следующий день овдовевший орлан таскал в гнездо пищу. А два желторотых птенчика металась среди гор съестного и от крика потеряли голос. Следовало оторвать несколько кусочков мяса и засунуть в глотку птенца. Это спасло бы им жизнь, но обезумевшему от горя Белому перу такое не пришло в голову. Он считал своей обязанностью только добывать пищу. И орлан снова поднялся в воздух, чтобы отправиться на охоту.

В эти дни сторожевое дерево с засохшей веткой на вершине напрасно ожидало своего друга. Белому перу было не до отдыха. От несъеденной добычи повесело наконец отвратительным запахом. Это насторожило. Орлан спускался на болотные кочки и дергал вереск. Сначала принес в гнездо хрустящие ветки вереска, а потом наломал сосновых веток. Белое перо покрыл края гнезда толстым слоем хвой.

Зачем орлан это делал, он и сам не знал. Он не имел ни малейшего представления об эфирных маслах и их свойстве уничтожать гнилостные бактерии. Так делали его предки. Сознание этого было у него в крови. И орлан трудился без усталости — охотился и таскал ветки.

Но когда птенцы совсем стихли, Белое перо понял страшную истину. С пронзительным криком орлан поднялся в небо — все выше и выше — и, не оборачиваясь, полетел на море.

Так властитель воздушного пространства над болотом Вейсраба, морским побережьем и лесами двенадцать лет тому назад лишился гнезда, птенцов и подруги. Правда, гнездо уцелело, но Белое перо к нему никогда больше не возвращался. В его владениях находилось много сторожевых деревьев, немало деревьев для ночлега, и Белое перо посещал их по очереди. А днем сидел

на камне в какой-нибудь бухте, не обращая внимания на брызги, которыми одаривали его волны.

Осенью, когда пролетали мимо перелетные птицы, орлан все еще сидел на своем камне. Он не боялся холода. Зимой сковало льдом море, и орлан переселился южнее. И снега орлан не боялся. Снег даже помогал Белому перу. Зайцев, которые зимой носят белую шубку, трудно приметить. Но ведь они оставляют на снегу следы. Опытный глаз старого орлана разбирался в заячьих следах так же тонко, как нос гончей собаки. С воздуха Белое перо легко распутывал крюки и петли, которые зайцы выделывают для обмана охотника. Если следы кончались у какого-нибудь куста, орлан знал, куда следует спуститься.

Весной в болотных канавах журчали ручейки, оттаивал лед на прибрежных камнях. Белое перо чувствовал в себе перемену. В орлане закипали соки жизни. Белому перу не сиделось больше на сторожевом дереве. Опытным глазом строителя он осматривал все свои гнезда. Их здорово потрепали осенние бури. Они покосились под сугробами снега. Орлан начинал действовать. И тогда в лесу, ожидающем пробуждения от зимней спячки, раздавался громкий треск. Старый отшельник ломал ветки для починки гнезда. Он выбирал старые сосны с поредевшей кроной и, расправив крылья, свысока падал на засохшую ветку. В своих расчетах он никогда не ошибался. Каждый раз ломал по одной ветке.

А потом Белое перо разукрашивал гнездо зелеными ветками хвой и, будто готовясь к свадьбе, приносил столько пищи, что ее хватило бы на раз по крайней мере трем орланам.

В этих приготовлениях было ожидание, была надежда. Долше, чем обычно, Белое перо всматривался в горизонт. Но все тщетно.

Так прошло восемь лет. Перышки на затылке отшельника постепенно светлели. И так светлые штаны — перья на лапах — поблекли еще больше. Белое перо начинал стареть. Но его когти были по-прежнему остры и клюв готов к удару. Однажды, когда пролетающий молодой орлан нахально попытался вторгнуться во владения Белого пера, он получил трепку, которую запомнил надолго.

И вот наступил день, когда морской орлан увидел приближавшуюся самку. Ей только что исполнилось четыре года, в первый раз она почувствовала желание выводить птенцов. Она была прекрасна: ее светло-коричневое оперение переливалось на солнце. Самка кружила над самыми высокими деревьями бора, будто раздумывая, спуститься или нет.

По-разному заводят на свете знакомство. Например, альбатросы, заключая договор совместной жизни, фехтуют своими длинными клювами, как древние рыцари. Зяблик песней завоевывает сердце своей подруги. Пара голубей выбирает подходящий край крыши и там, воркуя, дает друг другу клятву верности. Длинные гаршнепы летают весной над болотными лугами и издают звуки, будто играют на ксилофоне.

Белое перо и прилетевшая самка сидели неподвижно, как каменные изваяния, и смотрели в глаза друг другу. Орлан, по праву хозяина, сидел на краю гнезда. По неписаным законам орланов именно так он должен был принимать гостью, прибывшую с добрыми намерениями.

Орлица показивалась на верхушке ели. Рядом выросло сторожевое дерево Белого пера — более удобное место, но по тем же законам орланов ей там сидеть не разрешалось.

Две огромные птицы сидели и смотрели друг другу в глаза.

Прошел час, прошло два часа, прошло шесть часов. Если бы у гостьи хватило еще немного терпения, Белое перо поднялся бы в воздух, открыв доступ к гнезду. Вскоре после этого высоко в небе они бы танцевали свадебный танец, до тех пор кружась, пока самка не упала бы в снег, заманивая за собой орлана.

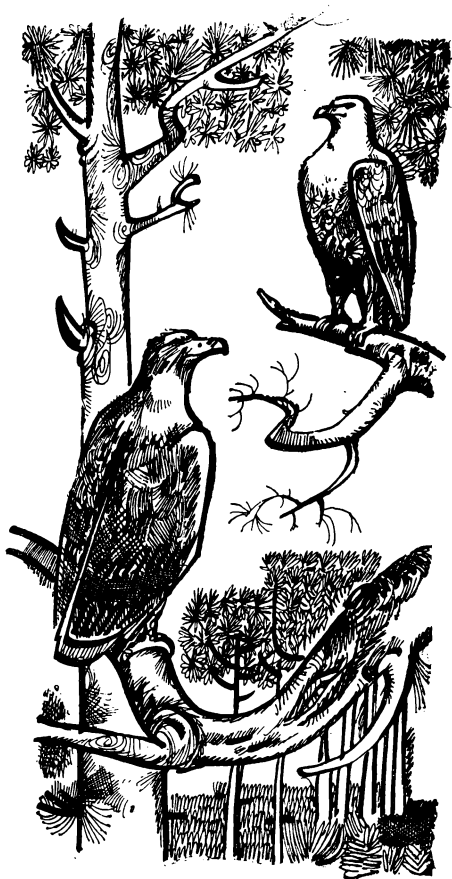
Потом они вместе привели бы гнездо в порядок и сидели бы там, прижимаясь друг к другу, — не часами, а целыми днями.

Именно так произошло бы, если бы у орлицы хватило терпения смотреть в глаза старому Белому перу. Но самка была еще молодая, пылкая. Привычки орланов не укоренились в ней так сильно, как в Белом пере. Кроме того, она была голодна. И когда ее зоркий глаз заметил движение между соснами, голова как бы сама по себе повернулась в ту сторону.

Мгновение спустя старый орлан с криком поднялся с гнезда и прогнал самку. Для него этот недопустимый взгляд в сторону означал измену. Он прогнал орлицу и вернулся только после того, как она скрылась из виду.

Белое перо совершил непоправимую ошибку. Это была непростительная глупость.

С тех пор как изобрели ружье, число самцов среди орланов превышает число самок. Если в гнезде кладка, то орлица не покинет гнезда при появлении человека и поэтому нередко расплачивается жизнью. Белое перо так и остался бы отшельником. Но, к счастью, изгнанная птица оказалась исключением в роду морских орланов. Она еще не научилась обижаться. Через три дня она вернулась. После долгого перерыва Белое перо снова вкусил радость и горе семейной жизни.

...На верхушке стройной осины обед подошел к концу. Самка сунула в раскрытые клювы птенцов последние кусочки зайчатины и оставила малышей. Их начало клонить ко сну.

Самка опустилась на то же дерево, где сидел Белое перо. Как мало нужно для полного счастья! Сейчас Белое перо был счастлив оттого, что на соседней ветке сидела супруга и перед сном смотрела ему в глаза.

ЭНН УКРЕПЛЯЕТ ТЫЛ

Андрус Сийтам ходил по двору лапукюлаской школы с бумажным кулком в руке. Наклонялся к розовому кусту, смотрел под лейку, забытую на садовой дорожке, рассматривал нарытую кротами кучку земли. С него не спускал глаз старший брат Энн.

Андрус искал место, где бы спрятать своих мышек.

За столом и в бане, в кукольном театре и на детском сеансе кино Андрус Сийтам не расставался с кулком, в котором лежали шесть палочек. Перед сном он клал кулек поближе к постели, а утром сначала говорил мышкам: «С добрым утром!» — и только после этого надевал штанишки.

Мать сперва относилась доброжелательно к этой игре, но вскоре посчитала за глупое ребячество.

«Рассуди сам, — обращалась она к Андрусу. — Разве это мыши? Просто палочки. Ты скоро в школу пойдешь, не возьмешь же ты их с собой!»

Но Андрус не поддавался.

«Конечно, возьму! Обязательно возьму с собой! Где же мышки научатся читать?» — неожиданно заявил он визгливым голосом, и мать не стала больше спорить.

Она успокаивала себя тем, что до школы Андрус успеет позабыть своих мышей.

— Хочешь спрятаться под этим кустом? — бормотал Андрус, топая по саду. — Или залезешь под этот камень? Сейчас будем играть в прятки.

Когда одна рука уставала, Андрус перекладывал кулек в другую руку.

Два дня назад Энн тайком проколол в кулке дырочку.

— Мышки прогрызли, — убеждал он братишку. — Хотят от тебя сбежать.

Четырехлетний Андрус боялся многого. Боялся собаки и боялся темноты. Не хотел принимать рыбьего жира и дрожал пе-

ред уколом. Теперь же прибавился еще страх, что мышки могут убежать. На всякий случай он стал пальцем придерживать дырку. А взять в кухонном шкафу новый кулек не додумался.

Что должен сделать десятилетний мальчик, чтобы все послеобеденное время быть независимым и свободным?

Выполнить и перевыполнить трудовую норму и, кроме того, доказать, что дома он больше не нужен. Что касается выполнения трудовой нормы, то с этим все было в порядке.

Энн с утра сидел за пианино. Затем надо было позаботиться о другом, и Энн взялся за дело.

— Андрус! Что ты будешь делать, когда спрячешь всех мышек?

Андрус насупился. Он не понимал, к чему такой вопрос.

— Буду искать.

— А что ты будешь делать, когда найдешь их?

— Не знаю. Я еще подумаю.

То-то и оно. «Я еще подумаю» звучало очень подозрительно. Никто не знает, что может придумать Андрус. Однажды, например, он отправился купать мышек. Энн отлично помнит, какая поднялась в доме паника... Но для чего у человека голова и серые мозговые извилины?..

— Послушай, Андрус! А тебе хватает этих мышек?

Андрус раскрыл кулек. Он не доверял брату, особенно в мышиных делах. Но этот вопрос оказался кстати.

— Мало. Совсем мало. А то можно было бы играть в школу. И в магазин, и в спорт.

Склонившись над кульком, Андрус размышлял, во что еще можно играть, если мышек будет еще больше, и не заметил, как старший брат скрылся за сараем.

Андрус мучился полдня, прежде чем ему удалось от пастушьего хлыста отрезать шесть палочек. Он порезал себе большой палец и надолго лишился права брать в руки нож. Зато как просто рождались мышки у Энна! За сараем росла ветла. Старший брат наломал охапку веток, связал и положил на чурбан. Удар топором — десять мышек готово. Трах, трах, трах — вот их уже сорок. Это была самая настоящая фабрика по производству мышек.

Энн пришел на газон с коробкой из-под торта. А в этой коробке, в этой коробке!.. У Андруса даже дух захватило. Несколько мгновений он приходил в себя. Его воображение не могло свыкнуться с тем, что на свете может быть столько мышек.

— Видишь, малыш! — сказал Энн. — Тут сто двадцать мышек. Всем страшно хочется играть в прятки.

Он прошел, как сеятель, по двору лапукюлаской школы. Горсть палочек бросил в живую зеленую изгородь, вторая полетела в заросли репейника. Это был мышинный дождь, на который Андрус смотрел с разинутым ртом.

— Вот так,— сказал Энн.— Теперь сосчитай до десяти и иди искать.

С этими словами он отправился на кухню, в высшей степени довольный своей выдумкой. Больше ему во дворе делать нечего.

Мать пекла на кухне пирог с вареньем. «Для человека искусства занятия хозяйством являются великолепным отдыхом»,— любила она повторять, и, наверное, так оно и было.

— Мама, я хочу уйти до вечера,— сказал Энн.

В детстве Маргит Сийтам получила воспитание, которое предполагало только прогулки за ручку. Не посчастливилось шлепать по лужам и лазать по заборам. Она всегда с жалостью вспоминала об этом. И своим детям Маргит решила быть совсем другой матерью.

Но каждая мать должна иметь представление, куда уходит ее сын.

— Куда же ты пойдешь?

— Просто так... с одним большим мальчиком в маленький поход.

Того, что этот «маленький поход», по подсчетам Мардуса, составляет более десяти километров, Энн не сказал.

Из духовки исходил очень приятный запах. Так пахнут вырубки на солнцепеке.

«Хорошо, что Энн дружит с местными детьми и знакомится с деревенской жизнью,— думала концертмейстер, гроыхая противнем.— Но с другой стороны...»

Мать подошла к окну. Энн поспешил сообщить:

— Андрус сегодня никуда не уйдет. Я знаю. Могу поспорить, что он будет все время во дворе.

Да, возможно. Младший сын сидел на корточках посредине газона с выражением огромного удовольствия на лице. Число мышек достигло двенадцати, и теперь он выуживал из травы тринадцатую.

— За Андруса не беспокойся: вот увидишь, он не убежит.

Энн мог бы и не говорить этого, мать уже решила его отпустить.

Что стоит двум мальчикам, у которых на ногах поношенные кеды, пройти по лесу три километра? И еще километр по гари? И столько же по болотистой просеке через кустарник? Пустяки, раз плюнуть.

Младший из двух путешественников не мог себе представить, что в лесу так интересно.

Правда, с отцом и матерью он не раз ходил по грибы и ягоды.

«Ах,— вздыхала тогда мать,— эти сосны!.. Как на картине!» Или: «Посмотрите на эту ель! Лесная княгиня!..»

Однажды они целых пять минут стояли молча на склоне оврага: «Ах, закат солнца в сосновой роще — это что-то невообразимое!»

Энн не уважал такого отношения к природе. Ну, на закат солнца можно и посмотреть, но куда интереснее узнать, как называется цветок под ногами, откуда взялась букашка, забравшаяся ему в нос в самый прекрасный момент заката.

Но тут мама с папой были беспомощны. А сын уносил с собой не один десяток вопросов.

С Мардусом иное дело. Мардус знал цветы, знал птиц и насекомых. Он показал, где живет неясыть — ночной сторож леса. А про кукушку обмолвился между прочим, что не надо ее ругать за то, что она кладет яйца в чужие гнезда. Кукушка очень полезная, она уничтожает много вредных насекомых.

Энн Сийтам нередко встречал людей, которые много знают. Ведь у них в доме часто бывали гости. Но эти умные люди всегда были взрослыми. Поэтому Энн не мог не спросить у Мардуса:

— Откуда ты все знаешь?

Мардус пожал плечами.

— Отовсюду. Читал... и брат мой много читал.

Мардус чувствовал себя неловко. Ему задали искренний вопрос. Значит, нужно дать искренний ответ. Городской мальчик понравился Мардусу. Но они еще не такие большие друзья, чтобы Мардус мог откровенничать. К тому же это был бы слишком длинный рассказ.

Да, это длинный рассказ. Еще совсем маленьким у Мардуса появилось желание устраивать сюрпризы. Однажды Мардус привел в порядок свой уголок с игрушками. Обычно он этого не делал. Мало того, он подмел все комнаты. Пыхтя, как малень-

кий паровоз, натаскал к плите трехдневный запас дров. Никто же не надеется, что семилетний мальчик начистит картофеля. А он взял и начистил.

Мать, вернувшись с поля, всплеснула руками над миской с картофелем. А ее деловитый сын сидел под крыльцом и с великим удовольствием ждал, когда мама заметит, что и пол подметен, и дрова принесены из сарая.

Родители не могли понять истинной причины самоотверженных трудовых порывов своего сына. Несколько лет спустя Мардус однажды тайком выполол морковную грядку. А маме захотелось, чтобы он прополол и лук.

Но ей пришлось очень долго ждать. Мардус, который с удовольствием полот морковную грядку, почувствовал непреодолимое отвращение к огороду. Он встал утром ни свет ни заря, часа в три, вышел в окно и вернулся, когда должны были проснуться домашние.

Мардус выкосил участок, который выделил им колхоз. А когда наступило воскресенье, он спокойно смотрел, как мать наточила косу и поспешила на тот же участок.

Этот день запомнился Мардусу надолго. Никто не знал, что он научился косить. И на этот раз мать вела себя очень правильно. Навязчивая похвала почему-то уменьшала желание делать сюрпризы. Хуже, конечно, когда на усилия Мардуса совсем не обращали внимания. Однажды Мардус натаскал воды в баню, наполнил все котлы и ушаты, а маме показалось, что все это она сделала сама. Деятельный мальчуган несколько дней ходил насупившись. Но в тот раз, когда он выкосил участок, мама держалась так, что лучше не придумаешь: покачивая головой, она долго сидела во дворе на чурбане с косой в руках. Потом пошла кормить кур, а овес почему-то высыпала в корыто свиньям.

Тем же летом студент Вальтер Маавере привез домой наблюдательную палатку. Однажды утром он привязал палатку к багажнику велосипеда и позвал с собой младшего брата. Палатку установили на берегу заросшей тростником бухты.

Старший брат залез в палатку. Лопаясь от любопытства, забрался туда и Мардус, но брат сказал:

— Ты, Мартик, беги теперь домой. Тогда птицы подумают, что в палатке никого нет, — кто вошел, тот и вышел. Понимаешь, они умеют считать только до одного. Им и в голову не придет, что я останусь здесь.

Мардус разинул рот от удивления. Ах, вот для чего его позвали! Какое коварство! А он, дурачок, еще помогал палатку

ставить!.. Но прежде чем уйти, ему все же хотелось кое-что разузнать.

— А что ты здесь собираешься делать?

— Вести наблюдения за птицами. И фотографировать, если какая-нибудь из них подойдет поближе. А ты что думал?

— Что кашу будешь варить,— обиженно сказал младший брат.— Или лошадь подковывать.

Но Вальтера это ничуть не тронуло.

— Ну ладно, ладно,— похлопал он Мардуса по плечу.— В другой раз и ты здесь посидишь, а я пойду домой. Договорились? А теперь иди.

В другой раз! Если так говорит старший, то знай: этого другого раза не дожدهшься. По дороге домой Мардус бормотал себе под нос бессвязные гневные слова. К счастью, путь был длинным и обида рассеялась. Отворяя калитку желтого домика, Мардус уже насвистывал. А то, что он при этом хитро улыбался, говорило если не о плане отмщения, то о чем-то вроде этого.

Вечером Мардус тайком прочитал заметки, сделанные братом в палатке. Но они ему не помогли. А для чего выпущена книга «Как вести наблюдения за птицами»? Вскоре Мардус Маавере знал все, что хотел узнать. Следующим утром на противоположном берегу тростниковой бухты появился палашик. Студент устроился в палатке, а четырехклассник — в шалаше из ольховых веток. Из палатки выглядывал сверкающий глаз «Зенита», а из-под ольховых веток за прибрежными жителями следил объектив «Смены».

Через несколько дней Вальтер полез на чердак желтого домика. Там у него была оборудована летняя фотолаборатория. Когда он спускался вниз и уходил из дому, за проявители и фиксажи садился Мардус.

В воскресенье утром Вальтер стал перебирать фотографии. О да, кое-что удалось заснять. Тут была лысуха, был красивый травник, был боязливый среднеевропейский галстучник, перебирающий перышки. Шутки ради студент прикрепил самые удачные фотографии над своей кроватью. Ведь современные молодые люди вешают на стене портреты, оберегающие их сон.

Вечером студент обнаружил, что в доме появился второй шутник. Над кушеткой Мардуса висели такие же фотографии. Полярная крачка, и среднеевропейский галстучник, и пара крачек. По четкости исполнения эти фотографии были слабее, но зато кулика-сороки с разинутым клювом у Вальтера не было. Кулика-сороку в такой потрясающей позе может преподнести

фотографу только слепой случай. Студенту Вальтеру Мааверо такой случай еще не подвернулся.

Это был второй знаменательный день в жизни одиннадцатилетнего Мардуса Маавере. Нижняя губа старшего брата затряслась. Простояв довольно долго перед фотографиями Мардуса, он зачем-то потрогал их пальцем. Под окном раздался смех. Вальтер пришел в себя, а младший брат, прикрывая рот рукой, скрылся за углом дома.

Так Мардус Маавере впервые познакомился с птичьим царством. После случая с фотографиями в палатке всегда умещалось двое наблюдателей. И когда Вальтер Маавере отправлялся не в очень длинный поход, то всегда брал с собой младшего брата.

После того же случая путешественник-студент стал относиться к путешественнику-четырекласснику как равный к равному. Если Вальтер не умел определить маленькую птичку, качающуюся на воде, они вместе листали справочник. Найдя на берегу разводы мазута, вместе ругали траулер, стоявший на якоре в Тапинээмской бухте. А когда к ним приехал седовласый профессор Вальтера, то и Мардусу разрешили присутствовать при разговоре.

Мардусу исполнилось тринадцать лет. Старший брат окончил университет. Заведующий Пийзамаяэским заповедником — вот кто теперь Вальтер, и Мардус гордится братом.

Весной «Волга», мчавшая со свадьбы, сбила мотоцикл Вальтера. Вальтер получил тяжелый перелом, и его положили в гипс.

Навещать больного не разрешалось. Окно кабинета заведующего больницей выходило на заросший травой двор. Стоило доктору встать из-за стола, как он видел у куста бузины мальчика. Мальчик часами смотрел на маленький балкончик третьей палаты.

«Где он питается? — думал доктор. — И пить человеку тоже надо...»

К вечеру второго дня доктор не вытерпел и послал санитарку за мальчиком.

Вальтер лежал на дощатом настиле, забинтованный как мумия. Только глаза и рот торчали из марли.

— Ничего, — говорил старший брат. — Скоро... снова... вместе в лес... врачи... так обещают.

Мардус поклялся не плакать. Возле койки брата он искусал губы в кровь.

Разве можно рассказать обо всем этом приятелю, которому всего лишь десять лет?..

...Тропинка терялась в вереске, который готовился зацвести. Ребята стояли на краю болота. Дальше дороги не было.

— Да-а,— произнес Мардус.

— Мда-а,— повторил Энн, словно эхо.

ЧЕРЕЗ БОЛОТО

В задней комнатке желтого домика на узкой полке лежала умная книга. Если раскрыть ее, то можно прочитать, что в Эстонии насчитывается семь тысяч болот — примерно одна пятая территории республики, — а болота бывают разные.

В Нээрусоо все разнообразности болот дружно уживались. Только глаз ученого мог бы определить, где кончается одна разновидность и начинается другая. Торфяной мох чередовался с пухоносом и пушицей. Торчали кустики подбела и голубики. Зияли черные лужи как крокодильи глаза.

Люди боятся топи. Она тяжело хрипит, когда по ней ходят. На поверхности луж поднимаются пузыри, будто под землей кипит небольшой котел. А ночью зажигаются блуждающие огоньки. Все это жутко. Поговаривают, что топь поглотила корову, которая пришла сюда полакомиться жирной осокой. Рассказывают, как провалился гусеничный трактор. И становится еще страшнее.

А на самом деле топь не так уж и опасна. Под вечер с болотного островка спускается длинномордый барсук и отправляется ловить лягушек. Он не боится. Идет длинноногий лось, он тоже не боится. И сгорбившаяся от старости Лийзу Тидрик, к которой лапукюлаские старухи приходят за настоящим березового гриба или багульника, тоже смело пробирается среди болотных луж.

Топь необходимо знать. Если увидишь ярко-зеленую лужайку, знай: это растет белый очеретник — знак запрета для путешественника. Сторонись его и ищи кустики вереска. Где растет вереск, можешь ступать смело.

Мардус шел впереди. Когда встретились первые болотные лужи, он потребовал, чтобы Энн ступал по его следам. На всякий случай он захватил с собой веревку. Теперь веревка соединяла их.

Энн, из-за которого были приняты эти меры предосторожности, нисколько не тревожился. Заметит на кочке полужрелую морошку, обязательно сделает прыжок в сторону. От веревки он был в восторге: точно как у альпинистов. Иногда он прыгал в сторону от тропы только для того, чтобы почувствовать, как на-

тягивается веревка. Он жалел лишь о том, что его не видят сейчас городские ребята. Эни представил себе, как будет осенью здорово: он в центре, вокруг замирающие от восхищения одноклассники. Он рассказывает о своих приключениях... Довольный этой картиной, Эни запел песенку, слова и мотив которой родились тут же:

Анаконда, анаконда,
Где ты вновь поднимешь голову?

Ноги увязали в торфяном мху, а багульник дурманил голову — это вскоре вернуло Энна к действительности.

— Мартик, а Мартик, где орлан строит себе гнездо? — спросил он.

Мардус оглянулся.

— Обычно на вершине высокой сосны.

— А если сосен нет?

— На вершине осины. В Эстонии известно четыре гнезда морского орлана на осине.

Это данные голубой тетради. Мардус так часто перелистывал ее, что знал содержание наизусть.

— Интересно, где гнездо нашего орлана, — размышлял Эни. — Правда, интересно, Мартик?

Мардус кивнул в знак согласия. Этот горожанин и представления не имел, как Мардусу самому было интересно.

Старший брат Вальтер собирал сведения об орланах в районе болота Вейсраба. Он нашел покинутое гнездо. Когда Вальтер сфотографировал дерево и по краю болота пошел в обратный путь, он заметил в небе многообещающую точку. Вальтер мигом спрятался в кустах. Так молодой человек мог определить, куда опустится птица, пролетевшая над ним.

В тот день в потрепанной тетради появилось самое жирное «Ура!». Вальтер Маавере нашел самую высокую сосну Палугузеского бора. Сосну, на вершине которой находился дом древнейшего жителя его родного края. Он увидел самку, которая, защищая раскинув крылья, следила за ним через край гнезда. Заметил орлана, медленно поднявшегося со сторожевого дерева. Вальтер мог бы поклясться, что видел на спине орлана светлую полосу — признак семейства.

Каждой весной молодой человек в форменной фуражке студента приходил посмотреть на «свое» гнездо. Чаше бывать здесь он не ретался. Только одной весной он не пришел. В тот год люди подошли слишком близко к гнезду. Голубая тетрадь приняла лишь предположение о том, почему гнездо опустело.

«Куда они переселились? — думал Вальтер Маавере. — Где у них запасное гнездо?»

Теперь на пороге этого открытия стоял тринадцатилетний брат орнитолога.

Мардус задумался и пошел слишком быстро.

— Мартик, послушай! Я не поспеваю за тобой, — заныл Энн. — Не иди так быстро.

Они были почти у цели. Несколько десятков шагов, и шумящий тростник будет означать конец болотного царства. Дальше поднималась буйная растительность.

— Хочешь, поспорим, что здесь годами не ступала нога человека, — сказал Мардус и смотал веревку.

Энн не стал спорить. Вытаращив глаза, он смотрел на густо разросшиеся листовые деревья.

Необитаемый остров! Робинзон и Пятница! Это казалось слишком красивым, чтобы быть правдой.

ДОМ ОРЛАНОВ

Величественный остров на болоте подобен оазису в пустыне. Солнце еле пробивается сквозь ветви деревьев. Широколистные липы стоят рядом с черной ольхой и вязами, отступая только перед стройными дружными елями. Нет чахлой и скудной болотной растительности — на острове расточительное зеленое буйство. Тому, кто пробирался через топь, хочется теперь лежать на земле и наслаждаться всеми запахами и звуками, которыми напоен воздух.

— Слышишь? Кто это? — спросил Энн.

— Это пеночка, — ответил Мардус. — Прямо над твоей головой.

— А это кто?

— Должен быть зяблик.

— Настоящие джунгли, — признал Энн с благоговением. — Древний лес высшего сорта. В таком лесу мы и жили, когда были обезьянами.

И как бы в подтверждение, что это доисторическое время не прошло бесследно, он вскарабкался на молодой вяз и повис на ветке вниз головой.

К сожалению, человечество все же утратило ловкость далеких предков. То, с чем обезьяны, оставшиеся обезьянами, легко справляются, будущему музыканту оказалось не под силу.

Мгновение спустя он свалился на мох и, как всегда бывает в таких случаях, сразу же посерьезнел.

А примечательной чертой серьезного человека всегда являлась любознательность.

— Ты знаешь, сколько в Эстонии больших орланов?

Мардус Маавере грыз травинку. Знал ли он? На мгновение в глазах Мардуса мелькнуло желание ошеломить городского мальчика данными из голубой тетради.

— Видишь, Энн, если я скажу тебе что-нибудь окончательное, то совру. А Вальтер знает гнезда четырех пар беркутов и восьми пар морских орланов.

На островке Сирбисаар жили по законам, древним как мир. Не ведали топора, не знали пилы. Осины у болота постепенно старели, их сваливали ноябрьские ветры. Иногда по болоту проносился вихрь, выворачивал с корнем могучие ели, и они падали рядом с дряхлыми осинами. Деревья долго лежали на земле, постепенно истлевали, удобряя землю для всего, что будет жить и расти на ней. Над поваленными стволами склонялись папоротники. А пока они не успели сгнить, то преграждали путь тем, кто глядел себе под ноги.

Джунгли не покрывали всего болотного острова. Непролазная чаща сменялась стройными колоннами деревьев. Сотни старых великанов скрестили ветви, не пропуская солнца к молодым деревцам, в которых боялись соперников. Великаны выставили свои узловатые корни — на мученье путешественникам, которые уже начинали уставать.

Ничего удивительного, если усталый путешественник закапризничает.

— Где же гнездо, Мартик? — спрашивал Энн с нетерпением. — Где же оно?

Вместо того чтобы задавать вопросы, ему следовало бы прислушаться. Туда, где стояли ребята, ясно доносились странные звуки.

Не очень далеко от них кто-то тьякал. Нет, это, пожалуй, даже не тьяканье — звуки скорее напоминали вой молодой собаки.

«Кий-кий-кий!» — кричал кто-то жалобно.

«Ка-ка-ка!» — вторил другой.

Мардус рванулся вперед. Он знал, что означают эти звуки. Остановившаяся только для того, чтобы прислушаться, он шел напролом через заросли ольшаника.

Там, где островок Сирбисаар глубоко вдавался в болото, мальчики остановились. Почти на краю болота высилась осина с поломанной верхушкой. Ребята еле-еле смогли бы обхватить ее вдвоем.

— Ты видишь, Энн? Ты слышишь?

Голос Мардуса звучал почти торжественно.

Энн кивнул головой. Только слепой не увидел бы огромного пастила из веток на вершине осины. Только глухой не услышал бы криков, доносившихся оттуда. Два существа голосили наперебой. Два шарика из перьев, каждый величиной с комнатную собачку, вытягивали шеи и что было силы возвещали о своем горе.

— Вот где оно, — произнес мальчик, которого природа наделила излишней полнотой. Его голос дрогнул. — Вот гнездо. Мы подоспели вовремя. Этот концерт означает не что иное, как крики голодных птенцов. Значит, скоро должны прилететь их родители с пищей. Хочешь увидеть орланов?

Какой глупый вопрос! Конечно, Энну хотелось их видеть. Он даже не обратил внимания на колючие еловые иголки, упавшие ему за ворот. Но у Энна не хватило терпения и спокойствия — качеств, которые Мардус приобрел, сидя в наблюдательной палатке. В течение получаса ничего не произошло, и Энну стало скучно прятаться за елью.

— Мартик! Послушай, Мартик! Ведь орлан — хищная птица, правда?

— Ну и что?

— Он убивает уток и рыб, и ты ведь сам говорил, что даже зайцев. Так зачем же он под охраной?

Мардус Маавере опять взял в зубы стебелек. Знакомый вопрос. Года два тому назад он задал этот же вопрос своему брату Вальтеру.

Мардус помнил рассказ брата, но не умел так хорошо его передать.

— Смотри, Энн, — начал Мардус. — У каждого существа в природе своя роль. Возьмем, например, щуку в море. Про нее говорят, что она хищная, обжора. А на самом деле она водяная санитарка. Ты знаешь, что она ест? В основном больных или вялых рыб. С хищными птицами такое же дело.

Энн Сийтам мял в руке прошлогоднюю шишку. Все ясно, он все понял. Только тут есть одно «но». Такое «но», которое заставит сомневаться всякого мыслящего человека, и Энн Сийтам выложил свои сомнения:

— А зачем убивают ястребов, если то, что ты сказал, правда?

— Ничего, скоро перестанут.— И этот вопрос не смутил Мардуса.— Англичане у себя всех ястребов перестреляли. Думали, охотникам больше птиц достанется. А теперь птицы запаршивели, и ястребов покупают за большие деньги в других странах.

Нет предела любознательности десятилетнего человека.

— А французы? А немцы? Что они сделали?

— Немцы и французы...— начал лектор, все больше воодушевляясь.— Немцы и французы...— Он не закончил.

Что-то темное мелькнуло между деревьями. Большая птица умело проскользнула под кронами, поднялась к гнезду, сбросила в него какой-то комочек и исчезла. Это произошло так быстро, что показалось обманом зрения. Но это не был обман, потому что птенцы умолкли: они остались довольны.

Но зато не остался доволен Энн Сийтам.

— Вот странные повадки! — возмутился он.— Кушаньем бац по голове! Нет того, чтобы сесть, как полагается, на край гнезда, спросить, нравится ли еда.

По правде сказать, Энн был обижен. Он не успел толком разглядеть эту коричневую молнию, заметил только светлый хвост. Слишком мало, если учесть, сколько они прошли ради орлана. Он ожидал гораздо большего.

Но Мардус понял, в чем тут дело.

— Мы должны уйти, Энн! Сейчас же!

Никаких возражений он и слушать не стал. Он вообще не дал возможности Энну говорить. Как трактор, ломился он обратно через чащу, силой уводя за собой городского мальчика.

— Они видели нас, когда мы шли сюда. Они нас боятся. А то зачем прилетать украдкой?

Мардус остановился лишь тогда, когда уперся в тростник. Ребята подошли к болоту.

— Нам нельзя возвращаться. Хотя бы этим летом. Понимаешь?

Энн Сийтам буркнул в ответ что-то бессвязное. Если все исследователи природы такие помешанные, то он никогда в жизни не пойдет с Мардусом в лес. Он выразительно подул на покрасневшую ладонь — ведь Мардус тащил его за собой и крепко держал за руку. Но в глубине души Энн все же был доволен.

А ворчал он просто так. Если хорошенько подумать, то возвращались они не с пустыми руками. Во всяком случае Энн видел настоящее гнездо орланов. Он представлял, как вытаращат глаза городские ребята. Энн собственными глазами ви-

дел настоящего орлана, а не какую-нибудь несчастную птицу в зоопарке. Но что самое главное, за поясом он нес талисман, ценности которого нет предела в цивилизованном мире.

Когда семья Сийтамов села вечером за стол пить чай, Энн вынул орланье перо, взял его между пальцев так, чтобы оно коснулось папиной газеты, и стал оттачивать.

Энн ожидал внимания и не ошибся.

— Всякую дрянь собираешь, — сказала Маргит Сийтам. — А если это перо от больного гуся?

Что мог на такое невежество ответить мальчик, который дал себе слово молчать, молчать и еще раз молчать?

Он потопил свою обиду в чайной чашке.

ПТЕНЕЦ ОСТАЕТСЯ ОДИН

Лето вступило в свои права.

В садах поспела клубника. Вода в реке стала теплой, как парное молоко. Лапукюлаские собаки лениво полеживали под крыльцами, высунув языки. А в тех семьях, где держали скотину, не знали, что делать, потому что коровы не ели, прятались в густом ольшанике и ждали вечера, когда спадет зной.

Даже в далекой глуши редко бывает, что один день похож на другой как две капли воды. Обязательно случится что-нибудь такое, что внесет разнообразие и станет предметом обсуждения. Например, к сторожу маяка приехал в гости брат из Америки, и вся деревня толковала о даме, которая вместо шляпы носит на голове соломенную миску. Потом колхозный шофер нечаянно наехал на телефонный столб, а сынишка маслодела потерял отцовский складной нож с двенадцатью лезвиями, четырехлетний Андрус Сийтам — дачник из города — забрался на воз с клевером и уехал довольно далеко от дома, и так далее, и так далее.

Все это были довольно незначительные события. Но вот однажды случилось такое, отчего всполошилась вся округа.

Вечером на хутор Катси одна овца вернулась вся окровавленная. В лесу недавно видели охотников из районного центра, и хозяин хутора, долго не думая, обвинил их.

Наступил прекрасный день для Элизы, жены часовщика.

— Вы слышали, что сделали охотники? Бах, бах — и вот

вам пожалуйста! Выживет ли овца? Пригодно ли мясо к еде, если овцу ранили? А вы знаете, какая красивая, курчавая шерсть у этой овечки?

На этот раз никто не удивился, что супруге часовщика некогда выслушивать ответы. Ведь новость надо рассказать всем. В Лапукюла только и говорили об овце.

Слухи дошли до районного центра. Охотники снова приехали в Лапукюла. Понимающему человеку все ясно: у овцы на шее шерсть выщипана и ноги разодраны — такого дробью не сделаешь.

— Бродячая собака... или волк, — сделал вывод ветеринарный врач, приглашенный осмотреть овцу. — Да, да. Собака или волк. Могу выдать справку, если потребуется.

И снова жена часовщика отправилась по домам.

— Вы слышали? — трещала она. — Вы знаете, охотники не стреляли в эту овцу! Люди говорят понапрасну. Это была собака или волк. Неповятно, откуда только берутся сплетни!

Несколько дней спустя у лесника Моски бесследно пропал весенний ягненок. А колхозный кузнец нашел на выгоне хвост и рога, принадлежавшие его молодому барану. Вскоре волк напал на колхозных телят.

Во всем поселке стали говорить только о волке. В канцелярию лесничества заглядывали все, у кого имелось ружье. Волк, наверное, давно удрал бы, поджав хвост, если бы знал, какую смерть ему сулили.

— Отнести поросенка в лес и привязать к стволу, — предложил толстый лапукюлацкий маслодел. — Как только волк заявится — пристрелить.

— Не придет он, — перечеркнул его планы синдлиярвский лесник Яагуп. — Ясно, что волк летом на поросенка не придет.

— Тогда облаву устроить. Ты опытный стрелок...

К облаве опытный стрелок отнесся еще более скептически. Одиноким, рыскающим по кустарникам волк... Где его поймать! Ясное дело, нигде. Вот зимой, когда на снегу остаются следы...

Эти рассуждения совершенно испортили настроение жизнерадостному маслоделу. Что же думает Яагуп? Пусть волк дерет... и ничего не поделаешь? У маслодела появилась идея, как поймать волка, но говорить о ней раньше времени он не хотел. За каждую волчью шкуру государство платит по семьдесят рублей, а колхоз дает в премию телку. Только дурак захочет с кем-нибудь поделиться.

В прошлом году на склад лапукюлаской маслобойни напали крысы. В память об этом событии сохранилась банка с изображением черепа и двух скрещенных костей. Маслодел разыскал банку с ядом. Ничего, что у него нет собственного опыта. Слушая других, тоже можно кое-чему научиться.

Люди говорили, что прошлой ночью волк действовал в соседней деревне. Не оставил ли он про запас чего-нибудь на том месте, где задрал жирную колхозную овцу?

«Помнится, если рысь задерет косулю, то не уйдет далеко до тех пор, пока не обгложет все косточки, — рассуждал маслодел. — Все они, хищники, одинаковые. Наверное, и у волка те же повадки. А если так, то он вечером обязательно вернется».

На дороге перед домом с единственной в Лапукюла длинной трубой затарахтел мотоцикл. Краснощечий маслодел рванулся с места так стремительно, будто отправлялся на мотогонки.

Два дня спустя ваэвереский лесник Моска возвращался с очередного контрольного рейда. Он ходил смотреть сосновые посадки рядом с болотом Нээрусоо. По приказу Главного управления старый лесник составлял отчет о потравах, сделанных лосями.

Это был нелегкий поход для лесника и его собаки.

Вдруг собака насторожилась. Тявкнула. И, поймав вопросительный взгляд хозяина, помчалась в кусты.

Лесник подождал немного. Что там особенного! Вынюхала ночлежку зайца. Разбудит длинноухого и вернется. На облаву Диана уже давно не годилась. Если даже дать ей разрешение, она все равно не стала бы преследовать зверя.

Лесник свистнул, позвал собаку обратно. Но Диана не возвращалась.

Оттуда, где скрылась собака, доносился громкий лай. «Скорей, хозяин! Иди погляди, что я нашла!» — означал он. И старый лесник Моска, звавший свою собаку так же хорошо, как собака своего хозяина, направился к ней.

Между низких болотных сосен, среди пахнущей медом морошки лежала огромная птица. Крылья распластаны, крючковатый золотистый клюв испачкан землей. Видно, она била клювом по кочке, сдирала кору с корней. Плоские когти так сильно вцепились в мох, что леснику пришлось высвобождать их по одному.

Лесник все проделал молча. Молча сбросил ношу у магази-

на. А его серые выцветшие глаза останавливались по очереди на всех собравшихся.

Лапукюлаский магазин был вроде клубного заведения. Тут всякий забывал о движении времени. Хозяйки останавливались на крыльце поболтать. Дети, посланные за хлебом, хватились друг перед другом, сколько раз в день они ходят на речку купаться. Прошлый раз в магазин завезли несколько ящиков пива. В жаркий полдень мужчины обычно сидели под кустами сирени и обсуждали очень важные проблемы.

Вокруг птицы сразу же столпился народ. Большинство видело орлана впервые. Кто потрогает клюв («Ой, какой страшный!»), кто пощупает когти («Ой, какие острые!»), и только присутствие людей из лесничества останавливало желание вырвать из крыла перо на память.

Зато люди в форменных фуражках с зеленым околышем были угрюмо-молчаливы. Они успели выпытать у маслодела, почему у него такой таинственный вид. Все знали об отравленной овце и о том, что кто-то уже полакомился ею.

Первым высказался синдлиярвский Яагуп.

— Вот вам жертва яда,— сказал Яагуп.— Ясное дело. Вот тебе и волк.

В глазах Яагула мелькали искорки смеха. Казалось, он ничего не имеет против такого хода вещей, даже радуется несчастью маслодела.

Совершенно иное настроение было у болезненного лесника Моски.

— Глупая история... очень глупая,— сказал он.— Конечно, орлан увидел труп и... откуда он мог знать, что овца... Кто теперь будет расхлебывать эту кашу?

В последнем циркуляре управления леснику Моске указали на недосмотр: на участке, которым он ведал, была проведена канава через вырубку, где жил орлан. И вот новая неприятность. А ему через полгода на пенсию...

Придется составить акт. Как положено... Лесник был серьезно озабочен.

— Ты, болван, знал ведь, что в наших лесах живут орланы,— ругал таксатор Кярмас маслодела.— А орлан первым на падаля садится.

От более резких слов он удерживался только потому, что недавно маслодел угостил его двумя бутылками пива.

Лапукюлаский маслодел был похож на отжатую губку.

Среди собравшихся находился только один человек, кого он мог обвинять, ругать, упрекать,— он сам.

«И зачем я разболтал о яде?» — сокрушался он.

Маслодел уже распрощался с премией за волка и в совершенно иную графу записал еще большую сумму.

Теперь он гнал навязчивую мысль: где побывал один орлан, мог побывать и второй. Чего поел один, мог поесть и второй. Ничего удивительного, если в один прекрасный день найдут и второго орлана и принесут к магазину.

Два раза по сто рублей! За такой штраф можно телевизор купить! Неудачливый охотник проклинал лесника Моску, которому больше делать нечего, как таскаться по болотам. Еще пуще проклинал он хороший нюх гончей Дианы, а затем последовало проклятие всему орланьему роду.

Среди этих озабоченных любопытных и проклинающих людей нашелся только один, подумавший о том, что ведь у орланов в гнезде остались птенцы. Он сел на велосипед и помчался к пчоло с такой скоростью, с какой еще никогда не ездил.

Мардус затормозил под окном, откуда слышались звуки фортепьяно. К счастью, окно открыто.

Полонез Шопена прервался. Вскоре маленькому Андрусу захотелось привести своих мышек послушать музыку. Но брата в классе не оказалось. На вращающейся табуретке лежал листок бумаги.

«Я пошел к одному мальчику. Ему очень нужна помощь».

Андрус знал только печатные буквы и поэтому ничего не понял. Он сложил бумажку в несколько раз, и получился букварь для мышек.

ЧУДОВИЩНЫЙ ГОЛОД

На островке Сирбисаар раздавался клич о помощи. Маленький орлан Белое перо возвещал миру о своей обиде, о боли в желудке, о страхе одиночества, который предчувствовал.

Он никак не мог понять, что же произошло. За свою шестинедельную жизнь птенец еще не сталкивался ни с одной жизненной проблемой. С тех пор как он вылупился из яйца, все было очень просто. Стоило ему закричать, как мать засовывала ему в глотку вкусную пищу. А теперь он тосковал почти весь день, не видя на горизонте точки, которую легко узнал бы среди тысячи других.

Птенок не требовал ничего особенного. Его желания были естественные и простые. Маленький Белое перо не переносил, например, полуденного солнца. От палящих лучей он

становился вялым и беспомощно прижимался к гнезду. Ему очень хотелось, чтобы прилетела мать и укрыла его своим крылом, как тогда, когда он был еще совсем-совсем маленьким.

Но можно и потерпеть.

Можно обойтись и без дождя, под которым так хорошо купаться. Можно не обращать внимания на ветер, который раскачивает верхушки деревьев и не стихает. Но чувство голода нельзя было унять.

Маленький орлан рос неимоверно быстро. Килограммовую щуку он мог слопать за семь минут, и щука должна была появиться вовремя, не то желудок начинал нестерпимо болеть.

А теперь птенец ревел, будто уйма муравьев металась у него внутри. Они сверлили, щипали, и Белое перо стонал так, что даже камни пожалели бы его.

Орленок не знал, сколько времени он просидел без еды. Ему казалось, что целую вечность. Насколько он помнил, по утрам он всегда просыпался от голода. Когда его брат был еще жив, они встречали восход солнца криком в два голоса. Этот дуэт раздавался на весь болотный островок. Каждый птенец хотел перекричать другого и первым увидеть приближающегося орлана.

Старый Белое перо нес в когтях молодого зайца, рыбу, лису или что-нибудь другое очень вкусное. Навстречу ему поднималась самка и в своих когтях уносила добычу в гнездо.

Так бывало всегда. После еды птенцы чувствовали непреодолимую усталость и сразу же засыпали. Спустя два-три часа они просыпались и снова требовали есть.

Когда им исполнился месяц от рода, мать положила в гнездо ощипанного чирка-свистунка, и птенцы справились уже сами. В тот же день выяснилось, что старший птенец больше весит и больше хочет есть. Пока их кормила мать, орлята развивались почти одинаково. Теперь пришел в действие древний закон природы: право сильного. Яйцо, из которого вылупился первенец, самка снесла на четыре дня раньше. На четыре дня раньше вылупился и птенец.

Эти четыре дня дали первенцу огромное преимущество. Он съедал большую часть мяса, которое приносили родители.

Все было бы в порядке, если бы на побережье и на опушках леса в эти дни хватало пищи. Но, к сожалению, ветер с берега отогнал рыбу из бухты далеко в море. Того, что удавалось раздобыть старому Белому перу и его супруге, хватало только для одного птенца. Которому из них, мы уже знаем.

Старший птенец рос не по дням, а по часам. Он был сильнее и однажды утром вытолкнул младшего брата из гнезда.

Он заранее не обдумывал убийства, нет. Но как только птенцы увидели свет, они начали ссориться, кому сидеть в середине гнезда. Почему им этого хотелось, они не знали. В середине гнезда не мягче. Там те же сучья, те же сосновые ветки и прошлогодняя трава в подстилке. Птенцы не понимали, что боятся края гнезда. Они толкались, каждому хотелось устроиться поудобнее в серединке.

Слабый птенец переоценил свои силы. Когда старший брат навалился, младший отпрыгнул. Что-то на краю гнезда хрустнуло, и он, кувыркаясь, полетел вниз.

Месячный птенец еще не умеет раскрывать крылья, по это и не помогло бы, потому что в этом возрасте крылья очень слабые. Птенец ударился затылком о замшелый камень.

Когда высоко над болотом показалась орлица с добычей, ее ожидал в гнезде только один птенец. Но самка будто и не заметила исчезновения второго птенца. Орлица сидела на краю гнезда, зорко вглядываясь в горизонт. Суровая линия клюва не выдавала ни малейшего волнения. По законам орланьего рода птенец, который лежал под деревом, для самки уже не существовал. Не существовал, даже если бы несчастный остался жив при падении. О вытолкнутом брате забыл и птенец.

Еды с тех пор стало достаточно, и птенец глотал куски мяса без прежней жадности.

Но вот орленок уже целую вечность не видел свою мать. Не появлялся и старый Белое перо. Стая муравьев в желудке голодного орленка удвоилась.

Постепенно укусы этих муравьев становились менее острыми и сменились тупой болью. Это означало, что смерть близка. В полдень последний представитель рода морских орланов обессиленно лежал в гнезде, раскинув крылья и вытянув шею.

Трясогузка — она свила себе гнездо между нижними сучьями орланьей крепости — показало странным, что так долго не появляется хозяйка гнезда. Птичка привыкла лакомиться остатками еды орланов, но теперь не было ни еды, ни остатков.

«Какой беспорядок!» — трясогузка презрительно вскинула хвост.

Для жителей болот и лесов не в новинку оставаться без кормильца. Случается, что бездомные собаки нападают на косулю и маленький крапчатый козленок один пробирается сквозь заросли терновника и орешника. Бывает, что погибает зайчиха. Иногда в ловушку попадает куница. Для потомков это трагедия, но еще не конец жизни. Козленок обрывает листву с кустарников. Зайчата принимают грызть травинки и молодые

побеги деревьев. А маленькая куница может случайно наткнуться на мышиное гнездо.

Насколько безнадежнее положение осиротевшего орленка! В лесу была пища, но ему ее не достать. В воздухе была пища, но он мог пожирать ее только глазами. Орленок лежал в гнезде и тяжело дышал. Кричать не хватало сил. Над старой осиной появились кучевые облака. Они спрятали солнце. Орленок открыл глаза и приподнял голову. Вдруг он увидел что-то перед собой. Голодный орленок в один миг определил, что это такое.

Это было мясо. Странное и подозрительное, но все-таки мясо.

Орленок подавил в себе страх. Полулежа он вонзил клюв в кровавое мясо, позабыв о страхе перед всем чужим.

— Ест,— шепнул десятилетний мальчик.— Честное слово, ест!

— А ты что думал! Мясо есть мясо,— сказал его приятель.

Ухватившись за ветки, ребята сидели на верхушке ели, крепко прижимаясь к ее смолистому стволу.

Старый Белое перо всегда презирал ель, которая высилась в нескольких шагах от его осины. Это был единственный недостаток гнезда. Теперь же этот недостаток спас жизнь птенцу. По голому стволу осины не забрался бы даже альпинист. Ель оказалась единственным доступом к гнезду.

— Какой он лохматый,— удивился меньший мальчик.— А на спине белая полоса, будто белое перо... Ну, маленький орленок Белое перо, скажи, ты наелся?

Птенец не обращал внимания на мальчика. Орленку подбросили совсем немного еды. Маленький Белое перо впервые видел эти существа. Он питал к ним недоверие. Он боялся, что мясо у него могут отнять. Поэтому птенец рвал куски и глотал мясо, насколько хватало силы.

— Ешь,— сказал Мардус.— Уплетай. Еще и вторую змею получишь.

Изголодавшийся орленок только прохрипел в ответ. Он переутомился, поэтому лежал и тяжело дышал.

— Если не хочешь сейчас, то съешь потом.— Размахнувшись, мальчик бросил в гнездо вторую гадюку.

Две гадюки — вот все, что удалось поймать на краю болота. Этого хватило, чтобы спасти орленка, чтобы отогнать смерть.

Мардус стал осторожно спускаться вниз. Приятель следовал за ним, как послушный щенок,

— Завтра вернемся,— сказал Мардус.— Теперь все будет зависеть от нас. Я не сомневаюсь, что второй орлан тоже лежит где-нибудь мертвый.

— Завтра вернемся,— словно эхо, повторил Энн.

Он еще не знал, удастся ли ему это, но в своей решимости не колебался. Разве много на свете ребят, которые вырастили орленка? Есть ли они вообще?

СМЕРТЬ СТАРОГО ОРЛАНА БЕЛОЕ ПЕРО

Мардус Маавере оказался прав. Орланы вдвоем отведали отравленную овцу. Издревле велось, что погибшие звери принадлежали орланам. Когда супруга Белого пера заметила падаль на берегу канавы, ей сразу же захотелось спуститься.

Плоский коготь была опытная птица. Она провела три года бродячей жизни. Она пережила опасный для молодых орланов возраст и знала, что, прежде чем спуститься, надо внимательно осмотреться.

Не взмахнув крылом, Плоский коготь кружила в небе. Кажется, внизу все в порядке. Одинокие негустые сосны, хилые березки. Здесь никто не останется незамеченным. Орлица уже хотела сложить крылья, как увидела на горизонте старого орлана. Плоский коготь решила немного подождать, чтобы подать ему знак о своей находке.

Вряд ли даже голодный волк дотронулся бы до овцы, которая пахла человеком и еще чем-то. Лапукюлаский маслодел, правда, умел варить сыр, но как ловить волков, не знал. Не надевал он рукавиц из недубленой кожи, окунутых в теплую кровь животного, не делал он костяным ножом надрезы для яда.

Что там и говорить! Бравый охотник положил отраву кое-как, а потом закурил папиросу и просыпал на землю табак. Каждый волк учуял бы табак шагов за пятьдесят.

Конечно, каждый волк с презрением обошел бы отравленную приманку. Один только раз поведя носом, понял бы, в чем дело. Но у орланов нет столь острого обоняния.

Плоский коготь не колеблясь села на овечью тушу, и через некоторое время рядом опустился Белое перо.

Когда судорога свела левое крыло орлицы и она спустилась на болото, старый орлан еще парил под облаками. В его зоб попало меньше яда. Но и Белое перо чувствовал изжогу. Острая боль пронизывала тело,

Постепенно боль расплзлась по шее, дошла до головы. Потом стало сжимать затылок. Орлан понял: наступает конец.

За всю долгую жизнь инстинкт подсказал Белому перу многое. Подсказал, например, какое выбрать дерево для гнезда. Чутье помогало ему, когда он выбирал и обламывал сучья. Весной инстинкт напоминал ему, что надо украсить гнездо венком из сосновых веток, и орлан слушался приказа.

За первые пять лет жизни Белое перо открыл в себе много знаний, о существовании которых и не подозревал.

Когда орлица начинала высиживать яйца, Белое перо знал, что теперь приносить пищу — его обязанность. Когда в гнезде появились птенцы, он знал, что отныне придется трудиться еще больше. А когда птенцы уже топали по гнезду, чутье подсказывало орлану, что надо собрать с болота прошлогодней сморщенной клюквы, нарвать цветков подбела, веток брусники и разложить этот салат по краю гнезда.

Так обстояло дело с приказами, появлявшимися откуда-то изнутри. Белое перо следовал приказаниям инстинкта так же добросовестно, как его отец и дед, все далекие предки.

А теперь чутье подсказало, что близится конец. «Он почувствовал холодное прикосновение смерти», — так сказали бы люди. Но старый орлан не был человеком. Он не умел ни думать, ни говорить. Белое перо умел только чувствовать, и теперь он почувствовал, что хочет в последний раз посмотреть любимые места.

Орлан отправился на море. Сильные размеренные удары крыльев уносили его вперед. Зоркие глаза не пропускали ни окон в болоте, ни сырого леса, ни дюн в прибрежном сосняке, ни гнезда ястреба-тетеревятника на ели, растущей у заболоченной канавы.

Не одного тетерева отнял старый орлан у ястреба. Белое перо кружил высоко-высоко, много выше, чем поднимается ястреб. Орлан, как вор, неожиданно набрасывался на ястреба и всегда брал себе его добычу. Ястреб дрался только с ястребом, а большому орлану он никогда не оказывал сопротивления.

Старый орлан Белое перо не видел ничего предосудительно-го в разбое. Таков закон природы — орлан сильнее ястреба.

Останавливаться на этом месте Белому перу не хотелось. Только над заросшей тростником бухтой орлан начал вырисовывать круги. Между островками разросшегося тростника чернела вода. Когда-то очень давно вийдунаские жители вывозили отсюда хорошую плотную глину для кладки печей. Ямы заполнились морской водой. Здесь останавливались перелетные

гуси. Ранней весной тут иногда плавали лебеди. А в остальное время в иле добывали пищу птицы поменьше.

Это одно из любимейших мест охоты старого Белого пера.

Всего две недели назад он напал здесь на лысуху, которая копошилась у берега.

Лысуха успела нырнуть под воду. Но орлан и не думал улететь без добычи. Чуткой тенью повис он над темноводной ямой, выжидая момент, когда лысуха поднимется подышать на поверхность воды.

Это был поединок двух больших мастеров. Лысуха прекрасно владела техникой ныряния. По нескольку минут она находилась под водой. Орлан никогда не мог предвидеть, где вынырнет эта невзрачная птица. Он сделал едва ли не сотню безуспешных попыток поймать лысуху.

Но если лысуха была увертлива, как челнок, то у Белого пера хватало терпения сторожить. Часа два висел он в воздухе. В конце концов случилось то, что должно было случиться. Лысуха просчиталась и вынырнула точно под орланом. В следующий миг на нее упала четырехкилограммовая могучая птица. Очередное трагическое представление закончилось опять же по законам природы.

Кому трагедия, а кому радость!

Белое перо сделал второй круг над зарослями тростника. Тяжелые, темные кучевые облака плыли от прибрежного сосняка к морю. Такие облака всегда приносят с собой восходящие потоки. Орлан снова стал набирать высоту. Вырисовывая спиралеобразные круги, он поднимался все выше и выше, ни разу не взмахнув крыльями, пока не превратился в точку для тех, кто наблюдал за ним с земли.

Теперь он направился на риф Мástикари. Это был остаток каменной гряды в некотором расстоянии от берега. Несколько больших валунов — и все. Здесь Белое перо часто сидел на камне и ждал, когда какая-нибудь глупая щука приплывет погреться на мелководье.

После штормовых дней в других местах море уже успокаивалось, а до рифа Мастикари все еще докатывались волны с открытого моря. Высокий вал с белым гребнем подходил, омывал валуны и скользил дальше к берегу.

Тут старый орлан вел самую значительную борьбу в своей жизни. В тени самых дальних валунов весной собирались лососи. Им очень нравилась пенящаяся вода. Большой птицы высоко в небе лососи не замечали. Ведь плавали они глубоко и нападения с воздуха не боялись.

Но однажды старый лосось поднялся в верхние слои воды. В период весеннего нереста лососи проделывают длинные походы. Лосось, герой многих походов, захотел поплавать в воде, более насыщенной кислородом. Поэтому он и качался на волнах там, где вода разбивалась о камни на тысячи мелких брызг.

Белое перо целился в затылок рыбе, но опоздал. Опоздал на какую-то долю секунды, и его когти вместо затылка вцепились в хребет рыбы позади спинного плавника.

Легкомысленно действовала рыба, поднявшись в верхние слои воды, необдуманным был и поступок орлана. Только один раз прежде он атаковал большую рыбу. То была старая щука, подстерегавшая утят недалеко от берега. Белому перу пришлось с ней нелегко. Но взрослый лосось вдвое проворнее щуки. Вдвое проворнее и вдвое сильнее.

Испуганный лосось метнулся в открытое море с орланом на спине.

У них были совершенно противоположные желания. Лосось стремился вглубь, а орлан — в воздух. Но выполнить свое желание ни тому, ни другому было не под силу. Лосось весил с десяток килограммов, такую ношу орлану не поднять в воздух. К тому же лосось боролся во имя спасения, а его спасение было в глубине моря.

Как парус без лодки, мчался орлан по воде, как сказочный белохвостый призрак. Лосось пробовал уйти под воду вместе со своим всадником, а Белое перо сопротивлялся сильными ударами крыльев. На этот раз орлан не посчитался с приказаниями инстинкта. Взмахивая крыльями, он продолжал свою поездку и старался вытащить из воды хоть затылок лосося.

Но ведь у Белого пера были горькие воспоминания, предупреждающие от подобных поступков.

Когда-то очень давно один из его сыновей накинудся на черную тень, которая двигалась под водой. Тюлень, преследуя стаю сивов, приплыл в мелкие воды Вийдуна. Молодой неопытный орлан вонзил когти в затылок большому серому тюленю, и в следующий миг орлан исчез. Этот безумный желторотый птенец не смог отцепиться от тюленя. Он судорожно сжал когти. Вода закипела над головой птицы, и орлана, который накануне выучился летать, не стало.

Все произошло на глазах Белого пера. Из этого надо было сделать кое-какие выводы!

Силы лосося и старого Белого пера были почти равными. Крючкоротый лосось не мог уйти вглубь, но и Белое перо не мог вытащить рыбу из воды. И все же у орлана было одно пре-

имущество. У старого орлана оставался в запасе клюв. Как тяжелым молотом, ударил он клювом по голове лосося, и это решило исход борьбы.

Старый орлан Белое перо выписал несколько кругов над рифом Мастикари.

Как и вчера, здесь разбрасывала брызги ленивая бродячая волна, только в тени валунов не было крапчатых рыб-красавиц. Летом они сюда не приплывали, потому что вода становилась теплой и лосося удалялись в прохладную глубину моря.

Спуститься на большой коричневый валун?

Очень соблазнительно. Ведь Белое перо почувствовал усталость. Он с удовольствием отдохнул бы немного, но боялся спуститься. Боялся, что если сядет на камень, то в воздух ему больше не подняться.

Нет, надо забыть об усталости, изменить направление полета. Старый орлан хотел взмахнуть крыльями, но крылья не повиновались ему.

Желание Белого пера бороться до конца сбылось.

Он скончался в воздухе.

МЯСО, МЯСО...

Энн Сийтам качался на двери в кухне и вел борьбу с самим собой. В углу находился чулан с цементным полом, предназначенный для хранения продуктов. Там на полке лежало мясо, хороший кусок телячьей грудинки. Имел ли он право отрезать маленький кусочек?

С одной стороны, конечно, не имел. А с другой стороны... Где сказано, что люди должны каждый день есть мясо? Нигде не сказано. Наука давно установила, что вместо мяса куда полезнее есть овощи.

«Всюду только и говорят, что людям вредно есть мяса по-много», — решил Энн Сийтам и сделал первый шаг к чулану.

В школе царил необыкновенная тишина. Мама и Андрус ушли за молоком. Папа окапывал кусты на школьном участке. Дирижер Сийтам где-то вычитал, что человек умственного труда должен пройти пешком в день десять километров или целый день поднимать посильные тяжести.

Ходить пешком он отказался. Смешно ходить пешком, если имеешь собственную машину. Вместо этого он взялся за ло-

пату. Энн знал, что отец в саду, и поэтому мог на кухне хоть на голове ходить.

Но он крался тихонько, как ночной вор.

«Я возьму только чуточку,— утешал себя ворышка.— Так, что никто и не заметит».

А когда дверь чулана со скрипом отворилась, взять «только чуточку» не удалось. Слишком хорошо запомнил Энн голодный взгляд орленка. Кроме того, у Энна появилось желание заслужить благодарность Мардуса.

— Кому из нас так уж хочется мяса летом? — бормотал он.

Как тень он пришел, как тень и ушел. Вскоре старый «Астрон» рассыпал в июньское утро переливы гамм. Мясо, исчезнувшее из чулана, временно лежало там, где пижние концы басовых струн прикрепляются к раме.

Что значит пройти по лесной тропе три километра двум ребятам, обутым в удобные кеды, одетым в рубашки с открытым воротом и хлопчатобумажные штаны, а потом три километра по гари да еще столько же по болотистой просеке через кустарник? Пустяки, если на болотном островке ждет одинокий беспомощный птенец-сирота.

Две жирные гадюки вернули жизнь маленькому Белому псу. Но ничему они его не научили. Орленок по-прежнему думал, что стоит ему подать голос, как будет еда. И он кричал во весь голос.

Птенец окреп настолько, что мог уже сидеть. Он сидел и смотрел вокруг. Гостей он заметил давно.

Когда ребята подошли поближе, орленок на всякий случай притих. А когда они забрались на дерево, он совсем затаился. Птенец испуганно следил, как две головы поднялись на уровне его гнезда. Ребята, конечно, увидели два тоненьких скелета — еще вчера это были гадюки.

— Ну, узнаешь? — защелкал языком меньший мальчик. — Я тот самый, который вчера принес тебе страшную гадюку. Старые друзья всегда встречаются. А что я принес тебе сегодня! Ай, ай!

Орленок вслушивался в необычные для него звуки, склонив голову набок. В нем появился подсознательный страх перед человеком. Он уже успел забыть про вчерашние подарки. Если бы его несли крылья, он бы улетел. У него оставалось только одно — вступить в борьбу, и орленок принял самую устрашающую позу.

Маленький Белое перо приподнял крылья, немного сгорбился и раскрыл клюв. Он хрипло крикнул, что означало предостережение. Отец с матерью наверняка возгордились бы его мужеством.

— Глупый звереныш, — сказал Энн. — Ужасно глупый. Другие ради тебя мясо воруют. За это можно и в милицию попасть, а ты... Пугающее не умеешь кричать?

Птенец угрожающе шипел. Он и не взглянул на кусок мяса, брошенный в гнездо. Перед ним были враги.

Но сколько можно стоять с разинутым клювом и пустым желудком? Не обращать внимания на кусок мяса, который лежит в нескольких шагах?.. Жизнь еще не успела сделать маленькое Белое перо недоверчивым.

Не спуская глаз с мальчиков, Белое перо осторожно положил лапу на кусок мяса. Вонзил клюв, согнулся луком, напрягая мускулы всего тела.

Глядя на птенца, Энн уверился в том, что сделал правильно, утащив мясо.

В этот послеобеденный час маленький Белое перо уснул таким же довольным, как при жизни родителей. Он наелся по-настоящему. На краю гнезда остались еще две крысы — одна недоеденная и одна совсем нетронутая. Время от времени он открывал один глаз, чтобы проверить, все ли цело.

Зато совсем иное настроение было у тех, которых орленок должен был поблагодарить. Чем ближе ребята подходили к Лапукула, тем ярче воображение рисовало Энну картину того, что ожидает его дома. Сочувствие Мардуса Маавере помогло все меньше.

Будто с мельничным жерновом на сердце прошел Энн Сийтам под окном, за которым желтело зубами-клавишами старое пианино. Он свернул за угол.

Голоса во дворе заставили его остановиться. У крыльца разгорались страсти, а осторожный человек всегда сторонится таких мест.

— Боже мой! Боже мой! — отчаивалась хозяйка Маргит. — Ну, скажи, что мне с тобой делать! Полтора килограмма свежего мяса! Два обеда! Отец специально ездил в Хаапсалу, а ты что сделал?.. Где твой разум? Ты хоть думаешь, что ты делаешь?

Андрус, которого отчитывали, стоял, упрямо расставив ноги. Полный непоколебимой убежденности в своей правоте, он выпалил:

— А мышки... мои мышки! Они тоже хотят мяса!

Эни тихонько присвистнул. Он понял, в чем дело. Оказывается, не он один побывал в чулане. Младший братишка сделал до него то же самое. Во всяком случае, перед мышками лежали кусочки мяса. Все мышки лакомились первосортной телятиной.

Маргит Сийтам вздохнула. Это был вздох человека, который взял себя в руки и опять владеет собой, человека, который слушает радиопередачи «Семья и дом» и поэтому знает, что резкостью в трудном деле воспитания детей ничего не добьешься.

— Ты только подумай, Андрус! — говорила Маргит Сийтам. — Ты ведь большой мальчик, ты должен понять, что это не настоящие мышки. Они не бегают. Они не прыгают. Игрушечные мышки у тебя, деревянные. Но раз они игрушечные, то не едят настоящую еду. Игрушечные мышки кушают игрушечную еду.

Но она говорила глухим ушам.

— А вот и кушают настоящую еду! — топал Андрус ногами.

В нем появилось столько необузданности, что мать испуганно посторонилась. И тут она заметила Энна.

Несколько долгих минут Маргит Сийтам держала себя в руках. Несколько долгих минут сдерживала негодование и наконец не вытерпела.

— И ты тоже... все время где-то пропадаешь! — досталось и Энну. — А братишка твой... братишка глупостями занимается!

Будущий музыкант выслушал эти слова так покорно, что мать удивилась.

Откуда могла знать концертмейстер Сийтам, что ее старшего сына терзало чувство вины перед Андрусом. Энну стало немного легче, оттого что его побранили.

ЗУБАСТИКУ ПРИХОДИТ КОНЕЦ

На берегу торфяной ямы возится рыбак. Он вынимает из одного кармана завернутый в бумажку крючок, из другого — моток бечевки. Рыбак прилагает немало усилий, чтобы продеть толстую бечевку в ушко тройного крючка. Наконец все готово. Приспособление для ловли напоминает якорь. На такой якорь вполне можно было бы поставить кораблик, но рыбака это нисколько не тревожит. Он улыбается и тихонько нависывает. Рыбак уверен в удаче.

Уверен не зря, потому что щука, которую он собирается

поймать, не простая. Это прирученный водяной житель, старый хищник — Зубастик.

В торфяную яму щука попала четыре года назад. Мардус нашел ее полуживой в высохшей канаве, принес домой и выпустил в торфяную яму за сараем. Даже в самое засушливое лето там стояла вода.

Тогда щука была невзрачным мальком, величиной с палец. Спаситель выпустил ее и забыл. Но через год рыба сама напомнила о себе. Мать послала Мардуса за мягкой водой для мытья головы, и, когда мальчик наклонился над мостками, из воды на него посмотрели два зеленоватых глаза.

Две пары глаз уставились друг на друга.

«Гляди-ка,— говорили глаза Мардуса.— Мы как будто знакомы. Значит, жива и здорова. Не сожрали тебя водяные крысы».

Глаза из воды ответили:

«Конечно, я жива, конечно, здорова. Меня не едят. Я сама ем других. Ем все подряд, вот и расту так быстро».

Вечером Мардус принес щуке трех лягушек. Не успел он бросить одну лягушку, как из-под берега вылетела черная молния, шлепнула хвостом по воде и исчезла с добычей. Вторую лягушку щука проглотила так же жадно. Только с третьей квакуней она немного поиграла. Поплывала-поплавала вокруг лягушки и разинула пасть только тогда, когда лягушка собралась залезть на пенек, упавший в торфяную яму.

— Вот так Зубастик!— удивился Мардус.— Было три лягушки, и больше нет. Хоть бы на другой раз что-нибудь оставила.

Щука подрагивала плавниками и смотрела на него своими холодными рыбьими глазами.

«Я ничего не оставляю на другой раз,— говорил этот взгляд.— Что в пасти, то мое. Попробуй только сунуть палец в воду — схвачу».

С этого дня щука стала получать дополнительное питание. Всех лягушек, которые попадались Мардусу, съедала щука Зубастик. Всех мышей, которых мать вынимала из мышеловки, Мардус относил щуке. У нее выработался условный рефлекс. Стоило появиться на воде человеческой тени, как щука выплывала из-под берега и ждала, что ей подбросят. Она ни сколько не боялась. Если бы у щуки Зубастика вместо жабер были легкие, она наверняка вылезла бы из воды и отправилась гулять по двору.

...Рыбак осторожно ступил на мостки. Его тень упала на воду, и щука, получившая сигнал, выплыла из своего уголка. Теперь она напоминала ольховое бревнышко. Щука казалась настолько большой, что рыбаку стало страшновато.

— Мардус, Мардус! — закричал он. — А если щука затащит меня в воду?

— Упрись ногами, — послышалось в ответ. Мардус колот дрова. — Держись за мостки!

Нелегко жертвовать тем, кто тебе доверяет. Будь то хоть жадный водяной хищник. Несколько месяцев назад Мардус ни за что не согласился бы выловить Зубастика. Но теперь он рассуждал трезво.

— Я рассуждаю трезво, — говорил он себе между ударами топора. — Щук на свете сотни тысяч, может, и миллионы, они никогда не исчезнут. Если бы я мог что-нибудь другое отнести на болотный островок, щука спокойно жила бы себе дальше. А теперь другого выхода нет.

Трах! Трах! — раскалывал топор сухие поленья. И все же Мардус не хотел видеть, как щука в последний раз ударит хвостом по воде.

Что говорить о ловле, которая и не походила на настоящую ловлю? Щука схватила лягушку с крючком, как ребенок конфетку. Несколько минут спустя она уже металась на траве, судорожно глотая воздух. А рыбак плясал вокруг нее индейский танец и считал себя самым умелым рыбаком на свете.

В своей жизни Энн поймал только двух раков, да и то один был с оторванной клешней.

Что два жалких рака против этой огромной рыбы, такой большой — по пояс десятилетнему рыбаку — и такой прекрасной, что если захочешь пройти с ней через поселок, чтобы на тебя не обратили внимания, то заверни ее в бумагу, как стеклянную вазу.

— Этой щуки хватит орленку на несколько дней, — сказал Энн, обвязав рыбу веревкой. — Протухнет, пока он успеет ее съесть.

Он еще не знал, сколько способен съесть маленький орленок, не успев изучить аппетит подрастающего орленка.

Жаль, что Энн забыл о предосторожности. Зачем надо было заходить домой ставить пластырь на поцарапанное колено? И старый пластырь мог бы еще послужить, и не пришлось бы адороваться с незнакомым человеком, стоявшим на школьном дворе.

— А-а, вот и ты! — сказал дирижер Сийтам. — Вовремя

явился. Мы только что говорили о тебе. Идемте в класс. Товарищ Тискре с удовольствием послушал бы сюиту Баха, которую ты самостоятельно разучил.

Это не совсем соответствовало действительности. Вежливый гость всего лишь поинтересовался музыкальными успехами старшего сына. Но, будучи талантливым, известным пианистом, он уже привык, к чему обычно приводит его вежливость. И вот Тискре взял стул, поставил его на должном расстоянии от пианино и приготовился слушать.

Другое дело Энн. Такой сюрприз застал его врасплох. Ему не сиделось на вращающейся табуретке, будто в сиденье вмонтировали электроспираль и она жглась.

«Вдруг Мардусу надоело ждать,— беспокоился Энн.— Подумал, что я не приду, и ушел».

Эта мысль страшила больше всего.

Человек с козлиной бородкой сидел, как обычно сидят в таких случаях,— с полужакрытыми глазами. Почему-то ему было очень трудно сосредоточиться.

«Иоганн, Иоганн...— думал он.— Иоганн-Себастьян, конечно, ты могуч. Конечно, ты торжествен. Но если бы ты, сидя за своим клавишном, мог предвидеть, какие муки твоя строгая торжественность доставит одному молодому человеку двадцатого века, может быть, ты написал бы эту фугу в ритме козлиной пляски, как мне ее сейчас играют».

Мысли дирижера Сийтама так далеко в историю не уходили. По правде сказать, думать ему было некогда.

— Медленно, спокойно!— жалобно простонал дирижер Сийтам.— Там же написано...

Гром басов заглушил отчаяние в его голосе.

— Могу я теперь идти?— спросил Энн, когда последний аккорд вылетел в окно.

— Я думаю,— гость поднялся со стула,— и мы выйдем.

Он был опытный педагог, знавший детей. Поэтому Тискре не стал делать поспешные выводы из игры Энна.

Дирижера Сийтама одолевали мрачные мысли. Как узнать, есть ли у ребенка предпосылки стать профессиональным музыкантом, есть ли у него исполнительский дар?.. Если ребенок теряется в присутствии слушателей, если он даже простую гамму играет хуже обычного, то у него нет исполнительского дара и его не стоит мучить уроками музыки. Энн до сих пор проявлял столь полный и многогранный исполнительский дар, что отец чувствовал иногда благоговение перед талантом сына. Что же случилось с ним теперь?

В то время, когда дирижера Сийтама терзали такие мысли, его первенец уже сидел на багажнике велосипеда Мардуса. Щука Зубастик, связанная колесом за хвост и голову, висела у него на шее.

— Лети, как пожарная! — кричал музыкант. — Сто километров в час, прямо, без поворотов! — Но когда Мардус угрюмо продолжал молчать, он добавил: — Честное слово, я не виноват!

Велосипед, отслуживший уже полвека, и на этот раз доказал, что у него крепкие спицы. Двадцать минут спустя мальчики уже бежали по гари Педазе.

Нет худа без добра. В этом убедился и малыш Белое перо. Он долго напрасно ждал пищи. Это было плохо. Долго и беспощадно его палило солнце. И это было плохо. Он долго кричал, и в этом не было ничего хорошего. Зато теперь в гнезде лежало нечто такое, что обещало приятные ощущения. И, забыв обо всем, Белое перо глотал кусок за куском.

На соседнем дереве двое зорких наблюдателей желали ему приятного аппетита.

— Да, да, — произнес Энн, — сейчас ты ешь с удовольствием, да еще с каким! А только что был готов наброситься на нас!

Это он, конечно, преувеличивал. Когда ребята залезли на дерево, орленок принял защитную позу, приподнял крылья, разинул клюв и зашипел. Но как только Мардус при помощи длинной палки переправил в гнездо щуку, тут вражде пришел конец. Орленок подпрыгнул поближе и вонзил клюв в лакомство.

Но, занимаясь рыбой, он ни на минуту не забывал про тех, кто сидел на соседнем дереве. Маленький Белое перо был настороже. В случае необходимости он стал бы защищаться, бросился бы на спину, чтобы когтями отпугнуть врага.

На соседнем дереве это не осталось незамеченным.

— Какой он недоверчивый! Змей и гадюк получал, крыс получал, телятину слопал... о мышах и говорить не стоит. И все равно боится!

— Боится, но не так, как прежде, — возразил Мардус. — Ты посмотри внимательнее.

Сам Мардус не отводил взгляда от гнезда. Старший брат Вальтер никогда не видел того, что наблюдал теперь он. Был ли вообще кто-нибудь, кто мог описать, как крючкообразный клюв снимает рыбу чешую, потрошит, вычищает? В зоопарке это, пожалуй, можно увидеть, но не в природе. Для голубой тетради Мардус запоминал каждую мелочь. Обстоятельства требовали от него терпения ученого, и он нашел в себе это ка-

чество. Его приятель давно слез с дерева, собрал земляники на краю островка и давно съел ее, когда испачканный смолой и обсыпанный еловыми иголками Мардус спустился на землю.

Он долго просидел в неудобной позе. На левой ноге были занозы, на руке кровоточила царапина. Облегченно вздохнув, он опустился на мох рядом с Энном.

Отдых пригодился им обоим. Двое путешественников вытянули ноги и положили руки под голову. Но даже разглядывая облака, Мардус озабоченно морщил лоб.

Где взять еду для молодого орлана, который питается только сырым мясом? Тринадцатилетний мальчик не кот, чтобы сидеть перед норой и ждать, пока вылезет мышь или крыса. Те, которые обычно попадают в мышеловку, уже попали. Под полом желтого домика остались жить только умные, опытные мыши.

Вероятно, глупые мыши еще водились в других домах. Совершенно точно, что они бегали по дому у Пёки Лыссилоо. Явно скреблись они в домах других ребят. Но чтобы раздобыть их, нужно было ответить на некоторые вопросы. Этого Мардус опасался больше всего.

Он был достаточно опытным, чтобы знать последствия человеческого любопытства. Никакая сила не удержала бы тех, кто узнал бы, что на живописном болотном островке живет птенец морского орлана. И туристы, которые летом часто проходят через Лапукюла, обязательно отправились бы посмотреть на орлана.

Голубая тетрадь содержала множество свидетельств, что орланы покидали свои гнезда. И Мардус решил сделать все от него зависящее, чтобы островок Сирбисаар остался не затронут потоками любопытных.

Чем накормить орленка в следующий раз?

Единственное, что могло выручить,— рыбная ловля. Вечером он возьмет удочку, сядет между ветвями ольхи, растущей у моста и... Ой, он слишком хорошо знал, как это бывает в редкие, счастливые минуты жизни. Сначала вокруг червяка станут кружиться уклейки, потом подплывут плотвички. Наконец откуда-нибудь из-под камня приблизится черная тень. Она не станет играть, она не будет шутить. Разинет свою огромную пасть...

Обладателя огромной пасти Мардус увидел во сне... Председатель кружка юннатов лапукюлаской школы проснулся оттого, что его ноздрю щекотал стебелек. Он чихнул и нехотя открыл глаза.

— Ты утром во сколько встал?

Это был, конечно, Энн.

Мардус зевнул. Оказывается, он задремал.

— В половине пятого, — пробормотал он. — Некогда было смотреть на часы.

Энн Сийтам впервые в жизни видел человека, который просыпается в половине пятого и говорит об этом так безразлично.

— Почему так рано? — вытаращил он глаза. — А что ты делал?

Было бы наивно ожидать, что на этот вопрос сонный Мардус охотно ответит.

— Что же мне было делать? — промычал Мардус. — Сено косил.

НОВОЕ МЕНЮ

Мимо лапукюлаской церкви в сторону от шоссе небольшая дорожка ведет к нескольким домам, выкрашенным в яркий тона. Это обычная деревенская улица с каменными заборами. Такие улочки часто встречаются на западноэстонских островах и на западном побережье республики. Тут не увидишь следов автомобильных колес, потому что машина не может проехать между валунами, оставшимися в наследство от ледникового периода. Поэтому семья Кйбритсов возит все, что побольше, на телеге. А в остальном Кйбритсы современные люди и умеют ценить современную технику.

После обеда сухощавый, жилистый хозяин Яак поднимается с широкой постели, подтягивает свои полосатые брюки и вздыхает:

— Ой-да, ничего не поделаешь, надо опять идти, надо идти.

И отправляется из дому на велосипеде с подвесным мотором. Хозяйка Анн тем временем еще раз сбегает в хлев, потом бросит курам зерно, тщетно будет звать сына Сийма, который опять где-то пропадает, и тоже заведет велосипед с мотором.

Когда велосипед выезжает со двора, на двускатной крыше красного сарая в углу сада начинает медленно вращаться странная труба. Конец трубы загнут под прямым углом. Труба будто провожает хозяйку, которая отправляется в поле.

Анн и представления не имеет о существовании странной жестяной трубы. Она ее никогда не замечала. Но если бы и заметила, это ничего бы не изменило.

Когда Ани надо было идти в пятый класс, она пасла свиней на богатом хуторе Маадрематси. Поэтому ей не довелось изучать физику и она не знает, для чего применяется такая труба. Она не знает, что зеркало отражает световые лучи. Для хозяйки Ани зеркало — приложение к мебели и показывает, правильно ли подвязан платок. Она и представления не имеет, что перископ — это два зеркала, под определенным углом вставленные в трубу, и что при помощи такого приспособления сидящий на чердаке видит все вокруг.

Зеркальный глаз наблюдает, как мать выезжает со двора и исчезает из виду за церковной изгородью. Сийм Кибритс сидит в своем тайнике и смотрит в трубу. Он прекрасно слышал, что его звали, но не откликнулся. Нарочно молчал. Так он делал и раньше.

Уже несколько лет Сийм Кибритс живет двойной жизнью. Если у него хоть немножко свободного времени, он забирается на сарай, где у него мастерская и лаборатория. Там мир его мечтаний.

Посторонний человек может открыть чердачный люк и ничего особенного не увидеть. Чердак доверху набит торфом для подстилки. Только возле входа немного свободного места. Ровно столько, чтобы уместился фанерный ящик — стол — и чурбанчик для сидения.

Даже мать Сийма, которая в поисках сына иногда заглядывает на чердак, ничего не замечает. Ей и в голову не приходит, что ящик и чурбан просто декорация, обман, а в глубине чердака, за торфом, находится тайник. Сийм ложится на живот и проползает в свой мир реле, конденсаторов и полупроводников.

Он охраняет этот мир, как только умеет. Из-под решетки к чердачному люку тянутся цветные проволоочки. Едва кто-нибудь ступит на вторую перекладину лестницы, как у Сийма зажигается лампочка. «Жди гостей, — сообщает она. — Сиди тихо». И Сийм сидит спокойно, заблаговременно погасив у себя свет.

Вот какой мальчик Сийм Кибритс. Когда отец дает ему мотыгу и отправляет окучивать картошку, он ничем не отличается от остальных ребят. Но дайте ему моток проволоки, испорченный радиоприемник, горсть шестеренок от часов и электробритву, которую уронил лапукулаский маслодел, а его маленький сынишка волочит за провод по земле, Сийм сразу же превратится в другого человека. Он бросит мотыгу, забудет про все на свете, спрячется где-нибудь и будет строить аппарат, назначения которого он порой и сам не знает.

Старики Кибритсы очень недовольны этой слабостью сына. Они вообще им недовольны. Если бы у них были еще дети, они, может быть, и надавали бы ему розг. Но больше детей у них нет. Сийм — единственная радость их жизни, как говорит жена часовщика. Он единственный наследник, и родительская душа не позволяет его бить.

— Каковы отцы, таковы и дети, — считал до сих пор Яак Кибритс.

Он убежден, что из хорошего зерна вырастает тяжелый колос. Но Кибритс никак не может понять, почему сын Сийм не вышел в него.

Однажды он принес сыну десять кустов черной смородины.

— Смотри, Сийм, — сказал Яак Кибритс. — Это твои кусты, собственные, да, да. Когда созреют ягоды, ты сам их соберешь, сам отнесешь на скупочный пункт и получишь по семьдесят копеек за килограмм. У каждого человека должны быть свои деньги, а то как же иначе.

Так говорил Яак Кибритс, вспомнив, что тридцать пять лет назад хозяин богатого хутора Маадрематси обещал дать ему в пользование клочок земли на опушке леса, если молодой батрак сверх прочей работы починит изгородь на выгоне, зашпаклюет питьевые корыта и вычистит дренажные канавы.

Но Кибритс не помнит бессонных ночей, он забыл про жаркую воду, в которой прели ноги. А радость хозяина, потиравшего руки после выгодной сделки, и вовсе не заметил.

Он запомнил только лен, который посеял тогда на том клочке, и двадцать пять крон, которые выручил от продажи.

Сийм не умел рассуждать, как отец. Он паял куски проволоки, сгибал жесть, ковырялся в шестеренках, и, когда к осени молодые кусты едва виднелись из зарослей сорняков, старики Кибритсы поняли, что на будущий год нечего ждать и килограмма ягод. Магическое «свои собственные деньги» на их сына несколько не повлияло.

— Да, ну что ты скажешь? — пробормотал Яак, почесывая поредевший затылок. — Не поймешь мальчишку. Если бы он чинил молочные бидоны... зарабатывал бы неплохо. А просто так паять проволоку... расход олова, и только.

— Он ведь еще ребенок, — заступалась за него мать. — Глупенький...

Но старый Яак махнул рукой.

— Да! Откуда уму-то братья? Неоткуда. Не научится этот мальчишка деньги собирать. — И, подтянув штаны, вздохнул: — Ой-да! Надо идти, надо идти.

Не в пример сыну, Яак Кибритс собирал каждую копеечку. После работы в поле он уходил на вторую должность — сторожить колхозную контору, лесопилку и склад. Хотя в короткую летнюю ночь там можно было вздремнуть только на часок, за это платили деньги. Вот как делал старый Кибритс. А его единственный сын помогал матери рубить траву для свиней, собирал свекольную ботву для коровы и, если ему не успевали давать нового задания, исчезал в своем тайнике.

Сийм сидел в своей лаборатории и в тот июльский день, когда через замшелую церковную изгородь перелезли трое ребят и направились к дому Кибритсов. Двое шли впереди и рассуждали о том, сколько нужно перестукать деревьев, чтобы увидеть летягу, которая стала редкостью. Ни одному из них такого счастья еще не выпало.

Третий мальчик молча топал позади. Если бы речь шла о мышах, он обязательно принял бы участие в беседе. А белки его не интересовали. К тому же возле церковной изгороди Андрус нашел пустую бутылку и обдумывал, как сделать из нее аквариум.

Трое мальчиков остановились в саду под люком красного сарая. Вместо того чтобы забраться вверх по лестнице, Мардус отодвинул какую-то дощечку и четыре раза нажал черную кнопку.

Наверху что-то щелкнуло. Над люком зажглась зеленая лампочка, и Мардус сделал величественный жест.

— Будьте любезны, нас принимают.

И вот гости уже в тайнике.

Что только можно уместить на трех с половиной квадратных метрах!

На дощечке, прикрепленной под стрехой, мигали огоньки. Это пульт управления. Щелчок переключателя, самого левого, — и магнитный засов запрет чердачный люк. Нажмешь второй переключатель — и маленький электромотор отодвинет фанеру, которая прикрывает окошко. На полке играет самодельный радиоприемник. А над головами ребят, рядом с трубой перископа, шмелем жужжит сделанный из резиновой камеры вентилятор.

Как на все это реагируют гости, которые пришли сюда впервые? Они ошеломлены и стоят, как два чурбана на школьном дворе. Проходит несколько минут, прежде чем у них появляется непреодолимое желание потрогать все кнопки и переключатели.

Мардус Маавере даже не взглянул на сокровища своего

соседа по парте. Его интересовал перископ. Он навел трубу на сад Кибритсов и стал внимательно что-то рассматривать.

Под яблонями в стройном ряду стояли десять аккуратно сколоченных ящиков.

Десять кроличьих клеток свидетельствовали о второй попытке Яака Кибритса пробудить в сыне коммерческий интерес. Со смородиной старый Яак, видно, просчитался. Куст черной смородины не сразу вознаграждает того, кто за ним ухаживает. А молодой человек нетерпелив. Где ему ждать! Зато с кроликами дело пойдет быстрее. У них скоро появится потомство, многочисленное потомство. А потом только снимай шкурку да проси деньги.

И вот однажды Яак Кибритс вернулся из поездки в Хаапсалу с четырьмя кроликами.

Старый Яак был полон надежд.

— Ну, Сийм, — сказал он, — так-то вот, сын. По плечу тебе работа. Травы и листьев у нас хватает, овощи тоже есть. Только подноси их кроликам — будут деньги. Собственная ферма, эх-хе-хе.

Но его надежды и на этот раз не оправдались. Сийм будто и не слышал, что за кроличью шкурку, аккуратно распяленную на палочках, в скупочном пункте платят по три рубля. Сийма интересовали кролики только до тех пор, пока он конструировал на крыше клеток ящик для корма. По электросигналу, поданному с чердака, в кормушки падала необходимая порция травы. А потом Сийм на несколько дней забыл обладателей высококачественного мяса. Он забывал наполнять и короб для корма. Хотя сделанное из старого будильника реле раза два и открывало отверстие в крыше клеток, кроликам не досталось ни травинки.

Обо всем этом знал Мардус. Он пришел к Сийму, чтобы задать один вопрос. И так как Мардус спешил, он сразу приступил к делу:

— Тебе очень жаль расставаться с несколькими кроликами? — спросил Мардус Маавере. — Сначала подумай хорошенько, а потом ответь.

Сийму Кибритсу потребовалось так мало времени на размышление, что узнай об этом его отец, у него сжалось бы сердце.

— Совсем не жаль. Лучше, если их, бешеных, меньше станет. — И, словно дикарь-туземец, который не знает истинной ценности вещей, меняет золотые самородки на пестрые ленточки, добавил: — А за кроликов отдай мне велосипедное динамо, все равно оно у тебя не работает.

Каждый день Мардус твердил Энну: о Белом пере на болотном островке — никому ни слова. Но теперь он сам нарушил договор. От неожиданной щедрости Сийма у него развязался язык. Или он так уверен, что сосед по парте не проговорится?

— Теперь ты понимаешь, что зависит от твоих кроликов? — закончил Мардус речь в защиту маленького Белого пера и всего рода орланов. — Понимаешь?

Его круглое лицо сияло так же, как во время первого похода в Тахинээме, когда он сказал Энну:

«Запомни этот день, мальчик!»

Сийм пристально разглядывал паука, который карабкался между стропилами. Во время речи Мардуса он и головы не повернул к товарищу. А теперь он обратился к Мардусу.

— Послушай, — сказал Сийм Кибритс, — знаешь что... Раздобудь мне вместо динамо кусок медной ленты...

КОНЕЦ ПИРШЕСТВУ

Опять в крепости орланов на болотном островке Сирбисаар пищи хватало с избытком. Жирный, еще не остывший кролик напоминал маленькому Белому перу те времена, когда еду приносили в гнездо на крыльях. Воспоминания нахлынули волной. Утолив голод, он поднял свой порозовевший крючковатый клюв и внимательно осмотрелся вокруг. Такую еду, такую исключительно вкусную еду не могли принести существа, у которых нет ни крыльев, ни когтей. Он надеялся увидеть на сторожевом дереве неподвижный силуэт настоящего охотника. Надеялся услышать клекот, который он сам еще не умел производить.

Но корявые ветви полузасохшей сосны по-прежнему пустовали. Забытое, стояло сторожевое дерево его родителей. Покинуто было и соседнее дерево, в ветвях которого ночевали орланы. Теперь еда прибывала по стволу ели. Хотя это и казалось сначала неестественным, Белое перо постепенно к этому привыкало.

Ребята нашли новую дорогу к гнезду. Последний километр они шли по краю болота, где рос тростник. Эта тропа хорошо просматривалась из гнезда Белого пера. Пока ребята шуршали в тростнике, птенец сидел неподвижно. Ему ведь ничего не стоило принять царственную позу — это было в крови. Но когда ребята исчезали из виду, а потом появлялись уже на поляне под гнездовым деревом, детский восторг брал верх над

врожденной степенностью. Белое перо вскрикивал, шлепал крыльями по бокам и вразвалку бежал к той стороне гнезда, где росла высокая молодая ель. Согнувшись дугой, он ожидающе смотрел вниз.

Белое перо привык к ребятам. Он даже научился спрашивать.

— Ну, Белое перо, кричи по-козлиному, — попросил Энн, который всегда первым забирался на дерево.

Маленький Белое перо до тех пор кивал головой, пока не раскрывался клюв:

«Мэк-эк-эк-эк!»

Голод заставлял его издавать этот странный, совсем не птичий звук. А Энн был уверен, что орленок научился понимать человеческую речь.

— Вот молодец, — похвалил Энн. — Молодец! Учись петь. Учись! В жизни пригодится.

И маленький Белое перо задумчиво наклонял набок свою теперь совсем уже не маленькую голову, будто и на самом деле понимал, что говорят на соседнем дереве.

Но всегда бывает так, что пиршества кончаются много скорее, чем предполагают. Вернувшись в четверг вечером домой с сенокоса, Яак Кибритс не прилег, как обычно, на часок-другой, чтобы потом встать и повздыхать: «Ой-да, ничего не поделаешь. Надо идти, надо идти».

Колхозное правление решило, что если работающие днем имеют выходной день, то и работающим ночью полагается выходная ночь.

В этот вечер Яак Кибритс, вместо того чтобы лишь вздремнуть, мог спокойно ждать захода солнца. Склад, амбар с зерном и гаражи сторожил за него дядя бухгалтера, городской человек, который, конечно, не знал всех преимуществ должности сторожа. Он даже до того не додумался, что за время дежурства можно заготовить грабельных зубьев, за которые колхоз потом отдельно заплатит.

Хозяину Яаку некуда было спешить. Он расхаживал от сарая к амбару, от амбара — к хлеву. На его обросшем лице царило спокойствие. Он даже мурлыкал песенку.

Это было что-то из ряда вон выходящее, — это пение и безделье.

Яак Кибритс осматривал свое хозяйство. Он обмерил глазами дрова за забором, вытянул картофельную ботву и

сосчитал, сколько картофеля на кусте. Потом направился к кроличьим клеткам.

Через несколько минут спокойствия во дворе как не бывало.

Со стороны церкви ко двору Кибритсов завернул велосипед, на котором сидели двое.

У Кибритсов шли поиски кроликов. Старик Яак шарил палкой в кустах черной смородины. Хозяйка Анн заглядывала под капустные листья. И Сийм топтался на картофельных бороздах, — а как же иначе?

— Конечно, не заперли дверь, — поднял голос хозяин Яак. — В этом доме только и знают не закрывать дверей! Сегодня — кролики, завтра — овцы, послезавтра — иди подбирайся!

Хозяйка Анн возражать не стала. Промолчал и Сийм. И двое прибывших не вымолвили ни слова, но зато обменялись многозначительным взглядом.

— Конечно, ворота были открыты. В этом доме только успевай затворять ворота!

Свободный вечер, первый свободный вечер за многие годы, не порадовал хозяина Яака. Он ходил по саду и двору с таким видом, будто его ограбили. Уже сидя на крыльце и снимая шорты, он все еще ворчал:

— У других сыновья... смотрят, где бы подзаработать, а наш... эх... чертов сапог!

В это время трое ребят сидели на корточках за сараем. Двое из них чувствовали себя очень неловко.

— Как глупо получилось, — сказал тот, которому больше всех было неловко. — Очень глупо. Если б мы знали, что твой старик такой скандал устроит...

Второй приложил руку к тому месту, где, по его мнению, было сердце, и произнес с чувством:

— Тогда бы мы и брать не стали. Честное слово!

Конечно, они лгали, и тот и другой. Они все равно потащили бы кроликов на болотный островок, если бы даже ожидался скандал вдвое больше.

— Ну что ж, — вздохнул Мардус, когда Энн соскочил с велосипеда у ворот школы. — Были хорошие времена, да прошли. Ты иди мучай свое пианино, а я поставлю мышеловки в амбар, там еще мышей не ловили.

Согнувшись над рулем, он исчез в облаке пыли, которую поднял встречный грузовик. А Энн обошел вокруг школы. Он услышал, как Андрус объяснял двухлетнему внуку учительницы Тбомель:

— Давай играть в такую игру: ты будешь кролик, а я по-тащу тебя в лес орланам.

— Ну и фантазия у детей! — сказала учительница То-омель. — Орланы и кролики! Откуда они в мыслях четырех-летнего ребенка, кто мне объяснит?

Она и не знала, как близко от нее находился человек, ко-торый мог бы объяснить. Энн Сийтам шагал в класс. В душе он дал себе клятву, что ни одного секретного шагу больше не сделает с братишкой Андрусом. Ни сегодня, ни завтра — никогда!

ДВОЕ РЕБЯТ И ЕЩЕ СОБАКА

На прибрежных лугах идет сенокос. На лугу между осуши-тельных канав пыхтит трактор Сăпи Ээди. Лапукюлаский мас-лодел назвал его трактор ящиком от комода. Трепчат резцы. Тракторист вспоминает стихи про косцов. Хорошие стихи были в хрестоматии, когда он еще в школу ходил.

Теперь, наверное, таких стихов не печатают. Как бы там ни было, но в этом виноваты такие люди, вроде него. Винова-ты и машины. Теперь никто косой не косит! И стихи про кос-цов не пишут. Тракторист широко улыбается и сочиняет стишок про свой трактор и про косилку.

Чуть подальше, у поселка, работают конные грабли. Там сено уже просохло, и его сгребают при помощи трех лошади-ных сил.

Как и другие ребята, на широком железном сиденье пока-чивается Мардус Маавере. Конные грабли всегда доверяли мальчикам. Мардус направляет спокойную одноглазую ло-шадь Миру в березовый кустарник. Там тоже немного ско-шено.

Хорошо, что работа на конных граблях не требует умствен-ного напряжения. Мысли Мардуса витают далеко от сенокоса. «Мясо, мясо, мясо», — вертится в его голове.

Ох, каким беспомощным стал человек! В первобытные времена он брал лук, стрелы и вскоре возвращался с добычей. И у Мардуса Маавере есть лук. А что толку? Стрел-то больше нет. Они болтаются на вершинах елей в церковном саду. Стрелы — молчаливые свидетели неудачной охоты — висят там на смех воронам, к стыду охотника.

Да, очень беспомощен человек. Он надеется теперь на ма-газин. Но это ведь так легкомысленно!

Мясо, мясо, мясо!

«Вот влип! — думает мальчик. — Хоть бы окунь клевал! Но окунь не клюет. И этого свирепого волка, что разбойничал на колхозном пастбище, охотники застрелили. Не найти больше в канавах недоеденных овец, нет!»

Со стороны поселка доносятся голоса, собачий лай.

— Макс, — узнает Мардус веселый лай таксы, принадлежащей сторожу маяка.

Мардус будто бы знает, чьи там голоса. Да, конечно, он знает. Из-за деревьев выходит семья Сийтамов, отправляющаяся на прогулку.

Много говорят и пишут о верности собак, об их преданности хозяину. А вот к кривоногому Максусу это не относится. Светло-коричневая такса — самый настоящий предатель, лающий позор собачьей породы. Напрасно большой романтик — сторож — накладывает по утрам кашу в алюминиевую миску и зовет на крыльце:

— Макс, Максик, Максик!

Кривоногая такса в это время уже ковыляет по школьной кухне. Она лижет голые ноги концертмейстера, сует свою сырую мордочку в руку Энна и лебезит, как только умеет.

Уже рано утром Макс ждет на школьном крыльце, чтобы его впустили в дом. Когда же его впускают, он просто с ума сходит от радости. Визжит, прыгает, в его черных глазках фейерверк восторга. Потом он успокаивается, садится у двери и, высунув язык, тяжело дышит. Но и тут маленький Макс все время наготове, только позови.

Справедливости ради следует сказать, что такса не продавалась за миску жирного супа. Коричневая такса предала своего хозяина из-за просторов и лугов, лесных троп и ручейков. Это Андрус заманил таксу. Сийтамы шли в тот раз загорать на ручей, и Андрус взял таксу с собой в качестве мышиного ластуха. Потом собачка не раз увязывалась за ним. Вскоре ее нельзя было прогнать ни камнем, ни палкой, и она путешествовала всюду вместе с городскими. Она сравнила узость домашнего сада с просторами большого мира и знала теперь, во имя чего жить.

Хрясть!

Мардус нажал железный крюк, похожий на педаль. Поднялись зубья большого гребня, оставив на пути четырех Сийтамов мягкий вал сена.

Семья хорошо выспалась, хорошо позавтракала и пребыва-

ла в отличном расположении духа. Это выявил Андрус — он с диким восторгом бросился в сено.

Его не одернули. Мамина душа витала в поэтических мирах.

— Сенокосная пора! — вздохнула концертмейстер Сийтам. — Благоуханье... стрекот кузнечика... голоса косцов доносятся издалека... Кроме того, пафос труда...

Дирижер Сийтам напевал песенку. Не мог же он сказать: «Что ты, дорогая, знаешь о пафосе труда!» Низко над землей пролетел желтый шмель, тяжелый, как самолет-бомбардировщик. Дирижер Сийтам поправил очки. В детстве он, преследуя шмеля-медоносца, находил шмелиное гнездо. А может быть, не только гнездо находил? И дирижер Сийтам отправился вслед за собирателем нектара, вытянув руки вперед и прищурив глаза.

Тем временем Энн уже забрался на конные грабли.

— Ну, Мира, пошла! Шагом марш! — зычно командовал он. А проезжая мимо родителей, добавил: — Направо смотри! Салют!

Щелкнул фотоаппарат.

— Я тоже хочу! Пустите меня на лошады! — кричал Андрус.

Оставляя за собой борозду в пахучем сене, к Сийтамам подошел толстый мальчик. У него был вид трудового человека.

— Можно, Энн останется здесь? На этом железном сиденье долго не просидишь. Энн помог бы мне сгребать сено.

— Я, право, не знаю. Мы собирались к морю на весь день... взяли с собой бутерброды, все как полагается, — сказала концертмейстер Сийтам и сделала паузу.

Она поняла, что, когда вокруг кипит работа и существует этот самый... пафос, неуместно говорить о пляже. И Энн как будто был согласен променять прогулку на конные грабли. Что ж, пусть остается.

Маргит Сийтам вынула из общего запаса съестного три бутерброда и сказала:

— Только ты смотри, чтобы Энн не попал лошади под копыта.

Этим все было решено.

Собравшиеся к морю отправились загорать, а работавшие на сенокосе остались на лугу. Макс вертелся в нерешительности, не зная, кого кому предпочесть. Его лучшие воспоминания были связаны с мальчиком, который отказался от прогулки. С другой стороны, грохот конных граблей действовал Максу на нервы. Он поворачивал свою вислоухую голову то

вслед удаляющейся семье Сийтамов, то к мальчику в коротких штанах, сидевшему на конных граблях.

Сделать окончательный выбор собачке помог Мардус. Бутерброды лежали на сене.

— Максик, Максик! — услышала такса манящий голос и шуршание бумаги. — Гляди, колбаса, колбаса!

Маленькая светло-коричневая собачка, двухлетняя жизнь которой прошла в четырех стенах и в саду, подбежала к Мардусу. Она еще не знала, что сделала правильный выбор...

Долог ли час для того, кто сидит на камне в тихой бухте, опустив ноги в воду и вяло шевеля мозгами, или загорает на песке? Зато какой длинный он для тех, кто вершит большие дела. Речь идет уже не об одном часе, а о шестидесяти минутах. За шестьдесят минут сено между березовыми кустарниками было собрано в валы, лошадь Мира отпущена в загон, из маленького желтого домика принесены лопата и рюкзак. На шестьдесят первой минуте по разъезженной лесной дороге отправились в путь двое ребят.

Впереди бежала светло-коричневая маленькая собачка.

В мыслях ребята уже прибыли к месту охоты.

— Ты уверен, что он сидит там?

— Конечно, днем он не гуляет.

— А Макс все сделает как надо?

— Что ему стоит!

— А потом можно просто лопатой... дыру... и ну... ударить его по носу?

Для Энна это было просто невероятно.

Двое ребят и собака шли на охоту. На самую настоящую.

Кто же этот зверь, которого можно поймать без ружья? Который днем сидит в своей норе и ждет, когда его ударят по носу?

Это длиннорылый барсук. Барсучий жир Лийзу Тидрик советует принимать легочным больным. Этот зверь носит не совсем обычную шубу — на загривке она светлее, чем на животике.

Барсука долго считали добродушным, безобидным соней. Даже полезным лесным жителем. Думали, что он питается только улитками и личинками, букашками и мышами.

Но со временем суждения меняются. Стало известно, что в тех местах, где эти отшельники вырыли свои подземные горо-

да, исчезли рябчики. Все реже можно там услышать полет терева, а увидеть белую куропатку и думать не стоит.

Этот длиннорылый делец с грубой щетиной вынюхивает даже новорожденных зайчат. Ночь длинна, а времени у него достаточно. Врагов в лесу у барсука почти нет. И болезням он не поддается, хотя и живет в подземелье. К осени этот дикарь жиреет, как откормленный поросенок. Зато зимой ему нипочем ни метель, ни трескучий мороз. Старому лентяю живется неплохо.

Такова вкратце лекция, которую прочитал охотник Мардус Маавере охотнику Энну Сийтаму.

Прошлой осенью проводили республиканский смотр охотничьих собак. В Лапукюлаское лесничество тоже привели много псов. Человек в пенсне, прибывший из столицы, ставил каждому псу оценку, как школьнику.

Мардус и его брат Вальтер возвращались с моря. Навстречу попался помлесничий с ружьем за спиной. Маленькая черная собачка бежала рядом. Помлесничий неожиданно схватил Вальтера Маавере за рукав:

— Идем со мной, будешь официальным свидетелем. На слово не верят, нужно вещественное доказательство.

И помлесничий повел своего будущего свидетеля в лес.

Стоит ли говорить, как поступает в таком случае двенадцатилетний мальчик, которого не взяли в официальные свидетели. Очень просто — он становится неофициальным свидетелем и крадется вслед за идущими.

Помлесничий направился к озеру Синдлиярв. На песчаном южном берегу озера рос смешанный лес. Не успел Мардус разобратся, в чем дело, как маленькая собачка лесничего исчезла в норе между корнями елей. А ее хозяин прислонил ружье к дереву и сказал:

— Он говорит, моя собачка фифочка. Нет, мол, у нее настоящего голоса, нет мертвой хватки. У него самого нет ни голоса, ни хватки. Собака не дура, вслепую не схватит за горло зверя, который в пять раз тяжелее ее. — И, дважды плюнув в знак презрения, добавил: — Привыкли к комфорту. Наели себе брюхо — наклониться не могут. Им пусть такса добычу к ногам принесет. Только тогда они довольны.

Какой хозяин не считает свою собаку самой умной, самой ловкой, самой смелой! Лапукюлаский помлесничий поймал с помощью своего Рекса девятнадцать барсуков. Спустя полчаса на глазах одного официального и одного неофициального свидетеля он застрелил двадцатого.

— Вот тебе и фифочка! Вот тебе и голос мышинный, и хвост крысиный, — радовался охотник, оскорбленный человеком в пенсне. — Теперь сунем барсука под нос этому умнику.

Вместе с приятелем по университету он отправился в лесничество. А на месте охоты остались раскопанная нора, горьковатый запах порохового дыма и мальчик с расцарапанными от ползания коленками. Мальчик собственными глазами видел, как проходила охота на барсука.

Теперь Мардусу пригодился опыт. Только на него он и опирался.

Есть ли на свете зверь, которого можно прикончить без ружья? Мардус Маавере не мог назвать никого, кроме барсука. Лисья повадка он знал. Вернее, читал о них. Лиса удирает через запасной выход, услышав, что в ее нору залезла собака. Точно так же поступает енотовидная собака. Лишь ленивый барсук не вылезает из-под земли, и в этом его погибель. Остро зубая такса преследует барсука по лабиринту подземных ходов до тех пор, пока не загонит в тупик. Тут ему скоро конец. Собака лает, а для охотника это знак, где нужно копать. Барсуку деваться некуда. Если у охотника нет с собой ружья, то он прикончит барсука просто лопатой.

Так мыслил Мардус. Разумеется, точно так же представлял себе охоту и Энн. А главное действующее лицо — Макс — бежал впереди. Вынюхивал что-то под кустами, ворчал на жука, который копошился на лесной тропке.

А два охотника уже делили неубитого зверя.

— Мардус, сколько весит барсук?

— Не один десяток килограммов.

— Тяжеловато тащить. Придется ходить несколько раз.

Ничего, они согласны, лишь бы было что нести.

— А ты знаешь, едят ли орланы барсучье мясо? Говорят, оно вонючее.

И теперь Мардус рассеял сомнения друга. В голубой тетради Вальтер записал, чьи кости он находил под орляными гнездами. В этом списке стоял и молодой барсук.

Заросшая мохом тропинка привела мальчиков к гарн. Они обычно пересекали ее, когда направлялись на островок. Но Мардус свернул вправо. Метров через сто в сырой смешанный лес врезался узкий высокий холм. К нему-то они и шли.

Отчего появляются в лесу на холмах ямы, напоминающие воронки от снарядов? Ложбины, и борозды, и странные каналы? Это работа барсуков. Хотя барсука-отшельника и считают лентяем, он очень старательно строит подземное жилище.

В его доме бывает несколько этажей и с десяток запасных ходов-выходов. А какие лабиринты образуют ходы, об этом лучше всего, пожалуй, знают подземные гончие — таксы и фокс-терьеры.

О, великое мгновение, ты наступило!

Один мальчик опустился на колени у замшелого дерева и по локоть засунул руку в чернеющий ход.

— Макс, Максик, посмотри, что здесь!

Светло-коричневая собачка завиляла хвостом. Какой неуместный совет! Не смотреть надо, а понюхать. И она сунула в нору свою холодную мордочку.

Сразу же хвост таксы яростно завилял, шерсть поднялась на спине. Запах норы пробудил в Максе страсть охотника. Ведь его предки мчались по темным подземным ходам за лисицами, заливаясь от злобы и восторга. Сам же Макс никогда прежде не встречал запаха, доносившегося из подземного хода. Но зато этот запах хорошо знали его предки. Их опыт жил в крови добродушной коричневой таксы, как огонь под пеплом.

Но в Максе была и послушность комнатной собачки. Он нуждался в помощи, защите, поддержке. Макс обернулся.

Ребята стояли на месте.

— Иди, Макс, иди! — подбодрил его старший.

— Иди, иди! — подстрекал меньший.

И Макс решил.

Двое охотников легли на живот, каждый к отдельному выходу, и стали ждать, когда же послышится лай, означающий встречу с барсуком.

Лес шумел. Недалеко пел зяблик. За холмом кто-то скребся. Это все, что они слышали.

— Наверно, он все еще ищет. Никто не знает, сколько тут под землей ходов, — решил более опытный охотник Мардус.

Ребята по очереди слушали и у других выходов. Энн даже голову в нору совал. Но барсучьи ходы не выдавали никаких голосов.

Ребята не заметили, откуда наконец вылезла такса. Они лежали на животе, когда такса стала пробираться по их ногам. Со спины таксы сыпался чистый песок. Макс тяжело дышал. Энн протянул руку, чтобы погладить собаку, но Макс отпрянул назад. Это была уже не та собачка, которая на школьной кухне любила прыгать на колени. В глазах Макса сверкали зеленые огоньки. Он ворчал низким гортанным голосом. Большие висячие уши вздрагивали. Потом Макс полез обратно в нору, как собака, которая прекрасно знает, что от нее требуют.

Охотники с радостью и надеждой посмотрели ему вслед.

— Вот разошелся,— сказал один.— Теперь он не оставит.

— А ты заметил, как он щелкал зубами? — спросил второй.

И оба смелых охотника пришли к общему заключению, что они не хотели бы оказаться сейчас в шкуре хозяина этой норы.

Ребята снова легли на живот.

На этот раз из-под земли донесся шум схватки. Кто-то ворчал, кто-то визжал, слышались частые глухие шлепки. Очевидно, это Макс в великом возбуждении бил хвостом по степкам хода. Потом снова все стихло.

— Сейчас опять начнется,— уверял главный егеря.— Будет схватка. Тогда узнаем, в каком месте копать.

Но он ошибся. Он сам признался в этом после того, как ребята просидели сколько-то времени затаив дыхание. В черном ходе стояла тишина, точно как в склепе. Значит, Макс упустил свою добычу.

Мардус ползал на четвереньках от одного хода к другому. Он знал, что если такса совершит неудачное нападение, то ее надо сунуть обратно в нору, только через другой вход. Этот очень полезный совет в данном случае был непригоден, потому что некого было совать обратно в нору. Барсучий город молчал, будто проглотил маленькую собачку. Молчал десять, молчал двадцать, молчал тридцать минут.

Эти минуты имели разрушительное действие. Недавно такой радостный, Энн сник. Он вспомнил, как утром Макс потянул его за одеяло. Вспомнил, как они вдвоем с Максом играли в прятки. От этих трогательных воспоминаний защекотало в горле. Не стало на песчаном холме brave охотника. На его месте был мальчик, не привыкший к ударам судьбы. Ему вдруг захотелось поддержки взрослого человека, и, конечно, он во всем винил своего приятеля.

— Надо было знать, что может случиться!

— Надо было предвидеть, что Макс может заблудиться!

— Зачем ты послал его в нору?

Каждый упрек кончался возгласом «бедный Макси!».

Мардус же лихорадочно раскапывал холм. Он тоже потерял надежду вновь увидеть Макса, но боялся в этом признаться. Ему вдруг вспомнилось что-то очень страшное. Не барсук ли тот самый зверь, который зарывает за собой ходы? Где-то он слышал об этом. Ой, Макс! Если тебя там в подземелье замуруют живьем, что скажет мальчик, который уже сейчас хнычет!

За несколько столетий десятки поколений барсуков нарыли множество холмов, ложбин, канав, на которых теперь растут

деревья. Тринадцатилетний мальчик не экскаватор, чтобы разровнять холм за полчаса. Перекресток двух новых ходов — это все, что Мардусу удалось разрыть. Тяжело дыша, он втиснулся в небольшую ложбину. Эни прилег рядом.

Пожалуй, редко люди желали так мало, как двое вспотевших испачканных ребят.

— Тявкни разок! — молили они. — Взвизгни или тявкни только один разочек!

Чтобы не мешал шорох сухих листьев, мальчики старались не шевелиться. Чтобы поймать малейшее колебание воздуха, они старались не дышать. Слушайте, уши! Все зависит теперь от вас. Слушайте и ничего не пропускайте!

Ребята слушали очень внимательно, но услышали вовсе не лай собаки. Это был выстрел из ружья.

ПОРТНОЙ ИЗ ТАЛЛИНА

В тот самый день, когда коричневая такса впервые залезла в барсучью нору, в Лапукула сошел с автобуса высокий незагорелый молодой мужчина и спросил, как пройти в лесничество. Жена часовщика Элиза тотчас определила, что приезжий не кто иной, как дачник из города. Ей хотелось узнать, собирается ли он здесь отдыхать, но мужчина очень спешил.

У него был вид человека, который наконец осуществил давнюю мечту. Улыбка пробежала по его лицу. Во ржи на опушке леса он сорвал василек и сунул в петлицу.

Полчаса спустя незнакомец постучал в зеленую дверь.

Помлесничий Лаанесте стоял возле кухонной полки и намазывал что-то на хлеб. При виде гостя он вздохнул.

— Так я и знал. Как только сделаешь легкомысленную трапезу и купишь банку дорогих консервов, обязательно кто-нибудь заявится. Ну скажи хоть из вежливости, что ты не ешь шпрот.

— Почему, конечно, ем, — ответил гость.

— Тогда скажи: «Спасибо, я уже пообедал».

— Где? В этой пыльной колымаге, которую здесь называют автобусом? Я только и жил надеждой на припасы в твоём чулане.

Тем временем они шли навстречу друг другу, как корабли в море. Разговор прервался. Двое молодых людей широко улыбнулись, обнялись, похлопали друг друга по плечу, жали руки, — встретились старые друзья.

— Признаться, я не думал, что ты приедешь, — сказал помесничий, когда страсти улеглись и чемодан гостя был отнесен в комнату. — Письма... обещания... Ты не раз обещал. Помнишь, три года назад мы встретились в театре «Эстония»? А что ты написал мне на программе, забыл?

Помесничий решил поискать эту программу и отправился в соседнюю комнату.

Едва он вышел, как в дверь постучали и в комнату влетела девушка.

Очень молоденькая и очень хорошенькая. Стремительная. Возможно, и немного близорукая. А то зачем бы ей было требовать тарифы заработной платы мелиораторов у горожанина, не имевшего к ним никакого отношения.

Мгновение спустя девушка попятилась к двери, бормоча извинения. Она ушла так же стремительно, как и появилась.

Хозяин молча стоял на пороге комнаты с программой в руках. Он усмехнулся.

— Я вижу, твоя личность внушает страх, — сказал он, подняв указательный палец. — Разумеется, в этом виновата твоя профессия. У Тийны, наверное, совесть не чиста: или написала подруге письмо на казенной бумаге, или взяла домой пузырек чернил.

— А какое мне до этого дело? — удивился гость.

— Но я ведь говорил ей, что у меня есть друг — следовательно, что он собирается навестить меня. Может быть, она боится, что ты начнешь ее преследовать, так сказать, из профессионального интереса.

Помесничий Лаанесте был весьма доволен собой. Еще со школы его обычно дразнил Эррки. Теперь, казалось, друзья поменялись ролями. Поэтому Лаанесте не мог не добавить:

— Между прочим, ты можешь иметь успех у женщин. Все-таки человек, имеющий дело с личностями «со дна». Ах, как это занимательно!

Помесничий не выдержал и рассмеялся. Горожанин спокойно выждал. Вынул папиросу, чиркнул спичкой, пустил под потолок четыре кольца дыма и только после этого заговорил:

— Раньше я считал, что на свете нет ничего хуже зубной боли. Но теперь вижу, что зубоскалы страшнее. Их не выдерпешь, с ними приходится мириться. Так вот слушай, доморощенный шутник! Если ты на самом деле сказал кому-нибудь, что ждешь в гости друга — криминалиста или следователя, то скажи ему сегодня же, что я не тот человек, кто-нибудь другой, запомни.

Эти слова были сказаны совершенно серьезно.

— За кого же тебя выдать?

— Не имеет значения, хоть за портного. Портной-закройщик из ателье «Утренняя заря». Сойдет? По крайней мере, нечего бояться, что на третий день отпуска тебя потащат на встречу в пионерский лагерь или на летние дни молодежи.

— Ах, вот в чем дело! — Лаанесте свистнул сквозь зубы. — Значит, инкогнито. Персидский принц отдыхает в Риме.

Свежеиспеченный портной-закройщик поморщился.

— Перестань, пожалуйста! Тебе хорошо смеяться. А попробуй побыть в моей шкуре. Имею же я право хоть во время отпуска жить нормальной жизнью, как все люди. Я не хочу слышать ни об одном убийстве. Тем более говорить об этом. Разве так трудно это понять?

Только теперь Лаанесте заметил под глазами Эрки синие тени. Это положило конец балагурству.

— Ты просто-напросто устал. Переутомился. Нервное перенапряжение... с кем этого не бывает. Поешь да ложись отдыхай. А когда проснешься, у меня рабочий день кончится. Там посмотрим, что будем делать дальше.

Когда через полчаса он зашел в комнату, гость спокойно спал на диване.

Помлесничий Лаанесте взял с кресла клетчатое одеяло и укрыл спящего. На столе лежала записка.

Милые, далекие студенческие дни, общежитие... Как мало нужно, чтобы разжечь воспоминания о вас.

«Кинул монетку на орла или решку, кому мыть посуду, — прочитал он. — Оказывается, тебе».

НЕОЖИДАННАЯ НАХОДКА

Солнечные лучи пробиваются сквозь ветви деревьев. Белка, качавшаяся на ольхе, вдруг настораживается и исчезает в дупле. Дятел прижимается к стволу осины. Дрозды-белобровики прекращают свист. В лесу что-то случилось. В кустах раздается треск, ягоды черники падают со стебельков.

Двое ребят мчатся по сырому смешанному лесу. Перепрыгивают через поваленные деревья. Топчут заросли папоротника. Они не думают о том, что проще было бы обогнуть чащу молодых елок, что на бегу не надо так высоко вскидывать ноги.

Вот так, без оглядки, бегут, когда грозит смертельная опасность. Более получаса назад в нору полезла маленькая добродушная собачка. Она все еще находится под землей.

Там, где стреляли, должен быть человек. Он-то наверняка знает, как вытащить из барсучьей норы милую, послушную собачку. Но если даже и не знает, то поможет копать. И то дело.

Ружья не выдают на руки несовершеннолетним. Значит, стрелял взрослый человек.

До чего надоедливые бывают иногда взрослые, а случается, без них не обойтись!

Ребята не отстают друг от друга. Хотя у меньшего и не такие длинные ноги, но зато он каждое утро делает зарядку. Не говорите, что это бесполезно. Наоборот, очень полезно.

А Мардуса подгоняет чувство вины. Ему хочется сделать все, чтобы поправить дело. Хотя он и толстоват, это еще не значит, что он не в силах бежать.

Мардус вместо зарядки по утрам косит сено. Спозаранку уходит на покос, чтобы днем выкроить время для своих личных дел.

Далеко или близко раздался выстрел? Кто может на это ответить, если они в это время совали голову в барсучью нору?

В какой стороне стреляли?

И на этот вопрос мальчики не могут точно ответить. Где-то здесь, на этой вырубке, где растут ольхи, липы, осины и густые ели.

Меньший выбился из сил. Энн давит кулаками под ребра и корчится.

Очевидно, сел аккумулятор у Мардуса. Он хочет что-то сказать, но не может.

— Э-эх!.. Давай... крикнем! — выдавливают он.

Проходит целая минута. Теперь ребята в состоянии кричать. Но лес глотает голоса, как голодный зверь. Ветер подгоняет курчавые облака, дует ребятам в лицо. Шумят деревья.

— Крикнем еще раз! — предлагает Энн. — Ты низким голосом, а я тоном выше. Ну! Раз, два, три!

Мардус снова аукает, у него получается «до» первой октавы, как определяет его спутник, обладающий абсолютным слухом. Энн берет «до» октавой выше. А по законам физики такой унисон слышен очень далеко.

Ребята кричат снова. Прислушиваются. Никаких результатов.

— Где-то здесь был человек, который стрелял, — говорит Энн, выходя на поляну. — Не мог же он подняться в воздух и улететь. Ты видел когда-нибудь летающих людей с ружьями?

Само собой разумеется, этого Мардус никогда не видел. Не видел и людей, летающих без ружья. Он видел в полете только

птиц: синиц, воробьев, ворон. И этих соек, которые перелетают на краю поляны с одной ели на другую.

Мардус присматривается к ним и мысленно делает поправку. Таких соек он все же не видел. Обычно сойки беспокойно перелетают с дерева на дерево, когда поблизости находятся люди.

А эти три сойки сидят на одной ветке. Кричат и посматривают вниз. Значит, под густой елью что-то есть.

Мальчик, знакомый с повадками птиц, подходит к ели и раздвигает ветки.

Вдруг Мардус опускается на колени. Энн тоже. Оба ошеломлены.

Под елями лежит косуля. Маленькая рыжевато-коричневая косуля. С ее лба течет кровь.

Трава под елями примята. Внимательный Энн Сийтам совсем не так глуп, чтобы это ему ничего не говорило. Ведь смертельно раненная косуля не заберется сама под густые ветки. Косулю мог припрятать только тот, кто хотел скрыть свой ужасный поступок.

На этом ход мыслей юного следопыта прерывается. Он громко вскрикивает. Кто-то тащит его за штанину так, что трещат швы.

Страх одолевает Энна лишь на миг. В следующий момент мальчик, обезумев от радости, крепко обнимает маленькое животное с кривыми ножками.

«Видишь, ты хотел уйти, а я тебя все равно нашел, — можно было прочесть в черных глазках-пуговках Макса. — По следам шел, вот и нашел. Дай-ка я лизну тебя».

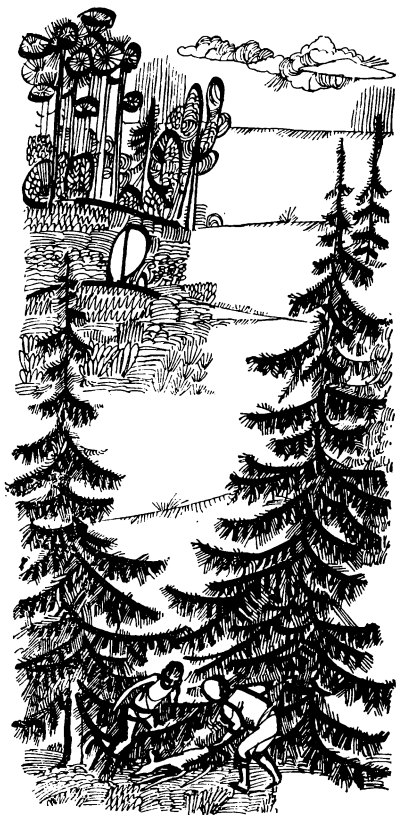
Разве можно описать радость друзей? Энн не выпускал Макса из объятий. Макс отвечал ему благодарным визгом. Он ведь и в самом деле встретился с хозяином норы. Об этом свидетельствовала царапина на мордочке. Его в самом деле засыпало песком. Шкурка и теперь еще в песке. А что с ним было! Ой, ой, ой! Барсуки очень бессовестные! Разве так можно — вырыть посреди широкого хода яму? Ведь в нее, ни о чем не подозревая, можно упасть.

Зато теперь все позади. Макс снова с друзьями и вынюхивает, сколько же осталось в кармане от того восхитительного бутерброда с колбасой. Ему ничего не запрещают. Наоборот!

— Ешь, Максик! — говорят ему. — Ешь, ешь!

Но всякому счастью приходит конец, и суровая действительность напоминает о себе. Чувства отодвигаются на задний план, чтобы дать дорогу деловым размышлениям.

— Кажется, тут работал подлец-браконьер, — говорит Энн

Сийтам серьезно.— Только неясно, почему он не захватил с собой добычу. Может быть, испугался нашего крика?

Совсем не глупое предположение. Кто способен быстро скрыться с дичью на спине? Тем более, что гораздо удобнее отнести косулю домой в темноте.

Пожалуй, так и есть. Темные дела вершат обычно под покровом ночи. Ночью лазают воры через забор за яблоками, ночью взламывают замки складов. Ох и интересно же участвовать в облаве на них!

— Вот это да! Какой случай! — воскликнул Энн Сийтам.— Исключительный. Бежим скорее в лесничество. До темноты успеем вернуться.

Но Мардус не шелохнулся. На его лбу появилась глубокая морщина, он напряженно думал.

— А если спросят, что ты делал в лесу? Обязательно спросят, будь уверен. Ты и не заметишь, как расскажешь им про орлана. Болтун никогда не знает наперед, до чего он может договориться.

Как легко бывает иногда поссорить двух приятелей! Нешколько обидных слов, иронических смешков, и разгоряченная голова забудет о пережитых вместе печалях и радостях.

В две-три минуты были расторгнуты узы дружбы. Мардусу Маавере было сообщено, что он последний болван вместе со своим орланом. А Энну Сийтаму задан вопрос: где он окончил четверть класса, не в заведении ли для слабоумных!

Фырча, как разъяренный дикий кот, Энн отправился в обратный путь один. Он и не думал это дело так оставить. Если думаешь вернуться, ищи приметы для ориентировки.

— Двадцать один, двадцать два,— считал он шаги,— двадцать три, двадцать четыре... Смотри верни лопату — это школьный инвентарь! — крикнул Энн на двадцать пятом шагу.

— Смотри не воруй больше чужих собак!..— И вдогонку: — Смотри не заплачь один в лесу!

Можно ли обидеть сильнее? По мнению Энна Сийтама, нельзя. Он собрался было ответить, как вдруг его внимание приковало к себе нечто блестящее.

Блестящая медная гильза лежала во мху. Энн наклонился и поднял ее. Если она для чего другого и не годится, то при помощи нее можно презрительно свистнуть.

Это он и сделал.

Энн Сийтам прошел совсем немного, как уже понял, что лично для него преследование браконьера останется неосуществимой мечтой. А ведь браконьер ночью обязательно вернется за добычей.

Мардус был прав. Дома Энна обязательно спросят, каким образом он оказался возле убитой косули. Если мальчика отпустили на сенокос, то это еще не значит, что ему разрешили ходить по лесу, где стреляют и ходят браконьеры. Ни за что не отпустят его ночью в лес, пусть хоть половина личного состава лесничества будет придана ему в охранники.

Если бы браконьеры подстерегали посреди поселка Лапукюла, Энну Сийтаму запретили бы туда идти. Если бы все лапукюлские мальчишки отправились ловить браконьеров, Энна среди них не оказалось бы. И все только потому, что его милая мама...

Энн Сийтам вздохнул и ловко сплюнул сквозь зубы.

— Самая глупая шутка на свете — это преувеличенный страх родителей за своих талантливых сыновей. Правда ведь, Максик?

Такса, услышав свое имя, завиляла хвостом.

— Так что этому не бывать! — сказал талантливый сын.

Отпадает интересное подкарауливание. Не будет слов «руки вверх» и двух предупредительных выстрелов в воздух. Завтра негодяй-браконьер станет лопать жаркое. Разве может с этим примириться гражданин, уважающий закон и порядок?

Нисколько. Гражданин, уважающий закон и порядок, даже забыл о правилах поведения и снова сплюнул сквозь зубы. Но его настроение стало постепенно поправляться: есть ведь и другие возможности подставить ножку браконьеру. Можно позвонить по школьному телефону в лесничество и, не называя своего имени, сказать о том, что произошло недалеко от Барсучьей горки. К счастью, техника еще не настолько развита и у помлесничего еще нет видеотелефона.

Но зато Энн очень ясно представил себе, что произойдет в лесничестве после его сообщения. Наверняка оттуда позвонят в центральную станцию и спросят у телефонистки:

«Откуда нам только что звонили?»

Нет, с телефоном дело не пойдет.

Но цивилизованный мир знает и другие способы передачи информации. Через час Энн Сийтам был занят одним из них. Он вырвал лист из блокнота и ломал голову над тем, как получ-

ше написать, чтобы было похоже на почерк взрослого человека. Два листа Энн разорвал. И третий постигла та же участь. Но вот рука привыкла, и текст сложился. Сунув в карман записку, Энн окинул взглядом тропинку, ведущую к морю, и отправился в противоположную сторону.

Рабочий день в лесничестве кончился. В парке спокойно дремлет всеми забытая старинная усадьба. Здесь не слышен рокот мотора грузовика, поднимающего пыль на шоссе. Сюда не доносятся голоса ребятишек, которые купаются в речке под мостом. Лишь двустовольная липа поскрипывает на ветру.

Но эта тишина обманчива. Под сенью вековых деревьев назревают великие события.

Возле старинного здания — небольшой палисадник. К сожалению, он одичал. Уже годами не подстригались акации, да и посаженным в ряд туям не мешало бы подружиться с садовыми ножницами.

Все это необходимо лишь с точки зрения садовода. Мальчик, присевший за пионовым кустом, вполне доволен заросшим палисадником. Благодаря ему мальчик может незаметно подкрасться к дому.

У мальчика есть опыт разведчика. Он знает, что от одного куста к другому надо прыгать так, чтобы этого не заметили из окна. Особенно из того, которое распахнуто настежь. Мальчик делает несколько прыжков и вдруг вздрагивает: где-то раздается скрежет металла и неожиданный храп. Мальчик застывает на месте. Через мгновение он понял, откуда эти странные звуки.

Под большим кленом стоит клетка, стенки и пол которой сделаны из металлической сетки. В клетке носится длиннохвостое существо.

Мальчик улыбается.

— Как хорошо, что ты лисица, — шепчет мальчик, который по три часа в день должен сидеть за пианино. — До чего хорошо, что ты не собака!

Он знает, что сделала бы собака на месте лисицы.

А лисица лишь далекая родственница собаки, и поэтому ей нет дела до мальчика, который на дыпочках пробегает мимо ее тюрьмы.

Штокрозы прекрасны. В их роскошных цветах можно отлично спрятать лицо. А в том месте, где цветы поднимаются выше подоконника, можно заглянуть в комнату. Вот найти бы теперь в фундаменте щель, куда опереться ногой!

В комнате пусто. Зато в соседней — двое людей. Нет, даже трое. Гость, прибывший из города, лежит на диване, прикрыв лицо газетой.

Лесной таксатор Кярмас сидит за столом и чинит радиоприемник помлесничего Лаанесте. Кярмас в одной рубашке и держит в руке вовсе не отвертку, а щетку с кривой ручкой, с которой помлесничий ходит в баню. Этой кривой ручкой он выуживает из-за трансформатора мертвых мух и спрашивает у владельца приемника:

— Скажи, ты когда-нибудь чистил приемник? По субботам пыль с него стирал?— И сам же отвечает, встряхнув густой шевелюрой: — Ох и молодежь нынче пошла! Палец о палец не ударит!

Помлесничий лениво развалился в кресле. Вы думаете, что он начнет оправдываться: дескать, у него много работы, нет в доме жены... Помлесничий этого не делает.

— И чего ты мелешь,— говорит он вяло.— Бутылку вина выпросил? Выпросил. Так чини и помалкивай.

Молодой помлесничий, который все же на несколько лет старше таксатора, первый год работающего в Лапукюла, хочет что-то добавить, но в соседней комнате раздается стук. В пустой соседней комнате с распахнутым окном сначала слышится стук, а потом будто что-то твердое катится по полу.

Помлесничий поднимается с кресла.

Вернувшись, он разворачивает чуть помятый листок бумаги. В него завернут камень величиной с куриное яйцо. Нетрудно понять, что камень заброшен в окно.

Если любишь, так люби.
И письмо мне напиши...—

подмигивает таксатор и напевает нарочито дрожащим голосом.

Но вскоре он умолкает.

Нет, это не любовное письмо и не приглашение на свидание. Помлесничий и таксатор с недоумением читают записку.

Сегодня в обед или чуть позже на 236 квартале застрелена косуля. Лежит в 42 шагах от расчищенной канавы, спрятана под словыми ветками, идти от большого муравейника. Поймайте.

Враг браконьеров.

Что подумать о подобном извещении?

— Дурацкая шутка!— делает вывод таксатор Кярмас.— Нашли кого за нос водить. Кто сейчас на косуль охотится?

Но помлесничего Лаанесте начинают мучить сомнения.

— А если это не шутка? Кто знает... Это так похоже на нашего брата. Апонимное письмо... чтобы подвести другого человека. Ну, что тебе стоит? Пойдем посмотрим.

Каждый десятилетний мальчик восторженно принял бы такое предложение. Каждый десяти-, одиннадцати-, двенадцати, может быть, и четырнадцатилетний мальчик сделал бы то же самое. Но таксатор Кярмас, увы, уже справил свое двадцатипятилетие.

— В такую жару?— удивляется он.— На двести тридцать шестой квартал? Ты с ума спятил? Хочешь дурака валять, иди. А у меня рабочий день кончился. Арнольд Арнольдович Кярмас идет купаться.

Сказано — сделано. Арнольд Арнольдович Кярмас отправляется купаться. А помлесничий еще раз пробегает глазами авонимку.

Мало того, что помлесничий любит сомневаться. У него иное, чем у молодого таксатора, представление о работе и долге. Он всей душой ненавидит браконьеров. Все это не позволяет не проверить факты, указанные в записке.

Помлесничий мельком смотрит на диван. Укрыв лицо газетой, там лежит его школьный друг. Притих и не шелохнется. Не может быть, чтобы он ничего не слышал.

Лаанесте берет со стола письмо и шуршит бумагой.

— М-да-а,— приговаривает он.— Явно, почерк рецидивиста... А вот, пожалуйста, есть и отпечаток!

Нетрудно представить себе, что может заинтересовать человека, который занимается разоблачением преступников.

— Честное слово, такой хорошенький отпечаток пальца...

Помлесничий Лаанесте снова шуршит бумагой. Но школьный товарищ не реагирует. Лаанесте под конец не выдерживает.

Газета падает на пол. Помлесничий толкает спящего коленом.

— Не прикидывайся, старик,— говорит он.— Я знаю, ты все слышал. Вставай. Сходим в лес, осмотрим этот квартал. Может быть, там остались следы. Может, найдем косулю. Или устроим браконьеру засаду. Вдруг и поймаем этого жулика. Что ты на это скажешь, а?

— Вышивка крестом,— отвечает гость.— Утюг. Швейная машина «Тула». Белые нитки номер сорок.

И он усаживается на диван по-турецки, как настоящий портной.

Что остается человеку, у которого один друг шалопай, а второй, видите ли, портной,—идти одному или применить власти! Помлесничий Лаанесте выбирает последний вариант.

— Мне синдлиярвского лесника,—говорит он в телефонную трубку.— И дайте долгие звонки. Возможно, его нет дома.

Синдлиярвского лесника Яагуна на самом деле нет дома. Да и кто в сенокосную пору сидит у телефона? Но долгие звонки есть долгие звонки. Они слышны даже на сенокосе.

На этот раз помлесничий Лаанесте поступает умнее. Он не упрашивает.

— Речь идет о вашем участке,—говорит он.— Встретимся через полчаса на мостках большой канавы. Все.— И кладет трубку.

Взять фонарик и вскинуть на плечо ружье — дело одной минуты.

Когда дверь за ушедшим захлопывается, молодой человек, сидящий на диване, потягивается и облегченно вздыхает.

Письмо осталось на столе. Там и камень.

Напевая песенку, гость бегло читает анонимное послание.

Что они здесь говорили? Что письмо брошено из сада? Что хочет отомстить бывший приятель по охоте?

Человек, привыкший делать выводы из мелочей, стал бы сомневаться в версии, что бывший приятель по охоте хочет кому-то отомстить. Он не поверил бы, что в кармане бывшего приятеля по охоте может быть столько конфетных бумажек, что от них остаются следы даже на записке.

Вот так обстояло бы дело, если бы в комнате помлесничего находился разбирающийся в деле человек.

Но, к сожалению, там лишь портной-закройщик, мастер шить пиджаки и брюки.

Дачник кладет письмо на стол, проходит в соседнюю комнату и опирается на подоконник.

Свобода, как ты пленительна! Как хорошо находиться вдали от городской суеты, постоянного нервного напряжения и телефона. Жить безо всяких обязанностей! Делать только то, что хочется!

Дикий лес и дикая страна,
Когда я увижу вас снова?..—

напевает человек на подоконнике.

Время, о котором говорится в песенке, не так уж далеко. Окна квартиры помлесничего обращены в ту сторону парка,

где годами не подстригались акации и изгородь из туй. Но горожанину нет дела до этого. Зброшенный палисадник был и возле старой школы, где он провел свое детство. Теперь нет той деревенской школы, нет и живой изгороди. Война уничтожила их. Но воспоминания остались и повествуют о том, как много лет тому назад двое ребят удрали в кусты, чтобы их не заставили работать в саду. Конечно, через окно!

До чего сильны воспоминания детства! Мгновение спустя из окна квартиры помлсничего свешиваются две длинные ноги. Раздается мягкий шлепок и затем звук, будто железными граблями сгребают консервные банки.

В клетке под большим кленом забегала всклооченная лисица. Зверек останавливается и смотрит на человека.

Он доверительно прикладывает палец к губам.

— Как хорошо, что ты не собака,— говорит он.

Волею судеб на свете есть еще один человек, который придерживается того же мнения.

Гость помлсничего, объятый воспоминаниями детства, спрыгнул на клумбу многолетних цветов. Он наклоняется, чтобы загладить следы. Два больших следа, которые сделал он, и два маленьких, которые были до него.

Два маленьких глубоких следа! След от левой ноги особенный — в подошве на месте большого пальца дырка.

Если эти следы под окном, в которое недавно забросили письмо, они уже о чем-то говорят.

Но, конечно же, в них могут разобраться или пионерский инструктор-разведчик, или, в крайнем случае, криминалист.

Но только не портной. Портного они нисколько не интересуют.

Дикий лес и дикая страна,
Скоро увижу вас снова я...—

поет Эрки Кйтнер.

Он пробирается сквозь заросли и перелезает через забор. Теперь он пойдет, пойдет... и сам не знает, куда именно.

Хочется аукать, как в детстве, когда был в пастухах. Но не все позволяет.

ЧЕЛОВЕК В ЛЕСУ

В Эстонии много лесов. Десятки браконьеров с ружьем, падеясь на добычу, бродят по лесам республики. Они таятся у тропинок, по которым к болотным озерам ходят пить косули

и лоси. Они крадутся в молодых ельниках, где прячутся от солища косули.

Браконьеры стреляют все, что передвигается и годится в пищу. И чем больше их в одной компании, тем они наглее.

Бах! — раздается выстрел глубоко в лесу. Через некоторое время народный суд рассматривает дело: охотничья инспекция предъявила иск по поводу ущерба, нанесенного лесхозу.

Не надо полагать, что всех браконьеров удастся поймать. И не все они тупые, но смелые безумцы. Один не таков. Да, да, одного браконьера к ним причислить нельзя.

Он знает цену предосторожности. Он не пойдет в лес вместе с приятелями. Знает, что если один охотник на лося попадется, то обязательно выдаст и остальных. Поэтому по-настоящему осторожный человек доверяет только себе. Себе и своему ружью.

Наш браконьер именно такой человек.

Он прекрасно понимает, что означает выстрел в спокойном лесу. Это сигнал тревоги. Это призыв. Поэтому-то браконьер поскорее прячет свою жертву и скрывается, ступая легко и неслышно, как старый лось. Отнести добычу домой лучше всего под покровом ночи.

Он и хитер, этот осторожный человек. Он вполне допускает, что на него может пасть подозрение. К сожалению, нет ружья, которое стреляло бы без звука. Хотя браконьер сразу же уходит, не исключена возможность встретить людей, которые могут подумать, что стрелял именно он.

Пусть думают что угодно. А если проверят его ружье, то из него не раздалось ни одного выстрела. Оно аккуратно смазано и на предохранителе.

Зато ружье, из которого он убил зверя, надежно спрятано. Как и зверь, который недавно ходил по лесу.

Таким образом человек, знающий цену предосторожности, уже годами добывал мясо. Ему совершенно безразлично, что попадется под ружье, будь хоть косуля с козлятами. Для него все мясо. А нажать на курок совсем нетрудно, точно как и хозяйке попросить в мясной лавке два килограмма грудинки.

Да, этому человеку известны укромные места для охоты, и он ценит предосторожность. Но, несмотря на это, даже он не всегда чувствует себя уверенно. Он боится, что кто-нибудь может случайно заметить, как он прячет свою жертву под ветки. В большом лесу это, конечно, маловероятно, но такая возможность не исключена. Когда-то давно он это пережил.

А теперь такое случается второй раз. Он уже знает о записке, полученной в лесничестве, и о том, что в ней написано. Знает, что помлесничий Лаанесте нашел то место, где была спрятана косуля, что два человека долго смотрели под куст, но там не оказалось никакой косули, только маленькая лужица крови.

Он мог бы даже сказать, кто был этот второй человек. Это — синдлиярвский лесник Яагуп. Странно, почему Яагуп удивлен больше самого помлесничего Лаанесте.

Все это браконьер знает.

Но еще больше он не знает. Не знает, видел ли его кто-нибудь или нет. А может быть, его и не видели. Может, кто-то случайно натолкнулся на косулю. Но кто?

Ему хочется получить ответ на все эти вопросы, и на один он получает ответ. На Барсучьей горке кто-то вырыл свежую яму. Довольно близко от того места, где он подстрелил косулю. Чтобы вырыть такую яму, надо отбросить много песка. Много мелкого желтого песка, на котором остаются отчетливые следы.

Конечно, в следах от поношенных кед нет отпечатка имени того, кто их носит. Но так как следы разных размеров — одни побольше, а другие поменьше, — можно сделать некоторые выводы. Тем более, что такие следы он однажды уже встречал.

Несколько дней тому назад он видел их на берегу заросшей канавы у болота Нэзрусоо.

И он отправляется туда.

Поспевает как раз вовремя, чтобы увидеть, как в сторону чернеющего вдаль болотного острова уходят те двое, которые оставляют такие следы.

На болотном островке за трясинами и угрожающей топью растут могучие осины. Здесь кладбище сотен старых стволов, питомник тысяч молодых побегов. Здесь кусочек не тронутой человеком природы и молодой орлан, ожидающий своих друзей.

И ребята приходят. Они уже помирились. Им ничего не стоит помириться, равно как и поссориться. Ребята вовсе не ловят рыбу в устье реки и не работают на пришкольном опытном участке, как думают их родители. Они прыгают с кочки на кочку и лакомятся морошкой.

Ни у одного нет шестого чувства, которое предвидит опасность. А если есть, то сейчас оно бездействует. Топь не стра-

шит ребят нисколько. Они тут не раз бывали. У них теперь новая тропа, тщательно проверенная, но еще не вытоптанная.

В этом убеждается и человек, который по следам мальчиков зашел далеко в болото. Какие могут остаться следы, если пройти раза два по торфяному мху и зыбким кочкам, где растет только клюква?

У маленького Белого пера хоть и орлиный взгляд, но сюда он не достает. Только чибис, кружащий над топью, видит странного человека, который срезает охотничьим ножом болотные сосенки, чтобы там же поблизости воткнуть их. Ведь сосны не будут расти без корней. Но чибис не умеет думать. А теперь ему страшно.

«Кюй-вийт!» — раздается жалобный вопль над болотом,

Незванный гость находится совсем близко от его гнезда.

«Кюй-вийт!»

Неужели крик предвещает несчастье?

МОЛОДОЙ ОРЛАН РАСПРАВЛЯЕТ КРЫЛЬЯ

Маленький Белое перо чистил свое гнездо. Возьмет в клюв кость, вперевадку подойдет к краю гнезда и, склонив голову набок, посмотрит вслед падающей кости. Он, как ребенок, придумавший новую игру, никак не мог остановиться. Он сбрасывал вниз все, что попадалось.

Карие глаза орленка светились умом. Он искал ответ на что-то такое, чего еще не знал, но о чем догадывался.

С тех пор как маленький Белое перо впервые встал на ноги, в нем поселился необъяснимый страх перед краем гнезда. Птенец не боялся упасть, он даже не подозревал о возможности такого несчастья. Орленок боялся, пожалуй, потерять опору и связь с гнездом, где он получал все, что ему требовалось. Он ощущал существование двух миров, но довольствовался только одним.

В те дни мир вне гнезда интересовал его лишь постольку, поскольку там он находил точку, которая, возрастая, становилась орланом, прилетевшим с добычей. Когда пища была уже в гнезде, птенец терял интерес к воздушному пространству.

Но, как и все живые существа, изменялся и орленок. Хотя в нем по-прежнему жил страх, но он больше не властвовал над орленком. Маленький Белое перо стал понимать зов большого мира, и ему захотелось узнать его поближе. И вот птенец вы-

брасывал из гнезда сухие ветки, перья и прочий мусор и смотрел им вслед, пока они не опускались на землю.

Теперь он уже понимал, что «вниз» и «вверх» не одно и то же.

Немногие живые существа могут в детстве обозреть такое пространство, как это было дано орленку. Он умел наблюдать. Это умение совершенствовалось с каждым новым поколением орланов. Маленький Белое перо разделил все живое на свете на две группы: на тех, которые могут подняться в воздух, и на тех, которые не могут этого сделать. Провести такое разграничение не составляло ему труда. Себя он не отнес пока ни к тем, ни к другим.

Маленький Белое перо потерял родителей в возрасте, когда у орланов начинают развиваться и крепнуть могучие грудные мускулы. Поэтому малыш то и дело расправлял и складывал крылья. Это был последний и самый важный этап в развитии молодого орлана.

Когда Белое перо вылупился из яйца, его клюв был слишком большой по сравнению с туловищем, покрытым нежным пушком. В первые дни жизни клюв вырос еще и оттянул голову книзу.

Еще хуже обстояло дело с когтями. Они росли быстрее клюва. Когда орленку исполнилось девять дней, ему захотелось погулять по гнезду. Но тут обнаружилось, что у него слишком большие ноги. Они зацеплялись одна за другую, застревали в сучьях, и Белое перо беспрерывно падал.

Потом стала расти шея. И она росла очень быстро. А затем и туловище взялось наверстывать упущенное.

Наконец наступила пора расти крыльям. С того момента, когда орленок увидел свет, прошло семь недель и три дня. Теперь предплечные мускулы маленького Белого пера бурно росли.

Молодые птицы в его возрасте обычно подражают своим родителям. Сами того не сознавая, они проходят начальный курс полета.

Но маленькому Белому перу не с кого было брать пример. Родители погибли, но инстинкт хранил воспоминания о них. Маленький Белое перо подсознательно делал все то, что в его возрасте делали сородичи.

Каждый день он прыгал в своем гнезде. Он уже научился прыгать. Трясогузка, свившая себе гнездо между нижними сучьями орланьей крепости, прилетела поживиться чем-нибудь съестным. Орленок стал ее догонять. Большой, неуклюжий, он

прыгал за маленькой юркой птичкой, и, конечно же, поймать ее ему не удалось.

Но зато эта игра научила: чем сильнее оттолкнешься, тем дальше прыгнешь. Чтобы прыгнуть снова, надо опять оттолкнуться. Так уж ведется в природе. Неожиданно для себя орленок узнал, что ему могут помочь и крылья. Взмахнешь ими — и прыгнешь еще дальше. Они как бы опираются на воздух. Прозрачный, бесцветный воздух, который до сих пор ничем не помогал, вдруг стал опорой. Орленок учел это.

Теперь Белое перо прыгнул еще выше, даже продержался в воздухе одно мгновение. А потом непонятная сила притянула его обратно к гнезду.

Край гнезда по-прежнему представлял собой запретную зону. Упражняясь в прыжках, маленький Белое перо всегда следил, чтобы не прыгнуть за край. Но наряду со страхом в нем жила и самоуверенность, поэтому орленок считал вполне возможным прыгнуть на ветку соседнего дерева.

С прибытием ребят победила самоуверенность. Орленок заметил мальчиков позже обычного, но все равно обрадовался. Он произнес грубоватый приветственный крик и подпрыгнул от удовольствия, хлопая крыльями. Крикнул второй раз, третий.

Двое на краю болота сумели это оценить.

— Узнал! — обрадовался мальчик, который, по мнению родителей, ловил сейчас окунишек для аквариума младшего брата.

— Почему бы и нет, — пробормотал его приятель, который, как думали у него дома, работал на пришкольном опытном участке. — Мы теперь ему то же самое, что отец и мать.

Эти слова привели снова в восторг первого мальчика. Он подыскал крючковатую корягу, прекрасно подходившую для клюва, и пустился с визгом бежать, махая руками.

Двое ребят пришли на опушку леса к ели. Хотя ребятам и было страшновато, потому что ель качалась на ветру, ни один из них не подал и виду.

Орленок уже покрылся перьями и совсем не походил на того беспомощного, несчастного птенца, которого две недели тому назад спасла от голодной смерти подброшенная гадюка. Теперь в каждом движении маленького Белого пера ощущалась сила. Он — почти взрослый. На глазах у ребят, которые для него означают то же самое, что когда-то черная точка в небе, он ее позволяет себе кокетничать. Он мог бы поразить их своим самым высоким прыжком, но он этого не делает. Лишь

когда ребята начинают спускаться с дерева, детскость побеждает врожденную степенность. Белое перо делает свой самый высокий прыжок, но его уже никто не видит. Потом он делает еще несколько прыжков и бежит к краю гнезда, как моряк, вразвалку. Оказывается, все напрасно, потому что ребята спустились на землю и собираются уходить.

Неизвестно, знает ли маленький Белое перо, что может заставить ребят поднять голову, или делает он это случайно. Он хватает клювом нечто широкое и плоское. Оно застряло между сучьями и не поддается. Орленок напрягает все силы и вытаскивает этот широкий и плоский предмет.

Шлепок о землю заставляет ребят обернуться.

Энн Сийтам поднимает кость. Каждый знаток сказал бы, что это кость косули. Но Энн Сийтам этого не знает. Он обычный мальчик, и поэтому его интересует лишь застрявший в кости кусок железа. В одном из многих карманов его брюк лежит складной нож, в котором два лезвия и маленькое пило. Шилом Энн выковыривает из кости странный кусок железа.

— Ты посмотри,— догоняет Энн Мардуса.— Ты только посмотри, что там в кости было! Ты знаешь, что это такое?

Мальчик, которого природа наделила излишним весом, очень хорошо знает, что это такое. Знает, как оно туда попало. Но почему-то ему совсем не хочется говорить.

— Идем скорее,— торопит он Энна.— К обеду я должен быть дома.

Как много зависит иногда от случайностей! Один только раз лапукюлаский маслодел забыл спички на кухонном столе. Спички подобрал трехлетний сынишка, и сарайчика, где прежде было так хорошо сушить сети, как не бывало.

Случайно автоинспектор чинил свой мотоцикл около лапукюлаского магазина именно в то время, когда сапиский Ээди на комбайне подъехал к магазину за водкой. Теперь права водителя находятся на хранении в райцентре.

Случайно Энну Сийтаму вздумалось задавать глупые вопросы посреди самого опасного участка в болоте, в топи, где можно спокойно ходить лишь по проверенной и хоженной тропе.

— Послушай, Мардус,— спросил Энн.— А почему нашему малышу сегодня не хотелось есть? Что ты приносил ему вчера и позавчера?

Меньше всего хотелось лучшему знатоку птиц лапукюлаской школы отвечать сейчас именно на этот вопрос. А если

человеку этот вопрос все же задан и надо ответить, то ему не до осторожности и внимания. Нельзя и требовать, чтобы он заметил неестественно скривившуюся сосенку с насечкой и обратил внимание на зеленые стебли белого очеретника, которому вовсе не полагается расти на благонадежной болотной тропе.

Топь разверзлась так неожиданно, что Мардус не успел даже вскрикнуть,

ЗА ЖИЗНЬ

Энн Сийтам читал, что в момент большой опасности человеческий мозг работает, как электронно-вычислительная машина, перебирает множество вариантов и мгновенно находит нужное решение. Сейчас он убедился, что это обман. Мардус все глубже увязал, а он стоял рядом и не знал, что делать, разве только звать на помощь.

Но кто услышит крик с болота, большого и пустынного, как степь? Крик растает, не дойдя даже до леса.

Мардус увяз по грудь в черной чавкающей жиже. Он раскинул руки, это помогло не провалиться вовсе. А ноги по-прежнему не находили опоры. Он пытался ухватиться руками за дерн, но болотный дерн обламывался.

Вот бы теперь ту веревку, с которой они в первый раз приходили на островок Сирбисаар!

Мардус хорошо помнил, где она — привязана к багажнику велосипеда. Крепкая конопляная веревка, для багажника совсем не нужная.

А где длинная еловая палка, спутница второго похода?

И это известно — лежит в тростнике, где неделю назад ее легкомысленно оставили.

Здесь, на болоте, не найдешь ни одной палки, даже тоненького ивового прутика. Ничего нет, только белый от страха мальчик, который во всю глотку зовет на помощь.

На худой конец, сойдет и он. Его можно попросить снять рубашку. Ведь некогда заключенные Пармской обители связывали из белья веревку, спускались на землю и бежали.

Мардус дает указания. Резко, скупыми словами, как и полагается в данной обстановке. Энн снимает рубашку, разрезает ее ножом и завязывает на два узла. Энн Сийтам теперь знает, что делать, и поэтому его руки работают очень быстро.

Но желто-пестрый хвост не достает до места, где барахтается лучший знаток птиц лапукюлаской школы. Энн ложится

ва живот и протягивает руки, но и теперь коротко. Нужно чем-то надвизать. Придется пожертвовать штаны.

Ножом Энн распарывает штаны. Те самые штаны, которым завидовали все лапуколаские мальчишки. Таких штанов ни в одном магазине не купишь. Их спила мать Энна. На них восемь карманов на восьми молниях.

Два рывка, два узла.

«Пожалуй, морским узлом лучше», — мелькает в голове мысль, но Энн забыл, как завязывается морской узел, а вспомнить нет времени.

Потерпел бы Мардус хоть минутку.

Топь угрожающе кряхтит. Глубоко в черной жиже действуют какие-то неведомые силы. Некие чудовища упрямо вцепились в свою жертву, тянут и тащат к себе. Бедный Мардус, потерпи еще минуточку!

Наконец Энн привязал к желтому хвосту синий хвост. Мардус хватает спасительную желто-синюю ленту.

От такой пестрой веревки, пожалуй, еще никогда не зависела человеческая жизнь. Энн, ищущий ногами опору, тянется за маленькой кряжистой болотной сосенкой. Но сегодня на болоте творится что-то необычное. Сосенка, у которой должны быть крепкие корни, неустойчива. Ухватиться за нее невозможно.

Мальчик бросается на четвереньки. Вот так. Он перекинул спасательный трос через плечо и обмотал вокруг кисти. Ну, начинай, Мардус, пока не поздно!

И Мардус начинает выкарабкиваться. Он знает, что один резкий рывок может все испортить. То, что топь проглотила, она возвращает лишь по одному сантиметру. Мардус спокоен. Он осторожно наклоняется вперед. Мальчик похож на большое грязное и липкое животное.

До чего холодно в этой чавкающей зловонной жиже! Чем глубже, тем холоднее.

Первые десять сантиметров! Двадцать сантиметров!

Как хочется напрячь все силы! Одним рывком освободиться из этой ледяной утробы, но нельзя. Нельзя, нельзя...

Тяжко дыша, Мардус хватается за край твердой почвы.

Тридцать сантиметров!

И вот алчная топь расстается со своей жертвой. Страшным выглядит Мардус, но не в этом дело. Энн бросается к Мардусу и изо всех сил обнимает. Подумаешь, вымазал себе живот и красивые зеленые плавки. Энн не придает этому значения.

Он гладит своего друга, похлопывает и сам даже всхлипывает.

Высоко поднимая ноги, как журавли, ребята ищут твердую тропу. Теперь они очень осторожны. Страшная кишащая топь все время у них перед глазами.

— Еще немного, и был бы конец,— вздыхает младший. Его подбородок вздрагивает.

— Ага, почти,— отдувается второй.

— Повезло все же...

— Ага, повезло...

Эту мысль они варьируют по-разному.

Черной тенью повисла беда над болотом.

Но недолго властвовала она над ребятами, которые стойко встретили испытание. А небо голубое-голубое, печет солнце, звенят птичьи голоса.

— Иногда и толщина может пригодиться,— вскоре говорит мальчик, которому не раз доставалось за его острый язык.— Не провалишься в болоте.

Если бы Мардус Маавере знал, что в шкафу у Сийтамов лежит еще одна пара штанов с «молниями», он бы так легко не простил будущего музыканта.

Хорошо в июле! Можно прыгнуть в реку не раздеваясь. И никто не обратит внимания на мокрого велосипедиста. Никто не удивится тому, что на людях появится малячок в плавках. Ведь лето.

Тихонько, как привидение, Энн Сийтам забрался по лестнице на школьный чердак. Отсюда крутая лестница вела в их временное жилище.

На последней ступеньке он остановился, чтобы прислушаться. Он знал, что есть на свете двое людей, которые даже в июле могут удивиться одежде, состоящей только из плавков.

Мальчик перевел дух.

В комнате рядом с кухней перестала жужжать швейная машина.

— Ну, скажи что-нибудь,— требовал высокий голос, принадлежавший его матери.— Тебе нравится?

— Нравится,— поспешно ответил баритон отца.

Судя по шороху бумаги, свежие газеты наконец-то попали и к дирижеру Сийтаму.

— А покрой? А длина?

— Мм... м... Ничего.

— Вот видишь, как полезно, когда жена сама себе шьет,— сделала вывод мать.— Представляешь, сколько за это взяли бы в ателье? Пятнадцать рублей, не меньше. Я эти деньги сэкономила. Теперь можно кушить нового материала...

Мальчик подкрался к шкафу.

«Хоть бы это был материал для новых штанов», — подумал он, натягивая чистые штаны.

Потом он на цыпочках прокрался обратно к лестнице. Успел как раз вовремя.

— Если ты так считаешь, то я куплю... себе на блузку, — сказала концертмейстер Сийтам и отворила дверь в комнату, где только что был Энн. Она подошла к зеркалу. — Когда ты дашь мне эти пятнадцать рублей?

Ответа мальчик не расслышал. Он уже был на чердаке.

ШАШКИ

— А теперь, дорогой, скажи-ка, чувствуешь ли ты себя непринужденно в незнакомой компании?

Такой вопрос задал Энн Сийтам лапукюласкому мальчику Пёке Лыссилоо. Бедный Пека должен был отвечать «да» или «нет».

Да здравствуют журналы, публикующие психологические игры! По ним за пять минут можно дать исчерпывающую характеристику: положительный человек, мошенник, лентяй, у которого отсутствует сила воли, или беспринципный, но энергичный человек. Надо лишь задать ряд вопросов, записать ряд цифр, заглянуть в таблицу, и тайны человеческой души разгаданы.

Два дня большинство лапукюласких ребят ходили потрясенные неожиданным открытием. Дошел черед и до Пеки Лыссилоо.

— Ты проявляешь инициативу в труде?

— Ты легко меняешь свою точку зрения?

— Ты любишь помогать дома?

Некоторые вопросы Энн придумывал сам.

— Ты моешь по утрам шею? — настойчиво требовал он ответа.

Пека Лыссилоо состроил недовольную гримасу. Помощник председателя совета дружины считал этот вопрос унижительным для себя. Но так как характеристика составляется по печатному слову, нельзя обращать внимание на подобные мелочи.

— Конечно, мою, — ответил Пека и тут же пожалел.

— Проверим! — обратился Энн Сийтам к Мардусу.

Мардус Маавере с невозмутимым видом подошел к Пеке и осмотрел его шею.

— Врет! — сообщил он. — Нам пускают пыль в глаза.

— Заодно мы получили ответ и на следующий вопрос: «Трудно ли лгать?» — обрадовался Энн Сийтам.

Огрызком карандаша он вывел еще одно «нет».

Пека Лыссилоо смотрел на это грустно и безнадежно. Что за характеристика получится из сплошных «нет»? На берегу реки появился городской приятель помлесничего с ластами, маской и дыхательной трубкой. Пека воспользовался случаем и удрал.

Он добровольно отказался от характеристики. И хотя в жаркое летнее воскресенье лучше всего быть у реки, Пека и от этого отказался. Он пошел искать более спокойное место и невыскальзывающих товарищей.

Гость помлесничего оказался довольно пассивным пловцом. Он дважды переплыл речку; а потом лег на дне у берега и положил на живот камень. Только дыхательная трубка торчала над водой.

Когда у тринадцатилетнего деревенского мальчика свободно летнее воскресенье? Когда он может хоть до вечера жариться на солнце?

Лишь тогда, когда сено скошено и корова обеспечена кормом на всю зиму.

Так у всех деревенских ребят. Но у Мардуса Маавере есть еще одно дело. Надо кормить молодого орлана.

Наверное, и в этот прекрасный летний день Мардус Маавере подстерегал бы кротов в школьном саду или ловил бы уклеек, если бы не прочел в голубой тетради о том, как поступают орланы с выросшим птенцом. Родители заставляют свое чадо хорошенько поголодать, потому что знают: тяжелому телу не подняться в воздух.

Вот и маленькому Белому перу пришла пора посидеть на голодной диете. На то указывали все приметы.

Человек из лесничества по-прежнему отдыхал под водой у берега. Его поведение разочаровало Энна Сийтама. Он обманулся и в Пеке Лыссилоо. Для него Энн приберег вопрос: ест ли Пека лягушек. Но задать этот вопрос так и не пришлось.

Солнце печет, вода в речке теплая, а гость помлесничего выходит на берег. По правде говоря, теперь-то нечего горевать. Ведь с ним можно познакомиться, попросить у него ласты, маску и трубку и поплавать вволю. Даже испробовать трюк с камнем на животе.

— Спасибо, дядя, — сказал Энн, когда он наконец, отфыркиваясь, вылез на берег. Ему хотелось еще чем-то выразить

свою благодарность, и он добавил:— Дядя, а вы играете в шашки?

Каждой весной лапукюлаская речка выбрасывала на берег дубинки, бревна, дощечки. А этой весной на берегу остался кусок двери. Кто-то начертил на ней шахматные клетки.

Дядя с удовольствием принял предложение. На черные клетки он поставил ракушки, две шишки репейника, одну серую брючную пуговицу и горсть белых камешков.

Энн Сийтам составил в ряд пять больших раковин, три сосновые шишки и три красных камешка. Пустовала одна клетка. Он пошарил в карманах своих штанов и положил на доску медную гильзу.

Горожанин посмотрел на нее с добродушным видом. В его глазах будто бы мелькнула искорка, след какого-то далекого воспоминания, но сразу же исчезла. Он сейчас в отпуске. Ему ничего не хочется вспоминать.

Кому ходить?

Энн Сийтам еще раз пошарил в карманах. В карманах у мальчика всегда найдется что-нибудь подходящее для жеребьевки. Такое, что перекладывается из одного кармана в другой и никогда не расстается со своим владельцем. Энн закладывает руки за спину, а потом протягивает крепко сжатые кулаки.

— Здесь!— щелкнул горожанин пальцами.

Кулак разжался. На ладони лежал маленький сплюснутый кусочек металла.

Вмиг исчез веселый портной. Исчез добродушный вид и рассеянный взгляд, не стало беззаботного легкомыслия отдыхающего человека. Серые глаза сузились. Их взгляд вернулся на мгновение к медной гильзе, перешел на маленький бесформенный металлический кусочек и оценивающе вложил его в гильзу.

Конечно, они соответствовали друг другу. Он знал, что они должны подходить. За несколько мгновений эти серые глаза увидели много больше, чем за предшествующие полчаса. Они нашли небрежно отброшенную пару кед. Заметили в подошве дырку, которую протер большой палец ноги. Сравнили поношенные кеды со следами, оставленными на цветочной грядке под окном помесничего.

Человек глубоко вздохнул. Он часто имел дело с ребятами и хорошо знал, как с ними следует говорить. Если хочешь, чтобы тебе доверяли, то, во-первых, ты сам должен внушить доверие к себе. И он отправился к своей одежде.

Вернулся он с маленьким кожаным удостоверением.

— Взгляните,— сказал человек.— А теперь поведем серьезный разговор.

Через десять минут он знал все необходимое. Очевидно, для него это было очень важно, потому что, спеша к почтовому отделению, он совсем забыл о маске, ластах и дыхательной трубке. Энн Сийтам и Мардус Маавере могли бы нырять теперь сколько угодно, но у них пропало всякое настроение. Только что им пришлось рассказать о вещах, которые они собирались держать в тайне.

— Кое-кто мог бы подробнее рассказать, как в лесничество попадают анонимки,— пробормотал наконец Мардус Маавере.

— Кое-кто мог бы объяснить, как в гнездо орлана попадают косули.

Ребята чувствовали неловкость друг перед другом.

Тем временем школьный товарищ помлесничего стоял у телефона в маленьком почтовом отделении.

— Дайте мне райцентр,— попросил он.

Но это было не все.

— Срочно соедините меня с Таллином,— сказал он потом.

ПРОШЛОЕ НАПОМИНАЕТ О СЕБЕ

Как вы думаете, о чем задумался человек, шагающий по поселку Лапукюла? Он вспоминает первый год своей работы.

Семь лет тому назад служебная машина подвезла высокого белокурого юношу, только что окончившего университет, к пригородному киоску, где двое несовершеннолетних взломали окно и украли мешок конфет и шесть бутылок клубничного ликера.

Это было первое преступление, которое он расследовал самостоятельно.

Дела о грабежах, хищениях, вымогательствах последовали позже. Примерно двадцать на первый взгляд разных, а по существу очень похожих случаев, которые через несколько лет если не забываются, то обычно путаются.

Но однажды под вечер милицейская машина отвезла его в Сойдлакынну. В глухом бору на границе болотистого кустарника и высокого сосняка был найден труп старого лесника Кйрлаского участка.

На теле убитого обнаружилось две раны. Одна с чуть под-

горевшими краями на груди слева и вторая, величиною с ладонь, на спине выше лопатки.

Невдалеке лежал длинноногий лосенок. Маленькую ранку обнаружили у него в правом боку, а большую, рваную — в левом. Каждый, кто хоть немного разбирается в оружии, мог бы сказать, что лосенок был застрелен из того же ружья, из которого убили человека.

Первый шаг в работе следователя — установить мотивы преступления. В данном случае это нетрудно было сделать. Кирлаский лесник напал на браконьера. У лесника было обычное двустольное охотничье ружье, но браконьер опередил лесника.

Место преступления обыскали. Единственное, что удалось найти, была пуля, убившая лесника и застрявшая в сосновой коре.

Три недели по сойдлакыннским дорогам и тропам ходил высокий белокурый юноша, которому до сих пор приходилось отдавать под суд лишь мелких воров и грабителей квартир. Он беседовал с сотнями людей. Разговаривал с кондукторами автобусов, курсирующих в этих местах. Посещал шоферов автобазы, обслуживающей этот район. Но никто из них не встречал в день убийства человека с ружьем. Никто не заметил человека, вызывающего подозрение. Следователь не нашел ни одной нити, которая привела бы его к цели. Через три недели Эрки Китнер вернулся в Таллин.

К сожалению, бывают дела, следствие по которым остается незавершенным. Бывает, преступникам удается скрыться. Проходит некоторое время, и следственные материалы подшивают в толстую папку. Вещественные доказательства кладут в специальные коробки, а коробки — в хранилища. Где-то напишут: «Дело приостановлено».

К папкам по делу об убийстве в Сойдлакынну относилась и коробка, в которой хранилось вещественное доказательство — пуля, вырезанная из сосновой коры.

Такую пулю следователь Эрки Китнер видел впервые. На ее корпусе от наконечника лучами расходились полосы из какого-то особого, твердого, ударостойкого сплава. Концы этих полосок, встретив на своем пути препятствие, вырывались из свинцовой оболочки и причиняли огромные разрушения. Это была пуля от винтовки, предназначенной, очевидно, для охоты на крупного хищника. По утверждению эксперта, винтовка изготовлена не в нашей стране.

В специальной коробочке, в специальном хранилище лежал

кусочек свинца и ждал, пока он не понадобится вновь. Хотя преступник был очень осторожным, молодой следователь все же надеялся, что со временем убийца успокоится и возобновит свою деятельность. Человеку трудно отказаться от старых привычек, поэтому не исключена возможность, что когда-нибудь будет найден лосенок, лосиха или рогатый лось, убитый таким же куском свинца, мягкий корпус которого прячет в себе расходящиеся лучами полоски твердого металла.

Такой случай подвернулся. Семь лет Эрки Китнер ждал известия об особенной пуле. Теперь он нашел ее сам.

Когда помлесничий Лаанесте после обеда вернулся из Хаапсалу, его друг закончил второй разговор с Таллином. На столе лежала раскрытая записная книжка, и целая страница в ней была исписана какими-то именами и годами.

— Послушай, старик! — сказал Эрки Китнер. — Если ты успел кому-нибудь сказать, что я портной, то скажи ему завтра же, что ты пошутил. Скажи, что я понятия не имею, как держать в руке иглу. Что все это ты сам выдумал.

Помлесничий Лаанесте недоуменно посмотрел на друга. Он не мог понять, в чем дело.

— Кем же тебя называть?

Эрки Китнер посмотрел в окно. Его серые глаза сузились в две щелочки.

— Я думаю, следователем из прокуратуры.

ПЕРВЫЙ ПОЛЕТ

Маленький Белое перо проснулся вскоре после восхода солнца. Над болотом повис молочно-белый туман. Накануне вечером прошел дождь. На мохнатых листьях лещины сверкали прозрачные капли.

О себе напоминал пустой желудок. Белое перо чуть приподнял крылья и направился к краю гнезда, переваливаясь с боку на бок.

Ну конечно, так он и знал. Мышь опять там. Маленький зверек с желтоватым затылком проворно бежал по засохшему стволу старой лещины, держа в зубах что-то черное и блестящее.

Наблюдая за этим деловитым существом, орленок еще больше захотел есть. Эту мышь он бы с удовольствием съел. Что там и говорить! Он бы проглотил ее с наслаждением! До сих

пор маленьких зверьков приносили ему неподвижными. Хотя никто ему об этом не говорил, он знал, что и подвижными они пригодны для еды.

За последние дни молодой орлан сильно изменился. Его туловище, покрытое красивым бурым оперением, очень быстро потеряло мягкие, расплывчатые линии. Увеличились предплечные мускулы и придали спине новую, более широкую форму. И перья все выросли, стали гуще, приобрели матовый блеск.

Вот это крылья! Они ничуть не уступали могучим крыльям погибшего отца. А если учесть, что молодой орлан еще подрастет, то надо было полагать, что Белое перо станет больше своих родителей.

Склонив голову набок, молодой хозяин орланьей крепости смотрел вниз.

Мышь прекратила свои прогулки. Теперь она расколупывала прошлогодний орех. Орех все откатывался, и мышь прижала его передними лапками к шершавому куску коры.

За ее спиной в норе копошились девять мышат. Они приближались к тому возрасту, когда мыши покидают родную нору. Время от времени какой-нибудь мышенок осмеливался сделать вылазку, чтобы познакомиться с большим миром. Это были почти метровые прогулки. Но когда мать издавала предупреждающий писк, мышата возвращались.

Мышиная семья жила в крошечной низкой норе. В обычных условиях такая нора свидетельствовала бы о беспечности хозяйки, но тут царили не совсем обычные условия. Мышь прекрасно понимала это и считала себя даже хитрой особой. Под орланьим гнездом мыши нечего бояться ее обычных врагов. Они держатся отсюда подальше. Когда у орланов еды было достаточно, они совсем не обращали внимания на маленького длиннохвостого зверька. Зато в скудную пору мышь умело пряталась.

По правде говоря, жить под орланьим гнездом мыши было даже выгодно. Никто, кроме нее, не знал, как небрежно орланы обращаются с пищей. С гнезда сбрасывались жилки, кости, наполненные мозгом.

Под древним гнездовьем частенько был накрыт приличный обеденный стол, и беда трясогузке, которая тоже иногда хотела чем-нибудь поживиться. Мышь была сильнее маленькой птички. Однажды она это уже доказала.

И сейчас мышь чувствовала себя безопасно. Другие мыши посчитали бы за опрометчивость прогулки среди бела дня. Они спали днем и искали себе пищу по ночам. Они жили как все

порядочные мыши. Но жизнь под защитой орланов усыпила бдительность веселого зверька. Только очень беззаботный уса-
тый зверек может не заметить, что наверху, на сложенном из
сучьев гнезде, кто-то уже два дня следит за ним. Только очень
легкомысленный лесной житель может не знать, что в один
прекрасный день, когда молодому орлану исполнится восемь
недель, он перестанет чувствовать страх перед бездной.

Мышь успела прогрызть дырочку в ореховой скорлупе, как
над ней повисла огромная тень. Если бы маленький Белое перо
умел упасть на свою жертву, прижав крылья, легкомысленная
мышь пропищала бы в последний раз. Но орлан был слишком
молод и слишком взволнован. Хотя в нем и жил опыт многих
поколений, его сковывал страх перед неизвестностью. Когда
огромная птица неуклюже выпустила когти, желтовато-корич-
невая мышь уже успела скрыться. Она в панике шмыгнула под
большой кусок коры, совершенно позабыв о своей неглубокой
норе и девяти мышатах.

Зато Белое перо о них не забыл. Еще бы! Ведь он долго
наблюдал за норой и выглядывавшими оттуда зверьками. Су-
нув клюв в нору, он вытащил одного за другим всех мышат.

Первый раз в жизни маленький Белое перо ел пищу, кото-
рую поймал сам. Она показалась очень вкусной. Белое перо,
наверное, был бы вполне счастлив, если б его не обеспокоило
одно обстоятельство.

Он находился на земле. Он видел только деревья и кусты,
окружающие небольшую полянку.

Его страшил узкий горизонт. На болотном острове уже
давно не водились звери, которые могли бы представить опас-
ность для почти взрослого орлана. Но такие звери бродили по
местам, где жили его далекие предки. Предки знали о таких
зверях, и по загадочным путям законов наследственности их
запреты и наказания дошли до молодого орлана.

На земле оставаться нельзя, это ясно.

Маленький Белое перо попробовал подняться обратно к
гнезду. Попытался еще раз, но почему-то спуститься было го-
раздо легче, чем подняться. Ему показалось, что какая-то сила
давит на затылок, прижимает к земле.

Гнездо находилось слишком высоко.

Но если одна цель слишком высоко, то ее можно заменить
той, что пониже. Можно найти, например, дерево, где некото-
рые ветки расположены низко, другие повыше, но есть и такие,
на которых чувствуешь себя вне всякой опасности.

Такое дерево росло поблизости. Маленький Белое перо оце-

нивающим взглядом посмотрел на полузасохшее дерево. Одним прыжком орлан сел на нижнюю ветку. Потом на вторую и вскоре сидел уже на верхушке дерева. Он остался вполне доволен.

Необычные переживания утомили молодого орлана. Он решил посидеть на ветке и обдумать все то, что принес ему этот день. Но в это время беззаботная мышь сделала вторую ошибку: она вылезла из-под коры. Она никак не могла забыть об орехе, который ей пришлось оставить.

На этот раз Белое перо не промахнулся. Мышь последовала за мышатами.

На свою ветку Белое перо поднялся без остановок.

ЛОВУШКА

Следователь Эрkki Китнер сидел в жилой комнате помесничего и спорил сам с собой.

Это был горячий спор. В интересах дела Эрkki Китнер выдумал себе приятеля, который ко всем мыслям Эрkki Китнера относится с большим недоверием. Недоверчивый приятель должен находить ошибки в рассуждениях Эрkki Китнера.

«На чем же мы остановились? — спросил Эрkki Китнер. — Ах, да, что нам нужно? Нам нужно найти браконьера, который на двести тридцать шестом квартале застрелил косулю. Браконьер припрятал добычу под ветками, следовательно, он собирался за ней вернуться».

Недоверчивый приятель согласен. Все правильно.

«Может ли так поступить человек, издали пришедший сюда на охоту? Нет, не может. Браконьер должен жить в поселке Лапукюла или его окрестностях. Очевидно, он один из здешних мужчин...»

«Если не из здешних женщин».

Эрkki Китнер не обратил внимания на это замечание. Он еще никогда не слышал о женщинах, которые бродили бы по лесу с ружьем за спиной.

«Остаются две возможности. Проверить, где находились здешние мужчины в два часа того дня, когда была застрелена косуля, или...»

«Или?»

«...разузнать, работал ли кто-нибудь из местных жителей семь лет тому назад в окрестностях Сойдлакынну. Между прочим, я выбрал второе. И надо же! В Лапукюла живет человек, который семь лет тому назад работал в Сойдлакынну».

Эрки Китнер сделал небольшую паузу.

«Что же уважаемый следователь думает предпринять с этим человеком?» — спрашивает недоверчивый приятель.

«Посажу его за решетку», — решает Эрки Китнер.

Такое намерение, казалось, насмешило недоверчивого приятеля. Он противно захихикал. Сколько времени прошло с тех пор, когда уважаемый следователь в последний раз держал в руках уголовный кодекс, хотел бы он знать? И как в судебной практике оценивается обвинение без фактических доказательств?

При каждом вопросе следователь Эрки Китнер морщился. Он прекрасно знал, как в судебной практике оценивается обвинение без доказательств. Но разве можно ждать, пока преступник выдаст себя, оставит следы? Разве можно сидеть сложа руки?

Для молодого человека это слишком трудно. Настолько трудно, что он не может усидеть в мягком кресле.

Эрки Китнер прошелся несколько раз от стены до стены, остановился у окна.

В голове зашевелилась очередная мысль. На редкость соблазнительная. Еще мгновение — и она ясна, четко очерчена. Еще мгновение — и ее можно высказать.

— А что, если устроить небольшой эксперимент? — шепнул Эрки Китнер своему выдуманному приятелю.

В самом деле! Небольшой эксперимент, который, учитывая неожиданность ситуации и духовный уровень преступника, может дать поразительный эффект.

Выдуманный приятель остался доволен.

Когда помесничий Лаанесте зашел в комнату, его школьный товарищ лежал на диване и напевал песенку.

Люди, которые трудятся, всегда осуждают бездельников. Они не могут понять, что и в лежачем положении иногда принимаются очень важные решения.

— Бедные пружины! — вздохнул помесничий Лаанесте. — Бедные пружины! Ну и достается же вам. На вас спят даже двое!

Но школьный друг будто и не слышал.

— Ты говорил, что сегодня будут выдавать зарплату? — спросил Эрки Китнер.

Лаанесте кивнул.

— Все, которые состоят в штате лесничества, приходят за зарплатой?

— А кто откажется от заработанных денег?

— Тогда знаешь, что я тебе скажу? — И Эрkki Китнер понизил голос: — Надо бы сделать вот что...

И так как он заговорил шепотом, то его слышал только помлесничий.

День зарплаты — прекрасный день. Разве кто-нибудь из этих кряжистых лесников в обычное утро положит в вазу на столе счетовода Эммы ветку жасмина или букетик ветреницы? Правда, лесник Моска, за которым всегда плетется его старая гончая, приходит иногда с цветком в руке, но и то, если по пути зашел в магазин. Зато в день зарплаты!.. Тогда в самой большой комнате заранее готовятся баночки. В день зарплаты в них благоухают скромные примулы, касатки и ясменники.

Люди с отдаленных участков лесничества, будто договарившись, преподносят кассирше самые необычайные букеты. Горожанин может полюбоваться майским ландышем и нежно-розовыми гроздьями кипрея. Или очень редкостной линнеей, если таксатору Кярмасу пришлось побывать в Трийгипалу, где растет олений мох.

В день зарплаты лесники не торопятся уходить. Поэтому те, у кого мало времени, резко бросаются в глаза. Как, например, отдыхающий из города, высокий блондин, которого помлесничий называл портным. Вот так штука, ого-го! А на самом деле, говорят, он занимается ловлей преступников. Очевидно, так оно и есть. А то чего он то и дело напоминает Эмме, что если будет разговор из управления милиции, то пусть она позовет его в дом.

Получающие зарплату приходят и уходят.

— Так-то вот, да, — говорит в большой комнате лесник Моска. — Если бы ты, Эмма, вышла за меня замуж, как бы нам хорошо жилось. Ты бы все денежки считала, а я... эх-эх-хээ...

Старый холостяк, который дважды в год сдает в магазин воз пустых бутылок, каждую зарплату заводит этот разговор.

— Выйду, выйду, не беспокойся. Ты только кольца припаси и бутылочку сладкого вина, — всегда отвечает ему счетовод Эмма.

Теперь же разговор до обручальных колец не доходит. Резко звенит телефон. Таллин вызывает Лапукюла. Таллин вызывает Эрkki Китнера.

Телефон в лесничестве параллельный. Счетовод Эмма держит трубку, пока молодой человек бежит в другую комнату.

Она бы с удовольствием подслушала разговор, но в комнате несколько человек, пришедших за зарплатой. Вечно молодежь Эмма хорошо знает, что можно и чего нельзя. Подслушивать чужой разговор на виду у посторонних уж точно нельзя.

К счастью, дверь в соседнюю комнату не преграда. Тем более, что говорящий по телефону из-за плохой слышимости выкрикивает некоторые слова. Эмма подпирает рукой подбородок и притягивает поближе вазочку с цветами. Ах, цветы! Как вы благоухаете! Ничего, что голоса из Таллина не слышно. Можно додумать.

— Анализ показывает, что пуля точно такая же, как была найдена в Сойдлакынну! — кричит в трубку следователь Эрки Китнер и добавляет, что этого можно было ожидать.

Навряд ли столь особенные пули могут быть у нескольких людей. А теперь он хочет сообщить Таллину радостную весть. Удалось найти гильзу. Она лежала там, где была застрелена косуля.

Таллин что-то спрашивает.

— Да, — отвечает голос в рабочем кабинете помлесничего. — Да, — подтверждает он еще раз и добавляет: — Без всяких сомнений. Гильза лежит передо мной на столе. Я скомбинировал примитивный спектральный увеличитель... Даже при помощи него можно увидеть на гильзе слабые очертания. Очевидно, следы пальцев. В инфракрасных лучах они будут ясно видны.

Какое счастье, что помлесничий Лаанесте, который заходит в большую комнату за лесником Москвой, вместе с ним отправляется во двор. Теперь ему не придется краснеть из-за телефонов лесничества. Надо же такому случиться! Какие скверные аппараты! Какие жалкие провода! Не в первый раз случается, что вместо нормального человеческого голоса в телефоне слышен какой-то треск.

— Алло, алло! — кричит в трубку Эрки Китнер, которого здесь сначала принимали за портного.

— Алло, алло! — кричат, вероятно, и в управлении милиции.

Телефон отвечает треском.

Но зато телефонистка на коммутаторе на высоте. Она внимательно слушала разговор и знает, что должна делать. Она обещает переключить разговор на другую линию, на домашний телефон лесничего. Не может ли товарищ пойти туда?

Конечно, товарищ может пойти. Товарищ вихрем влетает в большую комнату, наскоро объясняет счетоводу Эмме, в чем дело, и выбегает во двор. Лесничий живет в доме бывшего управляющего, туда не более ста метров.

В большой конторской комнате остаются двое взволнованных людей — мужчина и женщина. Мужчина, как и счетовод Эмма, внимательно слушал, о чем говорили в соседней комнате. Он все время стоял у окна, весь внимание.

— Цветики-цветочки! — вздыхает женщина и отодвигает от себя вазочку.

Был интересный разговор по телефону, но прервался.

— Беда нынче с техникой, — говорит мужчина и открывает ящик стола, где хранятся инструменты. — Посмотрим, может, разъединились провода? Или порвался кабель? И такое бывает.

Если бы Эмма была повнимательнее, она бы заметила, что голос взволнованного человека звучит неестественно, что он говорит, как участник художественной самодеятельности на деревенской сцене. Но Эмма вовсе не внимательна. Человек известен в округе как хороший слесарь, и поэтому Эмма ничуть не удивляется, что он уходит в кабинет помесничего с отверткой и плоскогубцами. Чего удивляться-то? Эмма ведь не видит, что человек сначала бросается к окну, выглядывает во двор, а потом на цыпочках подходит к столу.

Вот они: маленькая гильза, уложенная в коробочку с ватой, и какая-то трубка с красными стеклышками. Горожанин так спешил к другому телефону, что забыл прихватить их.

«Значит, этот прибор показал следы пальцев, — думает взволнованный человек. — Почему бы и нет, ведь ружье заряжалось безо всякой предосторожности. Перчатки надо было надеть... да кто их летом носит».

Он осторожно вынимает гильзу из коробочки.

Какая предательская штука! Кто бы мог подумать, что... И надо же было ее потерять.

Он не тратит времени попусту, не рассматривает гильзу. Отпечатки своих пальцев можно увидеть и дома на кофейнике. А сейчас дорога каждая секунда. Есть одна только возможность спасти свою шкуру.

Он сильно трет гильзу о полу пиджака. Он не знает, что такое спектральный увеличитель или как он там назывался... С инфракрасными лучами он тоже не знаком. Но наверное, если эту медную гильзу хорошенько протереть, то уж никакие аппараты ничего не установят.

Если же потом выяснится, что на этой проклятой гильзе нет никаких отпечатков пальцев, могут появиться некоторые сомнения.

Это лучше, чем прямое обвинение.

Пора браться за телефонные провода. Немного постучать и позвенеть. Только поскорее. Но сначала надо положить гильзу обратно в коробочку. И ради бога не оставить на ней новых отпечатков. Ни в коем случае.

Человек вынимает из нагрудного кармана карандаш, вытирает его в гильзу и в последний раз протирает. Он намеревается положить надетую на карандаш предательскую вещьцу обратно в коробочку, но рука останавливается на полпути.

Совсем близко кто-то покашливает, и этот осторожный звук пугает его так, как испугал бы выстрел из ружья над ухом.

В дверях стоит высокий блондин. Тот самый, который должен сейчас говорить по другому телефону. Но у него такой вид, будто он стоит здесь давно, целую вечность.

— Так я и знал,— тихо говорит Эрkki Кйтнер.— Я знал, что вы это сделаете. Вы не обманули меня. Или хотите сказать, что врожденная аккуратность заставила вас почистить этот маленький предмет?

Что он думает делать? Что тут думать, если руки дрожат, веки вздрагивают, а лоб краснеет от прилива крови. Надо что-то сказать.

— Аккуратность, вот именно...— заикается человек, который держит в руке надетую на карандаш гильзу.— Чтобы почистить...— И, не изменяя своей старой привычке, добавляет:— Ясное дело.

ВАЛЬТЕР ВОЗВРАЩАЕТСЯ ДОМОЙ

Видавшая виды, поцарапанная «Победа» катится по усыпанному гравием прибрежному шоссе. Дорога извивается между поросшими можжевельником пастбищами, между полями, засеянными хлебами. Человек, сидящий на переднем сиденье, умиленно глядит на зелень лугов, синеву моря и нежные тона мха. Ему очень хочется все это обнять.

Вальтер Маавере поправился и выписался из больницы.

Вальтер Маавере едет домой.

Катиться быстрее, колеса! Человек, который долго не вдыхал запаха сена и не слышал пения птиц, спешит к ним обратно.

Два с половиной месяца! За это время другие видели весну и лето, пережили много интересного.

— ...и когда в Синдлиярве все обыскали, а ружья не на-

шли, только связку шкур под сеном, следовательно сказал, что надо поискать в том месте, где была застрелена косуля. Мы были проводниками. Мардус увидел, что белка исчезла в дупле, и ему захотелось посмотреть, есть ли там у нее гнездо, и представьте, в дупле было спрятано ружье. Аккуратно уложено в брезентовый чехол и в общем похоже на охотничье, только один ствол нарезной. Немецкое, наверное, со времен оккупации...

Это Энн Сийтам и Мардус наперебой рассказывают Вальтеру о своих приключениях. Они не ошиблись, считая, что синдлиярвскому Яагупу не удастся смыть с себя вину. То, что нашли ружье, окончательно решило его судьбу. Яагуна уже нет в Лапукюла. За синдлиярвским Яагулом приехала машина. Вместе с ним уехал и школьный товарищ помлесничего.

— Ну и совесть у человека, — говорит Лаанесте, сидящий за рулем. — Убивать то, что тебе доверено.

Некоторое время в машине царит угрюмое молчание. Не знает помлесничий, не знают и остальные, что к Яагупу слова о совести совершенно не применимы. Они не имеют представления и о том, что Яагуп известен и под другим именем. Это имя замарано человеческой кровью в дни оккупации.

— Бывают же на свете люди... — ни к кому не обращаясь, говорит помлесничий Лаанесте и думает совсем не веселые думы.

Дорога ныряет в могучий дубняк, потом снова выползает на солнышко и поворачивает туда, где шуршит тростник.

Весной здесь кипела жизнь. Шумливая стая крачек гналась над берегом за вороной, в тихих бухтах лагуны копошились в илестом дне кряква и чирок-трескунок. А в мелких лужах расхаживали на своих ходулях красноногие водяные дрозды, издавая звуки, похожие на игру флейты.

И теперь в тростнике есть жизнь, но только более скрытая. Гнезда опустели. Птенцы заводят знакомство с большим миром. Но знакомиться нужно очень осторожно.

— Сбавь немного, — просит человек, испытывающий желание обнять все вокруг.

На телефонном столбе, поставленном на возвышение из плитняка, сидит мышелов. Гордый, неподвижный, повернувшись белопятнистой грудью к ветру. Всевидящий, точно как...

— Что стало с тем морским орланом, которого нашла гопчая лесника Моски? — спрашивает Вальтер Маавере.

Лаанесте отвечает не сразу. Он сигналил кому-то.

— Отдали Главному управлению. Обещали изготовить чучело.

— А второй орлан, самец?

— Его пригнало штормом к вийдунаскому берегу. Остались клюв и горсть перьев.

— Так что... и здесь конец,— произносит Вальтер Маавере.— И здесь.

— Так получилось... ничего не поделаешь. Никто этого не хотел.

Они оба заняты. Один — баранкой, а другой — своими мыслями. Поэтому они не замечают, как на заднем сиденье ребята затевают возню. Большой зажимает меньшему рот и почему-то грозит кулаком.

Вот и сводчатый мост, сложенный из плитняка во времена баронов, дымящая труба маслобойни, сторбившаяся Лийзу Тидрик с пучком полыни под мышкой и, наконец, маленький желтый домик.

Из сарая выбегает пожилая женщина с натруженными руками, улыбка уносит усталость с ее обветренного лица.

Многое хочется посмотреть человеку, движения которого долгое время ограничивали никелированная кровать и больничный садик. Особенно дома, где знаком каждый уголок. Кто-то выкрасил в красный цвет колодезные срубы. Вместо двух ласточек перед хлевом мелькает целое семейство острохвостых молний.

Не сразу заходит Вальтер Маавере в заднюю комнатку желтого домика.

Но вот он сидит за столом и задумчиво смотрит на фотографии, развешанные когда-то путешниками.

Итак, конец. И в северо-западной части Эстонии...

Он протягивает руку к книжной полке. Там лежала прежде общая тетрадь в голубой обложке. Там она и теперь.

Не в первый раз записывать Вальтеру эти слова. Но так тяжело еще никогда не было.

Конец... Увидят ли люди когда-нибудь еще над Палутагусскими лесами полет могучей птицы? Опустится ли в будущем на Вийдунаский орланий камень истинный властелин этих мест?

Вальтер Маавере перелистывает страницы.

Вдруг его сердце пропускает один удар. Там, где он собирался написать печальное сообщение, что-то уже написано.

Там даты, часы и несколько фотографий, при виде которых Вальтер вскакивает с места.

А в передней комнате Мардус уже давно делает вид, что поправляет половик.

— Ах ты мошенник! В машине не мог сказать! — кричит старший брат, и Мардус спасается бегством.

Галоша, сохшая в печурке, пролетает мимо его уха.

Лучший в мире мастер устраивать сюрпризы бросается в стог сена, сваленный на дворе, и смеется как ошалелый. Ох, ох, ох! Ах, ах, ах! Больше нет сил! О такой реакции он мог только мечтать. Это слишком красиво, чтобы быть правдой!

Мардус не признается, что на самом-то деле его радует совсем другое: человек, который наотмашь бросается галошами, здоров!

Немного успокоившись, Мардус снова крадется в комнату. Он появляется перед старшим братом с лицом лапукюлаского помощника пастора и произносит смиренным голосом:

— Мы сегодня в последний раз пойдем посмотреть орлана, но ведь ты устал с дороги...

Галоша попадает ему в спину, и он остается очень доволен.

ПРОЩАНИЕ

Когда до островка Сирбисаар оставалось несколько сот метров, проводник обернулся.

За ним следовали трое с палками в руках. Они шли молча, и, если бы не шуршал вереск под ногами и не хлопала вода, можно было бы подумать, что по болоту передвигаются тени.

— Давайте остановимся, — сказал проводник Мардус. — Отсюда хорошо видно гнездовое дерево.

Они опустились на колени. В бинокле ясно вырисовывалось гнездо. Но молодого орлана там не оказалось.

На этот раз среди путников был человек, прекрасно знающий обычаи орланов. Медленно повел он бинокль по верхушкам деревьев. Он искал дерево, которое возвышалось над остальными. Дерево с поредевшей кроной и такой веткой на верхушке, которую удобно обхватить когтями.

— Смотрите, где он, — сказал Вальтер Маавере. — Немного левее высоких елей. И не думайте, что он нас не видит.

Да, молодой Белое перо видел их. Он сидел на сторожевом дереве своего отца, на той же ветке, где сохранились глубокие

ссадины от когтей многих его предков. Три дня назад он совершил свой первый полет. Этот полет принес гибель девяти мышатам. В последующие дни он совершил много полетов, не совсем удачных, но зато поучительных.

Он сидел на сторожевом дереве своего отца, неподвижный как изваяние, и пристально смотрел, как люди направляются к его гнезду.

Их было больше, чем всегда. Белое перо не умел считать и поэтому не знал, сколько их, но, во всяком случае, их было больше.

Под деревом, на котором высилось гнездо, Вальтер Маавере отдал последние распоряжения:

— Вы, ребята, пойдете по краю болота. Обязательно вместе, как он привык вас видеть. Я подкрадусь спереди, а Лаанесте с ружьем подойдет сзади.

И они разошлись.

Пустынное болото отдавало дневное тепло. Теплый воздух струился вверх. Нежные перышки на затылке молодого орлана уловили это движение. Он почувствовал соблазн присоединиться к теплому потоку.

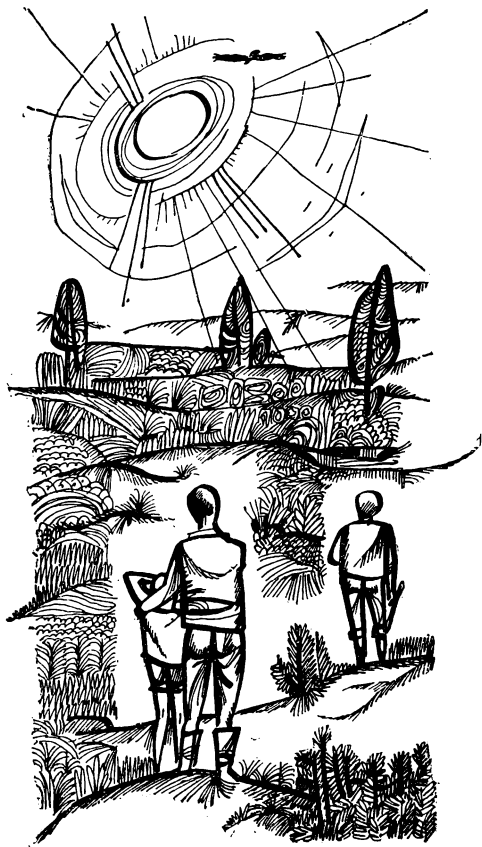
Орлан как будто знал, будто кто-то шепнул ему, что в такие предгрозовые часы его родители устраивали великолепные танцы под облаками.

Все птицы, недавно научившиеся летать, гордятся своими успехами. Так и молодой Белое перо. Хоть и мешала врожденная сдержанность, в глубине души ему все же хотелось показать, что он умеет. Но орлан подавил в себе желание сразу же расправить крылья. По краю болота приближались два очень знакомых ему существа. Молодой орлан решил подождать, пока они подойдут поближе.

Хотя Белое перо и следил за ребятами в зарослях тростника, он заметил, как переполошился прыгавший в кустах крапивник, как лесной конек, прячась, прижался к ветке. В тот же миг из-за кустов в сторожевое дерево полетела палка.

Инстинкт подсказывал молодому Белому перу многое. Инстинкт подсказал, что палка не долетит. Он же дал грозный приказ к бегству, и потомок властителей Палутагузского воздушного пространства тотчас расправил крылья.

Но Белому перу не хотелось улетать. Он кружил над сторожевым деревом. Вырисовывая в воздухе спирали, он следил за людьми, которые колотили палками по деревьям, кидали вверх шишки и кричали. Молодой орлан еще никогда этого не слышал.

Уже в то время, когда с ели, растущей рядом с гнездовым деревом, маленькому Белому перу в первый раз подбросили кусок мяса, инстинкт предупредил его: боясь тех, кто принес тебе еду. Позже возникло доверие. Но боязнь не исчезла бесследно. Она ожидала своего часа.

Теперь этот час наступил.

Белое перо не понимал, почему люди кричат и что они делают, но принял это за проявление враждебности. Крики, хлопанье в ладоши, летящие в воздух палки — все было направлено против него. Как только Белое перо это понял, он стал набирать высоту.

Две гадюки, брошенные к нему в гнездо, оказались ошибкой. Мыши были ошибкой, крысы — тоже. Щука со слизистым хвостом тоже была ошибкой, а два кролика — особенно большой ошибкой. Доверие к людям исчезло. Молодой Белое перо видел своего отца. Он видел свою мать по имени Плоский коготь. Видел всех умудренных жизненным опытом морских орланов, которые в течение восьми — десяти лет гнездились в самых затаенных уголках Палутагузеских земель. И все они звали его к себе — ввысь. Он, последний орлан Белое перо, не мог иначе, он должен был внять их зову.

— Теперь он улетит, — произнес на краю болота один из ребят. — Он думает, что мы...

И его красивые, длинные как у девочки, ресницы вздрогнули.

Вальтер Маавере обнял Энна за худенькие плечи.

— Не беспокойся и не печалься. Очень хорошо, что он так думает.

Мардус бросал в воздух палки, а помлесничий Лаанесте выстрелил в воздух. Они не могли рассказать молодому Белому перу самую трагическую историю, записанную в голубой тетради: осиротевший орленок вырос прирученным в заповеднике. Он стал доверять людям, а пастушок из соседней деревни убил его палкой. Единственное, что они могли сделать, — пробудить в молодом орлане страх.

Белое перо поднимался все выше и выше. Словно набирающий высоту планер, он накренился набок то вправо, то влево. Он поймал восходящий поток и старался больше его не упускать.

Далеко внизу за ним наблюдало четверо человек. Они стояли неподвижно. Каждый думал о своем.

«Пожалуй, правда, что в глубине души каждого из нас кроется жажда приключений, которая дрожью пронизывает все

наши дела. И хорошо, если она проявится возможно раньше», — думал Вальтер Маавере, вспомнив вычитанное из одной книги.

Мысли человека с ружьем подходили ближе к реальности.

«Странные ребята, — удивлялся Лаанесте. — Ну да, теперь орлан полетел, а все это... ведь не легко вам было. Почему не пришли и не рассказали в лесничестве?..»

Тут помлесничему вспомнилась лисица со всклоченной шерстью, которая в железной клетке скреблась когтями. Левый уголок рта вздрогнул. Иногда складывается... вот так.

Толстый мальчик, сжимавший в руке еловую корягу, отодвинулся в сторонку. В глазах жгло — поэтому.

«Лети, лети, — думал он. — Лети и будь осторожен. Я знаю, ты вернешься. Когда-нибудь ты обязательно вернешься. Иначе не может быть, не должно быть».

Младший из четырех размышлял в звуках. Эту способность он обнаружил в себе давно, но никогда прежде она не ощущалась так остро. Все вокруг — он сам, даже его мысли звучали как музыка, которую он слышал с болезненной ясностью.

Он слышал щемящую грусть бескрайнего болота, слышал, как плыли облака и палило солнце. В этой музыке падали дождики, шуршал высохший торфяной мох и раздавались гордые взмахи крыльев удаляющегося орлана. Там и прощание, и новал встреча. И уверенность в том, что когда-нибудь он запишет все это в нотах.

Белое перо, молодой орлан, поднимался все выше и выше, словно таял в воздухе. Вот он стал как черточка. Черточка превратилась в точку, а потом и точка исчезла из виду...

О Г Л А В Л Е Н И Е

Встреча	3
Старый орлан Белое перо	6
В лесничестве	11
Тетрадь в голубой обложке	17
На охоте	22
Энн укрепляет тыл	28
По лесной тропе	31
Через болото	35
Дом орланов	37
Птенец остается один	42
Чудовищный голод	46
Смерть старого орлана Белое перо	51
Мясо, мясо...	55
Зубастикку приходит конец	58
Новое меню	64
Конец пиршеству	69
Двое ребят и еще собака	73
Портной из Таллина	82
Неожиданная находка	84
Весть прибывает к месту назначения	89
Человек в лесу	94
Молодой орлан расправляет крылья	98
За жизнь	102
Шашки	106
Прошлое напоминает о себе	109
Первый полет	111
Ловушка	115
Вальтер возвращается домой	120
Прощание	123

Для среднего школьного возраста

Раннап Яан Яанович

ПОСЛЕДНИЙ ОРЛАН — БЕЛОЕ ПЕРО

Повесть

Ответственный редактор Г. И. Москвитская. Художественный редактор Н. Г. Холодовская. Технический редактор Г. В. Лазарева. Корректоры М. Б. Шеварц и Е. И. Щербакова.

Сдано в набор 24/V 1971 г. Подписано к печати 31/VIII 1971 г. Формат 60×84¹/₁₆. Печ. л. 8. Усл. печ. л. 7,46. (Уч.-изд. л. 7,66). Тираж 75 000 экз. ТП 1971 № 431. А09373. Цена 38 коп. на бум. № 1. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавополиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Москва, Суэцкий вал, 49. Заказ № 2447.

